

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

ISSN 2072-0297

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

19 2026
ЧАСТЬ VII

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 19 (622) / 2026

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен Жан Пиаже (1896–1980), швейцарский психолог и философ.

Жан Пиаже родился в швейцарском Невшателе. Его отец, Артур Пиаже, был профессором средневековой литературы.

Жан очень рано проявил себя как одаренный ребенок. В подростковом возрасте Пиаже интересовался малакологией — разделом зоологии, изучающем моллюсков. Под руководством малаколога Поля Годе, директора Музея естественной истории в Невшателе, Жан Пиаже к моменту окончания школы опубликовал множество статей в специализированных журналах. После школы молодой человек продолжил изучать естественные науки в университете Невшателя, где впоследствии защитил докторскую диссертацию. Поворотным моментом для Жана стал семестр в Цюрихском университете, где он учился у основоположника аналитической психологии Карла Юнга и психиатра Эйгена Блейлера. Именно эти ученые пробудили в нем интерес к психоанализу. В 1919 году Пиаже покинул Швейцарию и переехал во Францию, начав обучение в Сорбонне.

В Париже Жан Пиаже год работал в школе для мальчиков, открытой французским психологом Альфредом Бине, известным как соавтор IQ-тестов. В школе Пиаже стандартизировал тест на интеллект, разработанный британским психологом Сирилом Бертом, адаптировал его для французских детей и начал проводить свои первые экспериментальные исследования детского мышления.

Когда Пиаже стал публиковать результаты своих психометрических экспериментов, его успехи заметили на родине. В 1921 году он вернулся в Женеву, где возглавил Институт Руссо — центр экспериментальных исследований в области детской психологии и образования, основанный неврологом и психологом Эдуардом Клапаредом. Там Пиаже продолжил свои исследования и по их результатам опубликовал в 1923 году один из своих главных трудов — «Речь и мышление ребенка».

Ключевой идеей Пиаже этого периода стало то, что маленьким детям свойственен эгоцентризм, то есть ребенок не понимает, что существуют другие точки зрения (как в прямом, так и в переносном смысле), отличные от его собственной. Эгоцентричность, согласно наблюдениям Пиаже, проявляется и в речи дошкольников, которые часто разговаривают сами с собой, а не с окружающими. Однако, взаимодействуя со сверстниками, сотрудничая и конфликтуя с ними, ребенок учится воспринимать разные точки зрения и постепенно формирует социализированное мышление. В более или менее оформленном виде оно утверждается к 12 годам.

В 1923 году Жан Пиаже женился на Валентин Шатенау. У пары родилось трое детей, и свое отцовство Пиаже тоже превратил в основательное исследование, внимательно на-

блюдая за когнитивным развитием собственных детей. Эти наблюдения легли в основу его теории адаптации, разработанной в 1930-х годах, и книги «Истоки мышления у детей», изданной в 1936 году.

В этот период своих исследований Жан Пиаже сфокусировался уже не на речи, а на том, как маленькие дети взаимодействуют с объектами окружающей среды.

С конца 1930-х годов Пиаже стал изучать, как дети выполняют логические операции, устанавливают причинно-следственные связи, определяют отношения «часть — целое» и так далее. На основе этих экспериментов и своих предыдущих наработок Пиаже пришел к выводу, что на каждой стадии развития ребенок конструирует определенные представления о реальности, соответствующие его возрасту. По мере взросления он воссоздает эти представления заново, уже на более сложном уровне, и таким образом переходит на следующий этап развития. Именно в этот период исследований Пиаже сформулировал суть своей теории четырех этапов когнитивного развития, которая стала классической. Эту теорию он изложил в книге «Психология интеллекта», впервые опубликованной в 1947 году.

Покинув пост директора Института Руссо в 1925 году, Жан Пиаже впоследствии занимал множество престижных постов. Но главным итогом организаторской деятельности Пиаже стал Международный центр генетической эпистемологии в Женеве, основанный им в 1955 году. Ученый руководил им бессменно до самой смерти. Генетическая эпистемология изучает происхождение, структуру и развитие знания на уровне отдельного человека и целых культур.

Вклад Пиаже в науку был отмечен высшими международными наградами. В 1972 году он стал лауреатом премии Эразма за вклад в европейскую культуру, а в 1979 году получил престижную премию Бальцана за работы в области социальных и политических наук. Отдельно стоит сказать об академическом авторитете Пиаже: ведущие университеты мира, включая Гарвард, Кембридж, Йель и Сорбонну, присвоили ему более 30 почетных докторских степеней (Honoris Causa). А в 1969 году Пиаже стал первым европейцем, получившим награду «За выдающийся научный вклад» от Американской психологической ассоциации (APA), что для того времени было редчайшим событием.

Жан Пиаже ушел из жизни в 1980 году и был похоронен в Женеве. О нем и его идеях написано множество книг, среди которых выделяются «Беседы с Жаном Пиаже» Жан-Клода Брингье и «Жан Пиаже, человек и его идеи» Ричарда Эванса. Сам ученый также оставил автобиографию, опубликованную в 1952 году.

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Сергеева Е. И.

Правовые основы защиты интеллектуальной собственности предприятия 467

Сергеева С. А.

Актуальные проблемы уступки прав требования 468

Серебрякова О. А.

Теоретико-правовая характеристика административной ответственности юридических лиц в Российской Федерации ... 471

Сидоренко Л. В., Мурыгина Е. Ю.

Международная ответственность государств за нарушение прав человека в период вооружённых конфликтов 473

Стародубцева А. Е.

Право специализированных фондов на контроль за использованием жилья детьми-сиротами..... 475

Сукач Ю. С.

Бродяжничество и попрошайничество в призме профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних..... 478

Тагиров Р. И.

Договор бытового подряда: правовые проблемы..... 479

Тарасенко Я. Ю.

К вопросу о тактике допроса на первоначальном этапе расследования фальсификации доказательств 482

Тарасова А. А.

Экономическая преступность в Российской Федерации 484

Троицкий К. И.

Некоторые актуальные аспекты коммерческой ипотеки жилого помещения.... 486

Устюгова Д. Н.

Понятие и признаки киберпреступности: проблемы теоретико-правового определения 489

Федотова А. С.

Некоторые аспекты самозащиты личных неимущественных прав 491

Фролов А. С.

Влияние репродуктивных технологий на институты семейного права Российской Федерации 494

Хабибулов С. Р.

Дистанционное электронное голосование как элемент правового механизма реализации избирательного права в Российской Федерации: проблемы и перспективы 497

Хабибулов С. Р.

Информационная безопасность и защита персональных данных в избирательном процессе Российской Федерации: правовые риски цифровизации 500

Холодков Р. В.

Исполнение решений административных судов: порядок, обжалование, ответственность за неисполнение 504

Царёв Д. Н.

Проблемы обеспечения независимости судебной власти в Российской Федерации и пути их совершенствования 505

Чунькова Н. А.

Правовой статус искусственного интеллекта: от электронного лица до деликтоспособности..... 507

Шилов Н. В.

Теоретико-правовые основы доказательств в сфере компьютерной информации..... 510

Шопен И. А.

Организация правоохранительной деятельности по обеспечению защиты интеллектуальной собственности 513

ИСТОРИЯ

Заикина Е. С.

Библиотека Ивана Грозного: легенда о Либереи 516

Катонин С. А.

Специфика формирования себестоимости
и логистических издержек в танковой
промышленности СССР и Германии
(1943–1945 гг.) 518

Пасека К. С.

Становление женского образования
в гимназиях во второй половине
XIX — начале XX века в России 524

Плосконосова В. С.

Оккупационный режим на советской
территории в годы Великой Отечественной
войны 527

Сементеева Т. М.

Рецепция античности и теория мимезиса
в гуманитарном знании 528

ПОЛИТОЛОГИЯ**Ганиев А. Ф.**

Дипломатическое участие России
в урегулировании сирийского кризиса 532

Денисов Л. А.

К 80-летию ООН: системный кризис
и перспективы реформирования в условиях
трансформации мирового порядка 537

Султанов А. А.

Культурная дипломатия Китая в рамках
БРИКС: стратегии, инструменты
и перспективы развития 540

Чжао Яньян

Исследование сотрудничества между ШОС
и ООН 541

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Правовые основы защиты интеллектуальной собственности предприятия

Сергеева Елизавета Игоревна, студент магистратуры
Южно-Уральский технологический университет (г. Челябинск)

В статье автор исследует правовые механизмы защиты интеллектуальной собственности предприятия с акцентом на институт секретов производства. Анализируется легальное определение ноу-хау, закрепленное в ГК РФ, рассматриваются критерии охраноспособности, порядок установления режима коммерческой тайны.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, секрет производства, ноу-хау, коммерческая тайна, исключительное право, предприятие.

В условиях современной экономики, характеризующейся высокой конкурентной интенсивностью и стремительным технологическим прогрессом, интеллектуальная собственность становится одним из наиболее ценных нематериальных активов предприятия. Секреты производства обеспечивают компаниям существенное конкурентное преимущество, позволяя монополизировать доступ к технологическим, организационным или коммерческим сведениям, имеющим действительную или потенциальную ценность.

Правовое регулирование интеллектуальной собственности в Российской Федерации осуществляется на основе части четвертой Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ), вступившей в силу с 1 января 2008 года. Системообразующее значение имеют следующие нормативные акты:

- 1) Гражданский кодекс РФ, часть четвертая — основной кодифицированный акт, регулирующий отношения, связанные с созданием и использованием результатов интеллектуальной деятельности [2];
- 2) Федеральный закон «О коммерческой тайне» от 29.07.2004 № 98-ФЗ определяет режим коммерческой тайны, порядок его установления и защиты [3];
- 3) подзаконные нормативные акты, включая методические рекомендации по обеспечению правовой охраны секретов производства.

Для предприятий, осуществляющих инновационную деятельность, особое значение имеет понимание соотношения различных правовых режимов охраны объектов интеллектуальной собственности и выбор оптимальной стратегии защиты в зависимости от характера информации и бизнес-целей организации.

В соответствии со ст. 1465 ГК РФ, секретом производства (ноу-хау) признаются сведения любого характера (производственные, технические, экономические, организационные и другие), в том числе о результатах интеллектуальной деятельности в научно-технической сфере,

а также сведения о способах осуществления профессиональной деятельности в научно-технической сфере, а также сведения о способах осуществления профессиональной деятельности, которые имеют действительную или потенциальную коммерческую ценность в силу неизвестности их третьим лицам, к которым у третьих лиц нет свободного доступа на законном основании и в отношении которых обладателем таких сведений введен режим коммерческой тайны [2].

Из легального определения можно выделить три ключевых критерия охраноспособности ноу-хау.

Во-первых, коммерческая ценность. Сведения должны обладать действительной или потенциальной коммерческой ценностью именно в силу их неизвестности третьим лицам. Как отмечается в судебной практике, коммерческая ценность ноу-хау презюмируется, пока не доказано обратное. Это означает, что истец не обязан доказывать наличие коммерческой ценности в каждом конкретном случае — достаточно указать на характер сведений и их значимость для деятельности предприятия.

Во-вторых, это конфиденциальность. К сведениям, составляющим ноу-хау, у третьих лиц нет свободного доступа на законном основании. При этом законодатель не связывает охраноспособность ноу-хау с мировой новизной. Общедоступность отдельных элементов состава ноу-хау сама по себе не свидетельствует о неохраноспособности секрета производства в целом. Важно, чтобы совокупность сведений в том виде, в котором она используется правообладателем, не была известна третьим лицам.

В-третьих, принятие разумных мер для соблюдения конфиденциальности. Обладатель сведений должен ввести в отношении них режим коммерческой тайны и принимать организационные, технические и юридические меры по их охране [4].

Для охраны информации необходимо ввести режим коммерческой тайны, что включает локальные акты (По-

ложение о коммерческой тайне, перечень сведений), документирование (носители с грифом «коммерческая тайна») персональный учет работников, имеющих доступ, и соглашения о неразглашении (в т. ч. NDA с контрагентами).

Исключительное право в соответствии со ст. 1466 ГК РФ действует, пока сохранена конфиденциальность. Особенность — возможность существования параллельных прав у разных лиц, независимо получивших те же сведения.

Отметим, следующие виды договоров (ст. 1468–1469 ГК РФ):

- 1) об отчуждении права (полная передача);
- 2) лицензионный договор (право использования в установленных пределах). Регистрация в Роспатенте необязательная, но желательна.

Нарушитель обязан возместить убытки по ст. 1472 ГК РФ. Добросовестный приобретатель освобождается от ответственности, но должен прекратить использование после уведомления. Возможна уголовная ответственность в соответствии со ст. 183 УК РФ.

Выделим следующие проблемы доказывания:

- 1) необходимость подтверждения коммерческой ценности, суды назначают экспертизу либо применяют презумпцию;

2) отсутствие документов о введении режима (Положение, маркировка, подписи работников) ведет к отказу в иске;

3) уязвимость перед бывшими работниками, создавшими конкурирующую компанию.

Предлагаем следующие меры:

1) комплексный подход — патентовать то, что можно воспроизвести (обратный инжиниринг), охранять как ноу-хау то, что необратимо;

2) документальное оформление — фиксировать все меры защиты (положения, маркировку, журналы учета) — они станут решающими доказательствами в суде;

3) договорная работа — включать условия о конфиденциальности и судьбе ноу-хау в трудовые договоры;

4) судебная стратегия — готовить пакет доказательств (режим, ценность, факт нарушения, убытки).

Можно сделать выводы о том, что ноу-хау — эффективный механизм охраны коммерческой ценной информации, но требующий строгого соблюдения формальностей (режим КТ). Проблемы судебной защиты (доказывание, разрозненность подходов) компенсируются комплексной организационно-правовой подготовкой на предприятии. В условиях цифровизации значение надлежащей охраны интеллектуальной собственности будет только возрастать.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 года (ред. от 04.10.2022) // Собрание законодательства РФ. – 2014. — № 31. — ст. 4398.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (ч. 4) (ст. 1225–1551) (ред. от 04.01.2026) // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 52, ч.1. — ст. 5496.
3. О коммерческой тайне: Федеральный закон от 29.07.2004 № 98-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2004. — № 32. — ст.3283.
4. Рабец А. П. Правовая охрана секретов производства (ноу-хау) / А. А. Рабец // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. — 2025. — Т. 27. — №. 2.

Актуальные проблемы уступки прав требования

Сергеева Светлана Андреевна, студент магистратуры
Международный юридический институт (г. Москва)

В научной статье определяется понятие и сущность «уступки прав требований» в Российской Федерации. Рассматриваются условия уступки требований, изучается уступка будущего требования. Изучается формат уступки прав требований. Анализируются права и обязанности цедента и цессионария; ответственность цедента. В завершении статьи определяется перечень проблем уступки прав требований в РФ.

Ключевые слова: уступка права требования, цессия, цедент, цессионарий, договор цессии, будущее требование, ответственность цедента, ГК РФ.

Current problems of assignment of rights of claim

Sergeeva Svetlana Andreevna, master's student
International Law Institute (Moscow)

The scientific article defines the concept and essence of the assignment of claims in the Russian Federation. The conditions of the assignment of claims are considered, including the assignment of future claims is studied. The forms of assignment are studied. The

rights and obligations of the assignor and the assignee are analyzed; the responsibility of the assignor is analyzed. At the end of the article, a list of problems of the assignment of claims in the Russian Federation is provided.

Keywords: assignment of a claim, cession, assignor, assignee, assignment agreement, future claim, assignor's liability, Civil Code of the Russian Federation.

Введение

К числу неразрешенных вопросов, сопровождающих применение института уступки права требования в современных условиях, относится комплекс проблем, не имеющих единообразного разрешения ни в доктринальных источниках, ни в правоприменительной практике. Призванный обеспечивать динамику обязательственных отношений, данный инструмент (цессия) предоставляет кредитору возможность распоряжаться принадлежащим ему требованием без изменения содержания первоначального обязательства. Интенсивное развитие рыночных связей, усложнение структуры договорных конструкций и возникновение новых видов обязательств (в банковской сфере, факторинге, долевого строительстве) выявили следующие неурегулированные аспекты: определение юридического момента перехода прав при цессии будущих требований, необходимость согласования интересов cedent, assignee и должника, допустимость совершения уступки без получения согласия должника в обязательствах, имеющих личный характер, а также конфликтные ситуации, порождаемые множественностью уступок одного и того же права. Недостаточная проработанность нормативных предписаний вкпе с противоречивостью подходов, демонстрируемых судебными органами, обосновывают актуальность дальнейшего исследования обозначенной тематики.

Цель исследования в статье: изучение актуальных проблем уступки прав требования.

Задачи исследования в статье:

- изучить понятие и сущность уступки прав требования в РФ;
- рассмотреть условия уступки прав требования, изучается уступка будущего требования;
- описать формы уступки прав требования;
- проводится анализ прав и обязанностей cedent и assignee; ответственность cedent;
- устанавливается перечень проблем уступки прав требования в РФ.

Материалы и методы

Материалами для написания научной статьи выступили работы различных зарубежных и отечественных ученых, исследователей в области гражданского законодательства в Российской Федерации. Применялись следующие методы: логический метод, сравнительный метод, статистический метод, метод анализа, метод наблюдения, проектный метод, логический метод.

Результаты и обсуждение

Правовое регулирование уступки права требования (цессии) закреплено в параграфе 1 главы 24 ГК РФ. Указанная нормативная база определяет условия совершения сделки, а также объём прав и обязанностей cedent (лица, передающего требование) и assignee (нового кредитора).

Цессия представляет собой передачу договорного права требования от одного участника оборота к другому. Данный институт допускает как возмездное, так и безвозмездное основание перехода прав. Распространённые варианты применения цессии включают продажу кредитной задолженности коллекторским агентствам. Другой пример — уступка прав требования по договорам долевого участия в строительстве: инвесторы, приобретающие квартиры на этапе котлована, впоследствии передают права на почти готовое жильё с целью последующей реализации по более высокой цене.

А. А. Зверева утверждает в научной статье, что «уступка права требования интересный вид сделки, требующий большего внимания со стороны законодателя; существуют различные мнения по поводу толкования новелл гражданского законодательства по вопросам цессии из-за чего судебная практика, связанная с данным видом споров, неоднозначна» [3, с. 101].

О. И. Сундуй отмечает, что «уступка права требования (цессия) представляет собой передачу права требования по основаниям, предусмотренным гражданским законодательством, на основании заключения сделки между первоначальным кредитором (cedent) и лицом, приобретающим это право (assignee), в результате которой происходит замена кредитора в обязательстве» [4, с. 485].

При отсутствии противоречия закону уступка требования, совершаемая кредитором (cedent) в пользу иного лица (assignee), признаётся допустимой. В обязательствах, где личность кредитора имеет для должника существенное значение, совершение уступки без получения согласия должника не допускается. По денежным обязательствам соглашение сторон, ограничивающее либо запрещающее уступку требования, не влечёт недействительности самой уступки и не может служить основанием для расторжения договора, породившего соответствующее требование. При этом кредитор (cedent) не освобождается от ответственности перед должником за нарушение указанного соглашения (редакция Федерального закона от 08.03.2015 № 42-ФЗ). Для требований неденежного характера действует иной порядок: уступка права на получение неденежного исполнения возможна без согласия должника при условии, что такая уступка

не делает исполнение обязательства для должника значительно более обременительным. Соглашением между должником и цедентом может устанавливаться запрет или ограничение на уступку права на неденежное исполнение. Если такой запрет был предусмотрен договором, то соглашение об уступке по иску должника признаётся недействительным лишь при доказанности того обстоятельства, что другая сторона сделки знала или должна была знать о наличии запрета. В отношениях с участием солидарных кредиторов каждый из них вправе уступить требование третьему лицу только с согласия остальных кредиторов, если иное не установлено соглашением между ними.

Отдельное внимание занимает уступка будущего требования. Согласно статье 388.1 ГК РФ, «требование по обязательству, которое возникнет в будущем (будущее требование), в том числе требование по обязательству из договора, который будет заключен в будущем, должно быть определено в соглашении об уступке способом, позволяющим идентифицировать это требование на момент его возникновения или перехода к цессионарию» [1].

Для сделок, совершённых в простой письменной либо нотариальной форме, уступка требования, возникающего из такой сделки, требует соблюдения аналогичной письменной формы. Если сделка, на которой основано уступаемое требование, подлежит государственной регистрации, то соглашение об уступке регистрируется в порядке, предусмотренном для регистрации данной сделки. Иное может быть установлено только законом.

Практика применения норм об уступке требований на разных этапах развития современного гражданского законодательства не раз демонстрировала множество спорных и неурегулированных вопросов, которые приходилось разрешать в интересах участников правоотношений. Один из актуальных вопросов, связанных с защитой прав сторон договора цессии, — проблематика привлечения цедента к ответственности за недействительность переданного им требования, а также ряд смежных с этим вопросов.

Федеральным законом 2017 года № 212-ФЗ в пункт 1 статьи 390 Гражданского кодекса РФ были внесены изменения. Согласно новой редакции, в отношениях с участием предпринимателей цедент может быть освобождён договором от ответственности за передачу недействительного требования, если он не знал и не мог знать об обстоятельствах, влекущих такую недействительность, либо если он знал о них, но добросовестно предупредил цессионария. Важно отметить: при принятии закона № 212-ФЗ имели место так называемые «теневые поправки» (Витрянский, 2018) — их целью было укрепление положения цедента, которым в крупном бизнесе чаще всего выступают банки и иные кредитные организации. В проекте Федерального закона № 47538-6/10, подготовленном ко второму чтению 17 ноября 2016 года, пункт 1 статьи 390 ГК РФ предполагалось начать фразой «Если иное не предусмотрено законом или договором». Совет при Президенте

РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства назвал возможность исключения ответственности цедента за действительность уступаемого требования принципиально неверной и откровенно не соответствующей принципу добросовестности. Тем не менее, с учётом особенностей уступки по договору факторинга, Совет согласился с указанной редакцией. Однако в тексте проекта от 7 июля 2017 года (за неделю до окончательного принятия закона 14 июля 2017 года) пункт 1 статьи 390 ГК РФ оказался изложенным в том виде, который действует сегодня.

Произошедшее изменение впоследствии получило неоднозначные оценки экспертов. Одни предположили, что новое регулирование чрезмерно усиливает позицию цедента, фактически позволяя ему перекладывать на цессионария собственные риски, связанные с потенциальной недействительностью передаваемого требования. Другие (увидели в поправках усиление позиций цессионария: последний при заключении договора уступки будет либо закладывать соответствующие риски в цену договора (снижая её), либо просто не допускать включения положений об освобождении от ответственности.

Отсутствие единообразного подхода к толкованию этих норм показала и судебная практика. В одних решениях ссылка на абзац второй пункта 1 статьи 390 ГК РФ делается даже в тех случаях, когда, исходя из обстоятельств дела, она не должна была применяться (например, когда стороны прямо закрепили в договоре ответственность цедента за действительность отдельных дополнительных требований). В других же решениях применение новых норм прямо исключалось из-за отсутствия соответствующих положений в договоре.

Заключение

Таким образом, наиболее острую полемику в доктрине вызывает сегодня вопрос об ответственности цедента за действительность уступаемого требования. ФЗ № 212 внёс в пункт 1 статьи 390 ГК РФ изменения, которые допустили договорное освобождение предпринимателя-цедента от указанной ответственности. Это нововведение породило разрозненную судебную практику и неоднозначные оценки исследователей.

В целом же институт цессии, при всей его длительной истории и востребованности в современном обороте, содержит ряд системных проблем, нуждающихся в дальнейшем осмыслении.

До сих пор недостаточно чётко урегулированы, например, момент перехода прав при уступке будущих требований, баланс интересов цедента, цессионария и должника, а также последствия ситуаций, когда одно и то же право уступается несколько раз. Отсутствие единообразного толкования норм о цессии со стороны правоприменительных органов лишь подтверждает необходимость совершенствования законодательства и выработки более ясных ориентиров.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.03.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025).
2. Бауэр, Д.В., Загородникова, Ю. О. Правовой институт уступки права требования по обязательству Д. В. Бауэр, Ю. О. Загородникова / Д. В. Бауэр, Ю. О. Загородникова // Юридическая наука. — 2023. — № 5. — С. 121–125.
3. Зверева, А. А. Уступка права требования и ее практическое значение / А. А. Зверева // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2020. — № 11–4. — С. 99–102.
4. Сиразеев, М. М. Правовая природа предмета договора уступки права требования / М. М. Сиразеев // Молодой ученый. — 2024. — № 48 (547). — С. 452–454.
5. Сундуй, О. И. Правовая природа уступки права требования / О. И. Сундуй // Вестник науки. — 2024. — № 11 (80). — С. 484–487.

Теоретико-правовая характеристика административной ответственности юридических лиц в Российской Федерации

Серебрякова Ольга Андреевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Иванов Анатолий Михайлович, кандидат юридических наук, доцент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье проводится комплексный анализ теоретико-правовых аспектов административной ответственности юридических лиц в Российской Федерации. Исследуются понятие и признаки административной ответственности, её нормативно-правовая база (прежде всего КоАП РФ), а также особенности привлечения организаций к данному виду ответственности, в том числе вопросы правопреемства при реорганизации юридического лица.

Особое внимание уделяется специфике установления вины юридического лица, которая в административном праве носит объективный характер: акцент делается на наличии у организации возможности соблюсти нормы и правила и на принятии (либо непринятии) всех зависящих от неё мер. В работе систематизированы виды административных наказаний, применяемых к юридическим лицам (предупреждение, штраф, конфискация, приостановление деятельности), и раскрыты их целевые установки — частная и общая превенция, восстановление социальной справедливости.

В заключении сформулированы выводы о роли административной ответственности в обеспечении правопорядка в экономической сфере, отмечены дискуссионные вопросы (определение степени вины, соотношение с гражданско-правовой ответственностью, оптимизация размеров штрафов) и предложены направления дальнейшего совершенствования правового регулирования: уточнение критериев малозначительности правонарушений, повышение прозрачности правоприменительной практики, учёт экономических возможностей субъектов малого и среднего бизнеса при назначении наказаний.

Ключевые слова: административная ответственность, юридическое лицо, КоАП РФ, вина юридического лица, административное наказание, правопреемство, малозначительность правонарушения, правоприменительная практика.

Theoretical and legal characterization of administrative responsibility of legal entities in the Russian Federation

The article provides a comprehensive analysis of the theoretical and legal aspects of the administrative responsibility of legal entities in the Russian Federation. The article examines the concept and features of administrative responsibility, its regulatory framework (primarily the Administrative Code of the Russian Federation), as well as the specifics of bringing organizations to this type of responsibility, including issues of succession in the reorganization of a legal entity.

Special attention is paid to the specifics of establishing the guilt of a legal entity, which in administrative law is objective in nature: the emphasis is on the organization's ability to comply with the rules and regulations and on taking (or not taking) all measures depending on it. The paper systematizes the types of administrative penalties applied to legal entities (warning, fine, confiscation, suspension of activities), and reveals their objectives — private and general prevention, restoration of social justice.

In conclusion, conclusions are drawn about the role of administrative responsibility in ensuring law and order in the economic sphere, controversial issues are noted (determining the degree of guilt, correlation with civil liability, optimization of fines) and areas for further improvement of legal regulation are proposed: clarifying criteria for minor offenses, increasing transparency of

law enforcement practice, taking into account the economic opportunities of small and medium-sized businesses when imposing punishments.

Keywords: administrative responsibility, legal entity, Administrative Code of the Russian Federation, guilt of a legal entity, administrative punishment, succession, insignificance of an offense, law enforcement practice.

Административная ответственность юридических лиц — значимый элемент системы правового регулирования хозяйственной деятельности в Российской Федерации. Её развитие обусловлено необходимостью обеспечения правопорядка в экономической сфере, защиты публичных интересов и стимулирования добросовестного поведения организаций.

Административная ответственность подразумевает под собой вид юридической ответственности, которая наступает за совершение административного правонарушения и выражается в применении уполномоченным органом или должностным лицом административного наказания.

В Российской Федерации выделяют три основных юридических документа, которые устанавливают, изменяют или отменяют правовые нормы в данной сфере. Они представлены на рисунке 1.

Таким образом, согласно ст. 2.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ), «юридическое лицо признается виновным в совершении административного правонарушения, если будет установлено, что у него имелась возможность для соблюдения правил и норм, за нарушение которых настоящим Кодексом или законами субъекта Российской Федерации предусмотрена административная ответственность, но данным лицом не были приняты все зависящие от него меры по их соблюдению» [1].

В качестве наказания юридическим лицам могут быть применены следующие виды наказаний:

1. «Предупреждение» [1]. Подразумевает под собой официальное замечание юридического лица, которое выносится в письменной форме. Предупреждение применяется в случаях если правонарушение совершено лицом впервые, если отсутствует угроза причинения вреда жизни и здоровью людей, животным, объектам культуры

и безопасности государства, а также применимо если юридическое лицо не нанесло имущественный ущерб.

2. «Административный штраф» [1]. Подразумевает под собой денежное взыскание, максимальная сумма которого может достигать 1 000 000 рублей. Административный штраф применяется в случаях осуществления деятельности без государственной регистрации, без специального разрешения (лицензии), при имеющихся нарушениях в порядке работы с наличными и ведения кассовых операций, в ситуациях, когда присутствуют нарушения в сроках подачи заявлений в налоговые органы, при имеющихся нарушениях в области обязательного социального страхования и оформления сотрудников.

3. «Конфискация орудия совершения или предмета правонарушения» [1]. Подразумевает под собой принудительное обращение в собственность государства, чаще всего данный вид наказания используют, когда присутствует факт незаконного оборота товаром.

4. «Административное приостановление деятельности» [1]. Подразумевает под собой временное прекращение деятельности на срок до 90 суток. Чаще всего данное наказание применяется за грубые нарушения.

Выбор конкретного вида наказания зависит от характера и тяжести нарушения, а также от других обстоятельств дела.

Вина юридического лица имеет объективный характер и выражается в отсутствии действий по соблюдению установленных требований. В отличие от физических лиц не исследуются субъективные признаки такие как умысел или неосторожность.

Таким образом, анализируя вышеизложенное, можно выделить основную цель административной ответственности — предупреждение совершения новых правонарушений как самим правонарушителем (частная превенция), так и другими лицами (общая превенция).

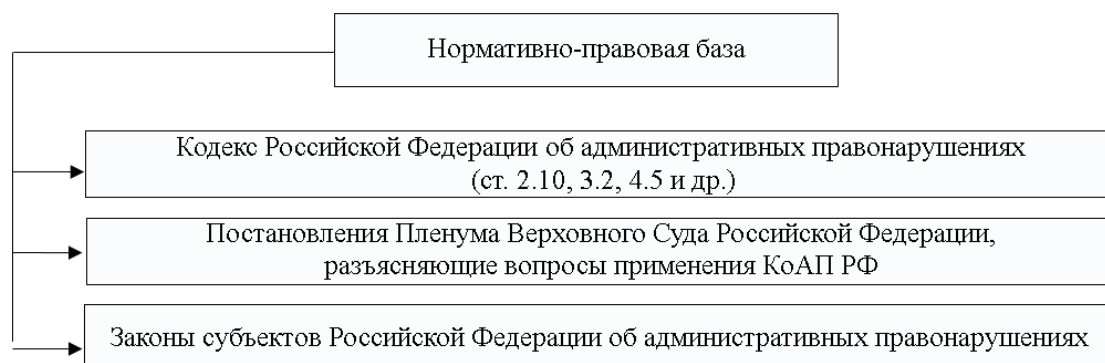

Рис. 1. Нормативно-правовая база

В заключении можно сделать вывод о том, что административная ответственность юридических лиц в Российской Федерации представляет собой комплексный институт, сочетающий нормы материального и процессуального права. Её ключевая особенность — объективный подход к определению вины, ориентированный на оценку действий организации по соблюдению требований законодательства.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. От 09.04.2026) [электронный ресурс] Официальный сайт компании «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/

Нормативная база (прежде всего КоАП РФ) обеспечивает чёткие критерии привлечения к ответственности, включая правила правопреемства при реорганизации. Судебная практика демонстрирует тенденцию к дифференцированному подходу: при малозначительности нарушений суды нередко ограничиваются замечанием, а при грубых нарушениях применяются строгие санкции.

Международная ответственность государств за нарушение прав человека в период вооружённых конфликтов

Сидоренко Любовь Владиславовна, студент;

Мурыгина Екатерина Юрьевна, студент

Научный руководитель: Абдрашитов Вагип Мнирович, доктор юридических наук, профессор
Волгоградский государственный университет

Настоящая статья посвящена анализу особенностей международно-правовой ответственности государств за нарушение прав человека в ситуациях вооружённых конфликтов, возникающих в условиях геополитической напряжённости по всему земному шару. Особый акцент делается на концепции исполняемости, реализуемости международно-правовых норм, призванных привлечь государство-агрессора к ответственности. В статье также приведены примеры государств-агрессоров, причастных к тотальному нарушению прав человека. Статья резюмируется вопросом реализуемости международно-правовых норм и практической применимости.

Деглобализация, кризис неолиберализма и движение к новому мировому порядку обусловили совершенно иную конъюнктуру международного права. Человечество нынче наблюдает несколько гуманитарных катастроф по всему земному шару, где во главу угла стоит Газа. Права человека стоят на десятом ряду (*к сожалению*), тогда как применение силы носит абсолютно гипертрофированный характер и тотально противоречит Уставу ООН и международному праву. В этих условиях международно-правовая ответственность государств за нарушение прав человека в ситуациях вооружённых конфликтов приобретает особое значение, потому как отсутствие санкции на акты нарушения прав человека инспирирует государства-агрессоры на всё более изощрённые действия (за примером — к Израилю).

Ценные правовые нормы относительно международных преступлений государств закреплены в статьях об ответственности государств за международно-противоправные деяния, подготовленные Комиссией международного права ООН (КМП ООН) и одобренные Генеральной Ассамблеей ООН в 2001 г. Статья 1 комментируемых норм гласит, что «каждое международно-противоправное деяние государства влечет за собой международную от-

ветственность этого государства» [1]. В свою очередь, ст.2 комментируемой правовой нормы декларирует 2 важных постулата для идентификации такой ответственности:

1) совершенный акт надлежит приписывать соответствующему государству;

2) деяние должно нарушать именно определённое обязательство, данное таким государством в рамках международно-правовых норм; причём такого рода деяние должно укладываться в согласованные ранее двусторонние и/или многосторонние международно-правовые нормы, признанные мировым сообществом (говоря о мировом сообществе в настоящей строке подразумевается далеко не только Соединённые Штаты и их сателлиты).

Анализируя особенности международно-правовой ответственности государств за совершённые и/или совершаемые ими преступления против других стран и народов, целесообразно подчеркнуть виды такой ответственности, дифференциация которых очень важна для эффективной квалификации комментируемых аспектов ответственности. Так, в науке международного права отмечается, что на государствах лежит ответственность *политическая* и *материальная*. Мирзабалаев Р. М. верно

подчёркивает, что «деструктивная политика некоторых недружественных стран, как правило, не приносит никакой экономической выгоды своим, национальным организациям; такие решения абсолютно политизированы, что вдобавок способствует стагнации региональной экономики» [2, с. 152].

Международно-правовая ответственность характеризуется рядом принудительно-ограничительных мер, применяемых к государству-возмутителю:

- сатисфакция (государство, пострадавшее от агрессора, акцептирует определённое удовлетворение за тот ущерб, который такое государство понесло в связи с внешней агрессией);

- реторсии (ответные ограничительные меры, когда одно государство, в ответ на недружественные действия другого государства, принимает ответные ограничительные меры, например, вносит поправки в национальный земельный кодекс о запрещении гражданам определённого государства приобретать земельные участки и вести там коммерческую деятельность);

- ресторация — статус КВО со стороны государства-агрессора;

- коллективные санкции: государства коллективно принимают решение о санкционном давлении оппонента;

- ограничение суверенитета;

- репарации (возмещение экономического ущерба путём направления денег, ресурсов, услуг и пр.).

Охарактеризовать каждый из видов ответственности можно на многих примерах: от Соединённых Штатов до Китая, от России до Евросоюза... Примером ограничения суверенитета является нынешняя Германия, оккупированная Соединёнными Штатами по итогам Второй Мировой войны. В настоящее время на территории ФРГ базируются 50 тыс. американских военнослужащих: по словам президента США Дональда Трампа, «сейчас в Германии размещены порядка 52 тыс. американских военнослужащих» [3]. Таким образом оказалось, что Германия оккупирована и суверенитет этой страны существенно ограничивается Соединёнными Штатами Америки. Комментируемые виды ответственности преследуют лишь одну цель — обуздать агрессора и не допустить дальнейшего нарушения прав человека.

Литература:

1. Internatioanal Law Commission, Articles on State Responsibility [Электронный ресурс]. <https://casebook.icrc.org/case-study/international-law-commission-articles-state-responsibility#art4> (Дата обращения: 04.04.2026) // Перевод на русский язык.
2. Мирзабалаев Р. М. Внешнеэкономические сделки как основа торгового оборота / Р. М. Мирзабалаев // Конституции Российской Федерации 30 лет: история и новые вызовы современной юридической науке: Материалы всероссийской научно-практической конференции студентов с международным участием, Омск, 16 октября — 24 2023 года. — Омск: Сибирский юридический университет, 2024. — С. 152–156.
3. Информагентство ТАСС [Электронный ресурс]. <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/8730989> (Дата обращения: 04.04.2026).
4. Сорокин С. Н., Абдрашитов В. М. Пути мирного урегулирования международных конфликтов / С. Н. Сорокин, В. М. Абдрашитов // European research. — 2015.

По справедливому замечанию Сорокина С. Н. и Абдрашитова В. М., принимая во внимание «обстановку, которая сложилась на данный момент на международной арене, всё более животрепещущим становится вопрос о решении международных споров и конфликтов» [4]. В контексте рассматриваемого вопроса важно упомянуть принцип признания государством ключевых международно-правовых норм, их императивный характер (*jus cogens*). Направлено это на то, чтобы усиливать ответственность государства-агрессора через признание последним международного гуманитарного права, а также обязательств такого государства перед мировым сообществом (*erga omnes*). Такого рода обязательства включают в себя запрет пыток, запрет геноцида и совершения военных преступлений.

Последний тезис особенно актуален в связи с многочисленными преступлениями нынешнего киевского режима на Украине, где концепция соблюдения и защиты прав человека напрочь отвергнута.

Важные положения относительно нарушений прав человека также закреплены в Женевских конвенциях 1949 г., где общая Статья 3 регулирует ситуации немеждународного вооружённого конфликта и прямо запрещает пытки и любое иное жестокое обращение (Common Article 1). Женевские конвенции 1949 г. также обременяют государства уважать нормы международного права. К этому также целесообразно добавить, что данное обременение имеет отношение в том числе и к тем государствам, которые способны и имеют соответствующее влияние на стороны противостояния, чтобы тем самым повлиять на стороны конфликта и прекратить столкновение.

Таким образом отметим, что нынешнее состояние норм международного права отнюдь не свидетельствует о всеобъемлющем соблюдении государствами ключевых международно-правовых положений о защите прав человека, поскольку, как уже было отмечено выше, применение силы на международной арене за последние годы оказалось гипертрофированным. В этой связи возникает резонный вопрос: реализуются ли на практике в действительности международно-правовые нормы о защите прав человека и ответственности государства-агрессора? Глядя на Соединённые Штаты и Израиль, ситуация оставляет желать лучшего.

Право специализированных фондов на контроль за использованием жилья детьми-сиротами

Стародубцева Антонина Евгеньевна, юрисконсульт
ГКУ Ставропольского края «Имущественный фонд Ставропольского края»

Актуальность данной статьи обусловлена повышением эффективности работы специализированных фондов и обеспечению прав уязвимой категории граждан: детей-сирот. В статье рассмотрены методы контроля за использованием жилья детьми-сиротами, приведены реальные примеры работы специализированных фондов.

Ключевые слова: специализированный фонд, контроль, наниматели, наймодатели, договор специализированного найма.

The right of specialized funds to control the use of housing by orphans

The relevance of this article is due to the improvement of the efficiency of specialized funds and the protection of the rights of a vulnerable category of citizens: orphans. The article discusses methods of monitoring the use of housing by orphans and provides real examples of the work of specialized funds.

Keywords: specialized fund, control, employers, landlords, specialized employment contract.

Вопрос обеспечения жильём детей-сирот и граждан, оставшихся без попечения родителей, является одним из ключевых направлений социальной поддержки. Предоставление жилого помещения из специализированного фонда не только создаёт условия для безопасного и стабильного проживания, но и формирует у молодых людей ощущение самостоятельности, ответственности за окружающее пространство, навыки ведения быта. Вместе с тем такое жильё, как правило, остаётся в владении и распоряжении собственника, который заинтересован в его сохранности, надлежащем состоянии и использовании по назначению. Это порождает особый вид отношений между лицами, проживающими в помещении, и теми, кто управляет имущественным фондом, устанавливает правила пользования и следит за их выполнением.

К специализированному жилому фонду относятся помещения, предоставляемые по договорам найма на определённый срок и при наличии специальных условий пользования. Для детей-сирот такие помещения, как правило, выделяются органами исполнительной власти или органами местного самоуправления за счёт государственного или муниципального жилищного фонда. Основанием служит признание гражданина нуждающимся в жилье и включение его в соответствующий список. После заключения договора найма лицо из числа детей-сирот приобретает статус нанимателя специализированного жилого помещения, а соответствующий орган — статус наймодателя, действующего от имени собственника.

Наниматель из числа детей-сирот обладает комплексом жилищных прав, близким к правам граждан, проживающих по обычному договору социального найма. Он вправе пользоваться жилым помещением для проживания, вселять совместно проживающих членов семьи при соблюдении установленных требований, рассчитывать на проведение необходимых ремонтных работ со сто-

роны собственника фонда. Существенное значение имеет защита от произвольного выселения: прекращение договора допускается на условиях, прямо указанных в законе, и, как правило, по решению суда.

Одновременно на нанимателя возлагается круг обязанностей, которые призваны обеспечить сохранность предоставленного помещения. Речь идёт об обязанности использовать жильё исключительно для проживания, соблюдать правила содержания жилого фонда, поддерживать санитарное и техническое состояние помещения, своевременно вносить плату за жилое помещение и коммунальные услуги. Для детей-сирот выполнение этих требований нередко становится первым опытом самостоятельной ответственности в бытовой и финансовой сфере.

Невыполнение обязанностей может повлечь применение мер воздействия, таких как составление актов осмотра с подробным описанием выявленных нарушений.

Научная литература подчёркивает, что правовой статус детей-сирот, как нанимателей специализированного жилья носит комплексный характер и занимает промежуточное положение между социальным наймом и иными видами пользования жилым фондом. Исследователи обращают внимание на необходимость более детальной регламентации сопровождения таких нанимателей, закрепления единых подходов к срокам предоставления жилья и переходу к самостоятельному пользованию. Отмечается, что обеспечение стабильности проживания должно сочетаться с реальными возможностями государства по поддержанию жилого фонда и соблюдению баланса интересов всех участников отношений.

Собственником специализированного жилого фонда, предоставляемого детям-сиротам, обычно выступает публично-правовое образование: субъект Российской Федерации или муниципальное образование. От имени собственника действуют уполномоченные органы и учре-

ждения, на которые возлагаются функции по управлению жилищным фондом, заключению договоров найма и организации контроля за состоянием помещений. Жилищное законодательство закрепляет за собственником право владения, пользования и распоряжения жилыми помещениями, однако реализация этих прав ограничена их целевым назначением — обеспечением проживания определённых категорий граждан, в том числе детей-сирот и лиц из их числа.

К числу ключевых прав собственника специализированного жилья относится возможность определять порядок предоставления помещений, заключать и расторгать договоры найма при наличии законных оснований, проводить техническое обслуживание и капитальный ремонт. Собственник вправе устанавливать правила пользования жилыми помещениями, включая требования к соблюдению санитарных норм, пожарной безопасности, сохранности инженерных коммуникаций. Эти правила доводятся до сведения нанимателей и служат ориентиром для оценки добросовестности поведения проживающих. Одновременно собственник имеет интерес в эффективном использовании фонда, недопущении его порчи и необоснованного простаивания.

Например, в Ставропольском крае таким субъектом является Имущественный фонд, который обеспечивает детей-сирот жилыми помещениями, заключает с ними договоры специализированного найма, в которых прописаны права и обязанности нанимателей.

Обязанности фондов вытекают, как из жилищного законодательства, так и из норм о защите прав детей-сирот. Фонды обязаны обеспечить надлежащее состояние передаваемых помещений, соответствие их требованиям безопасности и пригодности для проживания. После заселения собственник через управляющие организации или специализированные предприятия отвечает за содержание общедомового имущества, своевременное проведение ремонта, обеспечение коммунальными ресурсами.

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос об участии фондов в профилактике неблагополучия, связанного с использованием жилья детьми-сиротами. Фонды вправе инициировать такие меры, исходя из интересов сохранности имущества, но должны действовать с соблюдением прав нанимателей, не допуская стигматизации или излишнего вмешательства в их личную жизнь. Социальная функция специализированных фондов требует от собственников не только формального исполнения обязанностей, но и выстраивания партнёрского взаимодействия с проживающими.

В юридической литературе подчёркивается, что баланс прав и обязанностей фондов в сфере специализированного жилья достигается за счёт чёткого нормативного регулирования и прозрачных процедур принятия решений.

Жилищное законодательство допускает проведение проверок состояния помещений и инженерных коммуникаций, поскольку собственник обязан обеспечивать сохранность имущества и безопасность проживания. На

практике порядок таких осмотров закрепляется в договорах найма и локальных актах уполномоченных органов. Указываются сроки и периодичность посещений, круг лиц, имеющих право на доступ, а также необходимость присутствия нанимателя или его представителя. Несоблюдение этих требований может быть расценено как нарушение прав нанимателя, даже если цель осмотра была связана с предотвращением порчи имущества или угрозы для соседей.

Особое значение имеют ситуации, когда наниматель не допускает представителей собственника в жилое помещение. Систематический отказ от допуска при наличии оснований для осмотра (например, поступивших жалоб на протечки, запах газа, шум) может привести к применению мер, предусмотренных законом, включая обращение в суд за получением разрешения на принудительный осмотр жилого помещения. В таких случаях суды оценивают, как поведение нанимателя, так и соблюдение собственником установленных правил контроля.

В Имущественном фонде Ставропольского края, например, предусмотрен специальный порядок осмотра жилых помещений, который прописан в самом договоре специализированного найма, о том, что представитель фонда (наймодатель) имеет право на осмотр выданного жилого помещения, после предварительного уведомления сироты (нанимателя). Предварительное уведомление представляет собой утверждённый шаблон, в котором указывается дата осмотра жилого помещения. Специалист подготавливает уведомление об осмотре жилого помещения и отправляет его посредством почты сироте (нанимателю). Также, дополнительно, предусмотрено устное уведомление, которое осуществляется с помощью телефонной связи. На официальном сайте фонда также размещается утверждённый график осмотров жилых помещений.

В правоприменительной практике подчёркивается необходимость соразмерности мер контроля. Например, регулярные плановые осмотры, проводимые по графику и с уведомлением, признаются правомерными, тогда как частые непредусмотренные визиты без объяснения причин могут расцениваться как давление на нанимателя. В отношении детей-сирот важно учитывать их психологическую уязвимость, отсутствие опыта взаимодействия с государственными структурами и повышенную чувствительность к оценке их образа жизни. Чрезмерный контроль способен вызвать у них ощущение недоверия и привести к конфликтам, отказу от сотрудничества с органами, управляющими фондами.

В региональной практике, осмотры жилых помещений в соответствии с договорами специализированного найма проходят следующим образом: Представитель специализированного фонда, после всех проведенных процедур по уведомлению нанимателя (сироты), целенаправленно выезжает на осмотр определенного жилого помещения. Осмотр проводится с представителями опеки в присутствии нанимателя (сироты). При осмотре жилого поме-

щения составляется специальный акт осмотра, в котором указывается информация о том, что жилое помещение находится в удовлетворительном состоянии, если замечены определенные недостатки, проявляющиеся, например, в разбитых окнах, поломанных дверях, проводится фотофиксация, в составленном акте расписываются все присутствующие, в том числе и наниматель.

Задача представителя специализированного фонда определить каким образом появились существенные недостатки в выданном жилом помещении. Если недостатки образовались не по вине нанимателя (сироты), а по вине застройщика, тогда представитель фонда собирает все необходимые документы, акт, фото и составляет исковое заявление в отношении застройщика, для того, чтобы суд обязал его безвозмездно устранить появившиеся по его вине строительные недостатки. Если недостатки образовались по вине нанимателя (сироты), в таких случаях, составляется исковое заявление о безвозмездном устранении недостатков в отношении нанимателя (сироты). Возможно досудебное урегулирование возникших споров при осмотре жилых помещений. В обязательном порядке представителем фонда составляется досудебная претензия, которая отправляется застройщику или нанимателю.

В определенных ситуациях, после получения претензии, застройщик/наниматель соглашаются за свой счёт устранить выявленные недостатки, без судебного

разбирательства и составления искового заявления. К сожалению, досудебное урегулирование бывает не всегда, в таких случаях, представители фондов вынуждены обращаться в суд с иском о безвозмездном устранении недостатков в жилом помещении. Судебная практика показывает, что в большинстве случаев, суды принимают сторону специализированных фондов.

Исследователи указывают, что оптимальная модель контроля должна опираться на сочетание правовых и социальных механизмов. Важным является документирование результатов осмотра, составление актов с указанием выявленных нарушений и сроков их устранения. Это позволяет избежать субъективных оценок и последующих споров.

Таким образом, пределы контролируемых действий собственника при проверке использования жилья детьми-сиротами определяются совокупностью конституционных гарантий, жилищных норм и договорных условий. Собственник вправе проверять состояние помещения и требовать соблюдения правил пользования, но не может превращать контроль в постоянное вмешательство в личную жизнь проживающих. Соблюдение процедур уведомления, участие социальных специалистов и фиксация результатов осмотров помогают выстроить более доверительные отношения и снизить риск возможных конфликтов.

Литература:

1. Крюкова Е. С., Савельева Н. М. Особенности правового режима жилых помещений для детей-сирот // Семейное и жилищное право, N 4, 2022;
2. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ // consultant.ru. [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51057/, (дата обращения: 14.04.2026),
3. Федеральный закон от 21.12.1996 № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» // consultant.ru. [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12792/, (дата обращения: 14.04.2026),
4. Безгодкова Л. С. Правовое регулирование и защита жилищных прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, 2021 // [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-i-zaschita-zhilischnyh-prav-detey-sirot-i-detey-ostavshihsya-bez-popecheniya-roditeley?ysclid=mor8jw41x2500292597>, (дата обращения: 14.04.2026);
5. Розуван А. М., Редикульцева Е. Н. Правовое регулирование обеспечения жилищных прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: актуальные проблемы и возможные пути их решения, 2013 // [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-obespecheniya-zhilischnyh-prav-detey-sirot-i-detey-ostavshihsya-bez-popecheniya-roditeley-aktualnye-problemy-i?ysclid=mor8opmivh519454002>, (дата обращения: 14.04.2026);
6. Конституция Российской Федерации // consultant.ru. [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/, (дата обращения: 14.04.2026),
7. Леонченко А. П., Луконина А. А. Проблемы реализации права на жильё детей-сирот, Молодой Учёный, 2023 // [Электронный ресурс]. URL: <https://moluch.ru/archive/467/102848>, (дата обращения: 14.04.2026);
8. Неганова Е. Н. Жилищные права детей-сирот под контролем государства // ЭЖ-Юрист, N 23, 2015;
9. Огурцова М. Жилищные права детей-сирот // ЭЖ-Юрист, N 48, 2013.

Бродяжничество и попрошайничество в призме профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних

Сукач Юлия Сергеевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Хлестакова Любовь Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент
Костромской государственной университет

В статье анализируются различные подходы к формулированию понятий «бродяжничество» и «попрошайничество». Автор приходит к выводу об отсутствии легальных дефиниций вышеупомянутых категорий и предлагает пути решения существующего законодательного пробела.

Ключевые слова: несовершеннолетние, дети, государственная политика, попрошайничество, бродяжничество, профилактика безнадзорности.

Гармоничное и всестороннее развитие детей, формирование правильных нравственных начал в поведении несовершеннолетних является важной вехой становления и существования социального государства.

Для достижения конкретных целей и задач, стоящих перед государством, определения правильного вектора развития той или иной сферы жизнедеятельности общества, в Российской Федерации существует понятие государственной политики.

В 2020 году был принят Закон Российской Федерации, касающийся внесения изменений в основной закон нашей страны. Согласно анализу указанного нормативно-правового акта, можно отметить, что одним из приоритетных направлений государственной политики Российской Федерации стали дети, их духовное, нравственное и физическое развитие [3].

Успешная реализация национальной политики в сфере защиты детства неразрывна связана с институтом профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

В настоящий момент основным законом, регулирующим отношения, складывающиеся в сфере превентивной работы, является Федеральный закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних».

Согласно легальной дефиниции, профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних — это система социальных, правовых, педагогических и иных мер, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих безнадзорности, беспризорности, правонарушениям и антиобщественным действиям несовершеннолетних, осуществляемых в совокупности с индивидуальной профилактической работой с несовершеннолетними и семьями, находящимися в социально опасном положении [7].

Под антиобщественными действиями законодатель установил открытый перечень действий и отнес к ним систематическое употребление наркотических средств, психотропных и (или) одурманивающих веществ, алкогольной и спиртосодержащей продукции, занятие проституцией, бродяжничеством или попрошайничеством,

а также иные действия, нарушающие права и законные интересы других лиц.

Несмотря на достаточно широкий и понятный перечень антиобщественных действий несовершеннолетних, которые относятся к административным правонарушениям, и их определения изложены в диспозициях соответствующих норм материального законодательства, можно отметить фактическое отсутствие нормативных предписаний, предусматривающих ответственность за занятие «бродяжничеством» и «попрошайничеством», и соответственно отсутствие признаков, характеризующих данные категории.

В своей научной работе, А. В. Карпов под попрошайничеством понимает выпрашивание у посторонних лиц денег или материальных ценностей [4, с. 196].

Кудрявцева О. М. определяет попрошайничество как практические действия, которые выполняются в соответствии со статусом «нищий», это поведение, опирающееся на статус нищего [5, с. 83].

Теохаров А. К. в своем научном исследовании отмечает, что «нищенство как социальное явление редко обходится без занятия попрошайничеством, и в этой связи данные понятия можно соотносить как часть и целое. Однако в настоящее время попрошайничество приобрело существенно иной характер, нежели это было ранее, и представляет собой прибыльный бизнес» [6, с. 45].

На основании изложенного, мы приходим к выводу о том, что отсутствие законодательной дефиниции попрошайничества является пробелом в праве, что может в свою очередь повлечь неправильное толкование и применение норм законодательства, в частности, при осуществлении работы по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

Решение данной проблемы видится в закреплении понятия попрошайничества на федеральном уровне.

Исходя из анализа законодательной базы, а также научной литературы, наиболее удачным нам видится определение попрошайничества как навязчивые действия лица (лиц), осуществляемых в общественных местах против воли и по отношению к другим гражданам, с целью получения денежных средств или других материальных ценно-

стей, которые являются для просящего основным источником дохода.

Другой, тесно связанной с попрошайничеством, категорией противоправных общественно опасных действий является бродяжничество.

Как и понятие попрошайничества, бродяжничество не нашло своего законодательного закрепления ни на федеральном уровне, ни на уровне регионов.

В своей научной работе К. В. Вишневецкий под «бродяжничеством» понимает социальное явление, связанное с существованием лиц, которые не имеют какого-либо жилья, предназначенного и пригодного для проживания, или, имея такое жилье, не проживают в нем, потеряли или существенно ограничили социальные связи, постоянно меняют место пребывания, как правило, не имеют источников доходов, в связи с чем, пользуются услугами социальных учреждений и/или проживают на пожертвования других граждан» [1, с. 95].

Гишинский Я. И. говорит о том, что проблема бродяжничества несовершеннолетних является одним из вариантов компенсаторного поведения в конфликтной ситуации, неадекватной реакцией на неблагоприятную обстановку воспитания в семье, школе. При этом побег из дома следует рассматривать не просто как бегство из

семьи, где назрел конфликт, а как приобщение к «уличному племени», где есть свои нравы, обычаи, привычки, нормы и закономерности поведения [2, с. 234].

Исходя из вышесказанного, мы приходим к выводу о том, что разумным решением законодательного пробела станет принятие нормативно-правового акта, закрепляющего понятие бродяжничества.

На основании проведенного анализа наиболее удачным видится изложение бродяжничества как типа поведения лица, выражающийся в постоянном перемещении лица по территории одной или нескольких местностей, не имеющего определенного места жительства или имеющего таковое, но по каким-либо причинам, не живущим там, находящимся без средств к существованию и постоянного источника дохода.

Для устранения текущих пробелов в правовом регулировании данного института, избежания условий неправомерного толкования норм закона и предотвращения правоприменительных ошибок, считаем логичным внести изменения в статью 1 ФЗ о системе профилактики, путем введения новых терминов и дефиниций, описывающих существенные признаки категорий «попрошайничество» и «бродяжничество».

Литература:

1. Вишневецкий К. В. Характеристика бродяжничества как социального явления // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. С. 93–97.
2. Гишинский Я. И. // Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». — СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2004. С. 427.
3. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://pravo.gov.ru/>.
4. Карпов А. В., Ефименко Л. А. Нормативно-правовое регулирование понятий попрошайничество и бродяжничество несовершеннолетних // Электронный журнал «Science Time». 2015. С. 194–199.
5. Кудрявцева М. О. Драматургия попрошайничества: социологическое описание повседневной практики // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. Т. IV. № 3. С. 73–91.
6. Теохаров А. К. Понятие и признаки попрошайничества // Сибирское юридическое обозрение. 2017. С. 43–49.
7. Федеральный закон от 24.06.1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (в ред. от 01.04.2025 № 55-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://pravo.gov.ru/>.

Договор бытового подряда: правовые проблемы

Тагиров Ринат Ильгамович, студент
Московский университет «Синергия»

В статье анализируются проблемы правового регулирования договора бытового подряда в РФ на основе ГК РФ (ст. 730–739 ГК РФ), Закона «О защите прав потребителей» и отраслевых стандартов (в т. ч. ГОСТ Р 571372016). Выявлены ключевые сложности: нечеткое разграничение бытового подряда и смежных договоров, навязывание исполнителями невыгодных условий, трудности доказывания недостатков работы, противоречивость судебной практики, проблемы с гарантийными обязательствами и адаптация норм к цифровым формам заключения договоров. Автор обосновывает необходимость реформы и предлагает меры: кодификацию норм в отдельном разделе ГК РФ, разработку единых стандартов качества, упрощение процедур доказывания недостатков, регулирование электронных договоров и усиление кон-

троля за типовыми условиями. Цель изменений — достичь баланса интересов сторон и создать стабильную правовую среду в сфере бытового обслуживания.

Ключевые слова: договор бытового подряда, защита прав потребителей, правовое регулирование, судебная практика, цифровизация, баланс интересов, стандарты качества.

Договор бытового подряда занимает важное место в системе гражданско-правовых договоров, обеспечивая регулирование отношений между исполнителями и потребителями в сфере бытового обслуживания. Его правовая природа определяется положениями Гражданского кодекса Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14ФЗ [1], где в главе 37 закреплены общие нормы о подряде, а также специальные правила о бытовом подряде (ст. 730–739 ГК РФ). Согласно ст. 730 ГК РФ, по договору бытового подряда подрядчик, осуществляющий соответствующую предпринимательскую деятельность, обязуется выполнить определенную работу по заданию гражданина (заказчика), предназначенную удовлетворять бытовые или другие личные потребности заказчика, а заказчик обязуется принять и оплатить работу.

Правовое регулирование договора бытового подряда носит комплексный характер, сочетая нормы гражданского законодательства с положениями специального законодательства о защите прав потребителей. Закон РФ от 07.02.1992 № 23001 «О защите прав потребителей» [2] устанавливает дополнительные гарантии для заказчиков как экономически более слабой стороны договора. В частности, он закрепляет право на информацию об услуге, право на качество работы, право на возмещение убытков и компенсацию морального вреда, а также особые правила ответственности исполнителя. Значимую роль играют стандарты, в том числе ГОСТ Р 571372016 «Бытовое обслуживание населения» [4], который определяет терминологию, классификацию услуг и общие требования к их оказанию. Исторически регламентация договора подряда прошла длительный путь развития. Как отмечают С. Н. Болдырев, Е. А. Жуков и И. А. Крыгина, эволюция норм о подряде отражает изменения социально-экономических условий и потребностей общества [7, с. 95]. Это важно учитывать при анализе современных проблем договора бытового подряда, поскольку многие правовые конструкции имеют глубокие исторические корни. Несмотря на достаточно развитую нормативную базу, в правоприменительной практике возникает ряд проблем, связанных с договором бытового подряда. Одна из ключевых проблем — нечеткость разграничения бытового подряда и смежных договоров, таких как договор возмездного оказания услуг. Разграничение имеет существенное значение, поскольку к бытовому подряду применяются особые правила защиты прав потребителей, тогда как к услугам — иные нормы. На практике это приводит к спорам о применимом правовом режиме, особенно в случаях, когда работа и услуга тесно переплетены (например, ремонт техники с консультационной поддержкой) [8, с. 264]. Другой актуальной проблемой явля-

ется недостаточная детализация условий договора. Часто условия формулируются исполнителем в одностороннем порядке (в виде типовых форм), что создает риск ущемления прав заказчика.

Хотя Закон о защите прав потребителей запрещает включать в договор условия, ущемляющие права потребителя, на практике такие условия продолжают встречаться. Например, ограничения ответственности исполнителя, одностороннее изменение сроков или стоимости работ, отказ от гарантийных обязательств [2]. В. Ю. Авраменко подчеркивает, что подобные проблемы особенно остро проявляются в сфере государственных и муниципальных нужд, где требуется максимальная прозрачность договорных условий [5, с. 128]. Особую сложность вызывает вопрос доказывания недостатков выполненной работы. Заказчик, не обладающий специальными познаниями, зачастую не может своевременно зафиксировать дефекты или доказать их возникновение по вине исполнителя. Это усугубляется отсутствием единых методик оценки качества работ в отдельных сферах бытового обслуживания. Как отмечает А. Г. Маклер, несовершенство механизмов доказывания снижает эффективность защиты прав потребителей и провоцирует злоупотребления со стороны недобросовестных исполнителей [9, с. 31–34]. Проблемой является противоречивость судебной практики по вопросам ответственности сторон. С одной стороны, исполнитель несет ответственность за ненадлежащее исполнение обязательств независимо от вины (п. 3 ст. 401 ГК РФ и ст. 29 Закона о защите прав потребителей) [1, ст. 401; 2, ст. 29]. С другой стороны, суды нередко снижают размер взысканий, ссылаясь на отсутствие прямой причинно-следственной связи или на действия самого заказчика. Это создает неопределенность и затрудняет прогнозирование исхода споров. Не менее значима проблема исполнения гарантийных обязательств. Хотя ГК РФ и Закон о защите прав потребителей предусматривают право заказчика требовать устранения недостатков в рамках гарантии, на практике исполнители часто уклоняются от исполнения этих обязательств, ссылаясь на нарушение правил эксплуатации или истечение сроков. Отсутствие четких критериев разграничения гарантийных и негарантийных случаев порождает дополнительные споры [1, ст. 737; 2].

Развитие цифровых технологий порождает новые вызовы. Все чаще договоры бытового подряда заключаются дистанционно (через сайты, мобильные приложения), что требует адаптации правовых норм к электронным формам взаимодействия. Вопросы идентификации сторон, фиксации условий договора, электронного документооборота остаются недостаточно урегулированными, что повышает риски злоупотреблений.

В научной литературе эти проблемы также получают отражение. А. Л. Бредихин и Н. П. Парфенов подчеркивают необходимость уточнения правового смысла договора бытового подряда в условиях современного гражданского оборота, отмечая, что его традиционные признаки не всегда соответствуют новым формам взаимодействия [8, с. 264]. М. С. Богоявленская обращает внимание на необходимость усиления контроля за соблюдением прав потребителей в сфере бытового подряда, особенно в части прозрачности условий договора и доступности механизмов защиты [6, с. 834]. С. В. Сарбаш в своем фундаментальном исследовании «Исполнение договорного обязательства» предлагает системный подход к анализу договорных отношений, который может быть применен и к договору бытового подряда [10, с. 136]. Он подчеркивает важность баланса интересов сторон и необходимость четкого определения обязанностей каждой из них, что особенно актуально в контексте защиты прав потребителей. На основании проведенного анализа правового регулирования договора бытового подряда и существующих проблем в данной сфере считаю, что сложившаяся ситуация требует кардинального пересмотра подходов к регламентации этих отношений.

Необходимо признать, что основная проблема заключается в системном дисбалансе интересов сторон. Законодательство справедливо защищает права потребителя — физического лица, однако на практике это порождает другую крайность. Недобросовестные заказчики порой злоупотребляют своими правами, предъявляя необоснованные претензии или уклоняясь от оплаты выполненной работы надлежащего качества.

Требуется найти «золотую середину», при которой исполнитель мог бы вести предпринимательскую деятельность с разумным уровнем риска; потребитель получал бы гарантированную защиту от некачественных услуг и недобросовестных подрядчиков. Особую тревогу вызывает нечеткость терминологического аппарата. Отсутствие в ГК РФ и Законе о защите прав потребителей четких определений ряда ключевых понятий («бытовые нужды», «недостатки работы», «гарантийный случай» и т.д.) создает почву для разночтений и противоречивой судебной практики. Например, спорным остается вопрос: относится ли к бытовому подряду ремонт автомобиля, принадлежащего физическому лицу? С одной стороны, автомобиль — средство передвижения, с другой — его ремонт может быть связан с предпринимательской деятельностью владельца. Серьезной проблемой является фрагментарность нормативного регулирования. Помимо ГК РФ [1] и Закона о защите прав потребителей [2], действуют отраслевые стандарты (в т.ч. ГОСТ Р 571372016 [4]), а также разрозненные подзаконные акты. При этом между ними порой возникают противоречия, а сами нормы не всегда успевают за развитием технологий. Так, заключение договоров бытового подряда через мобильные приложения фактически не имеет полноценной правовой базы.

Обращаясь к работам ученых, отметим, что позиция А. Л. Бредихина и Н. П. Парфенова о необходимости уточнения правового смысла договора бытового подряда [8, с. 265] полностью соответствует нашим выводам. Действительно, традиционные конструкции, разработанные для «очных» сделок, плохо адаптируются к цифровым реалиям. Аналогично поддерживаю мнение М. С. Богоявленской о важности прозрачности условий договора [6, с. 832–836]: типовые формы, навязываемые исполнителями, зачастую содержат пункты, ущемляющие права потребителей.

Исторический анализ, проведенный С. Н. Болдыревым, Е. А. Жуковым и И. А. Крыгиной [7, с. 96], показывает: нормы о подряде всегда эволюционировали вслед за экономическими отношениями. Сегодня мы вновь находимся на этапе трансформации, и законодательство должно отреагировать на это.

Целесообразно выделить в ГК РФ отдельный раздел, посвященный бытовому подряду, где будут даны четкие определения ключевых понятий; закреплены критерии разграничения бытового подряда и смежных договоров (в том числе возмездного оказания услуг); урегулированы особенности заключения договоров в электронной форме.

Разработка единых стандартов качества для основных видов бытовых работ (ремонт техники, пошив одежды, строительные услуги и т.д.). Эти стандарты должны быть обязательными для всех исполнителей и доступны потребителям. Предлагаем ввести обязательную фото или видеофиксацию состояния объекта до начала работ (с согласия заказчика); право заказчика на привлечение независимого эксперта на любом этапе исполнения договора; презумпцию вины исполнителя в случае выявления существенных недостатков в гарантийный период (с правом опровержения); закрепление юридической силы электронных договоров бытового подряда; регламентация использования электронных подписей; создание единой платформы для досудебного урегулирования споров; антимонопольным органам следует активнее пресекать включение в договоры пунктов, ущемляющих права потребителей (например, одностороннего изменения цены или сроков). Отдельно отметим важность позиции С. В. Сарбаша о системном подходе к исполнению договорных обязательств [10, с. 636]. Действительно, любые изменения должны учитывать баланс интересов сторон и не создавать избыточных барьеров для добросовестных предпринимателей. В заключение подчеркнем, что решение обозначенных проблем не сводится к «косметическим» правкам законодательства. Требуется комплексная реформа, сочетающая четкость правовых норм; доступность механизмов защиты прав; гибкость регулирования для адаптации к новым технологиям. Только такой подход позволит создать стабильную правовую среду в сфере бытового обслуживания, где потребители будут уверены в защите своих интересов, а исполнители — в предсказуемости правил ведения бизнеса. Это, в свою очередь, послужит стимулом для развития отрасли и повышения качества услуг для населения.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (в ред. от 16.12.2025) // Российская газета. — 1996. — № 27.
2. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» (ред. от 01.04.2026) // Собрание Законодательства РФ. — 1996. — № 3. — Ст. 140.
3. Постановление Правительства РФ от 15.08.1997 № 1025 (ред. от 04.10.2012) «Об утверждении Правил бытового обслуживания населения в РФ» // Собрание актов Президента и Правительства РФ. — 1993. — № 25.
4. ГОСТ Р 57137- 2016. Национальный стандарт российской федерации. Бытовое обслуживание населения (в ред. от 01.06.2017). [Электронный ресурс]. — URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=9&documentId=388767&ysclid=mojwltabpq144205487> (дата обращения 29.04.2026).
5. Авраменко, В. Ю. Понятие и общая характеристика договора подряда для государственных или муниципальных нужд / В. Ю. Авраменко // NovaUm.Ru. — 2023. — № 46. — С. 127–130.
6. Богоявленская, М. С. Договор подряда в гражданском праве Российской Федерации / М. С. Богоявленская // Синергия Наук. — 2019. — № 32. — С. 832–836.
7. Болдырев, С. Н. Генезис регламентации договора подряда (историко-правовой аспект) / С. Н. Болдырев, Е. А. Жуков, И. А. Крыгина // Аграрное и земельное право. — 2019. — № 6 (174). — С. 94–97.
8. Бредихин, А. Л., Парфенов, Н. П. Правовой смысл договора бытового подряда и его место в современном гражданском обороте / А. Л. Бредихин, Н. П. Парфенов // Право и государство: теория и практика. — 2022. — № 12(216). — С. 264–265.
9. Маклер, А. Г. Договор подряда: правовая природа и особенности регулирования / А. Г. Маклер // Юрист спешит на помощь. — 2025. № 4. — С. 31–34.
10. Сарбаш, С. В. Исполнение договорного обязательства / С. В. Сарбаш. — М.: Статут, 2005. — 636 с.

К вопросу о тактике допроса на первоначальном этапе расследования фальсификации доказательств

Тарасенко Яна Юрьевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Славгородская Ольга Александровна, кандидат юридических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия

Важное место на первоначальном этапе расследования фальсификации доказательств занимает допрос. Данное следственное действие является самым распространенным на данном этапе расследования. Без допроса невозможно проводить расследование ни по одному делу.

Существуют различные определения допроса. Авторы ряда известных учебников по криминалистике определяют допрос «как следственное и судебное (или только следственное или процессуальное) действие, заключающееся в получении и фиксации в установленном процессуальном порядке показаний свидетелей, потерпевших, подозреваемых или обвиняемых об известных им фактах, имеющих значение для правильного разрешения дела» [1; 2; 3].

Некоторые авторы указывают на информационный характер этого следственного действия [4; 5]. А. В. Дулов обращает внимание на допрос как общение допрашиваемого и допрашиваемого, при этом определяются стадии этого общения: установление психологического контакта и обмен информацией [6].

При расследовании фальсификации доказательств, считаем, что следователю следует тщательно подготовиться к проведению допроса, активно использовать

тактические приемы распознавания лжи, и другие психологические приемы, установления контакта с допрашиваемым, так как последние чаще всего отрицают сам факт совершения преступления. Так, по одному из дел в кассационной жалобе осужденный Комлев указывает, что «приговор является незаконным и необоснованным; не опровергнуты его доводы, что протокол допроса свидетеля он не изготавливал, подпись Т. не подделывал; указав в приговоре, что он сфальсифицировал подписи допрашиваемого в протоколе, суд вышел за пределы обвинения; он не говорил о мотивах составления протокола допроса от 09 января 2010 года, однако суд в приговоре указал мотив, сославшись на его показания; в приговоре не указаны последствия, наступившие в результате преступления, характер и размер вреда; у него сложились неприязненные отношения со свидетелем С., показания которого ложные, противоречивые и не получили должной оценки в суде; в приговоре не отражено существо показаний свидетеля О., не указаны основания, по которым отвергнуты показания этого свидетеля и его (осужденного); имеющиеся в материалах дела копии протоколов допросов Т. не являются вещественными доказательствами; при назначении

почерковедческой экспертизы судом нарушены требования уголовно-процессуального закона: ему (осужденному) не были разъяснены права, предусмотренные ст. 198 УПК РФ, он не ознакомлен должным образом с постановлением о назначении экспертизы, т. к. судья огласил его очень тихо, суд самостоятельно отобрал образцы подписи; в приговоре делается ссылка на доказательства, не исследованные в судебном заседании, в частности, постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении М., по его мнению, нарушена тайна совещательной комнаты, поскольку, находясь там, судья дал разрешение на присутствие журналистов при провозглашении приговора; не выяснены различия в показаниях Т., отраженные в протоколах допросов. Просит приговор отменить и дело производством прекратить» [7].

Как мы уже отмечали, предметом фальсификации доказательств по уголовному делу часто являются протоколы следственных действий, показания свидетелей, обвиняемых. При допросе нужно, на наш взгляд, учитывать тот факт, что свидетели могут являться приятелями, родственниками, знакомыми подозреваемого. Соответственно весьма вероятны необъективные, и даже искаженные сведения, или вообще нежелание давать правдивые показания. Соответственно, следователю, целесообразно напомнить свидетелю, о предусмотренной УК РФ уголовной ответственности за отказ от дачи показаний или дачу заведомо ложных показаний.

В подавляющем большинстве случаев, лицо, совершившее фальсификацию, не только будет отказываться от того, что совершило фальсификацию вообще, но и то, что совершило ее умышленно. Соответственно, следователю обязательно надо установить наличие умысла в действиях лица. Для этого, может понадобиться проведение очных ставок.

Лицо, совершающее расследуемое преступление, осознает общественную опасность своих действий (бездействия), предвидит возможность и неизбежность причинения вреда интересам правосудия и желает, чтобы суд не получил надежные и допустимые доказательства. Однако в судебно-следственной практике бывают случаи, когда виновный утверждает, что, фальсифицируя доказательства, он не действовал с прямым умыслом, или даже вообще умышленно.

Сформулируем авторский подход к тактике допроса на первоначальном этапе расследования фальсификации доказательств, который состоит в том, что допрос должен

рассматриваться не как изолированное следственное действие, а как элемент оперативно-криминалистической тактической системы, направленной на быстрое выявление источника фальсификации, установление механизма подделки и фиксацию противоречий между показаниями и уже собранными материалами дела.

На первоначальном этапе расследования приоритетом является не столько немедленное получение полного признания, сколько:

- установление круга причастных лиц;
- выявление первичных следов фальсификации;
- проверка версии о подложности, подмене, искажении или уничтожении доказательств;
- создание условий, при которых допрашиваемый будет вынужден занять проверяемую и логически устойчивую позицию.

Тактика допроса по делам о фальсификации доказательств должна строиться на следующих положениях:

- опережающий характер допроса: следователь заранее моделирует типичные линии защиты и ложные объяснения;
- поэтапность: сначала выясняются обстоятельства, связанные с происхождением и движением доказательств, затем — роль конкретных лиц и их связи;
- минимизация преждевременного раскрытия всей доказательственной базы, чтобы не дать возможности согласовать версии или скрыть следы;
- акцент на деталях: особое значение имеют вопросы о времени, месте, порядке составления, передачи, хранения, изменения и использования доказательства;
- сочетание проверочных и изобличающих приемов, но с преобладанием тактики выявления противоречий, а не прямого давления;
- учет процессуального статуса и психологического состояния допрашиваемого, поскольку участники фальсификации нередко ориентируются на заранее подготовленную линию поведения.

Автор исходит из того, что тактика допроса по делам о фальсификации доказательств на первоначальном этапе расследования должна быть направлена не на немедленное изобличение, а на поэтапное разрушение ложной версии путем постановки уточняющих и контрольных вопросов, сопоставления показаний с данными о движении доказательства и последовательного выявления несоответствий в объяснениях допрашиваемого.

Литература:

1. Криминалистика: в 2-х т. / под ред. Р. С. Белкина, Г. Г. Зуйкова. М.: Высш. шк., 1970. Т. 2. С. 112.
2. Криминалистика / под ред. А. Н. Васильева. М.: Наука, 1971. С. 347.
3. Васильев А. Н., Карнеева Л. М. Тактика допроса при расследовании преступлений. М.: Юрид. лит., 1970. С. 5.
4. Порубов Н. И. Допрос в советском уголовном судопроизводстве. Минск: МГУ, 1973. С. 22.
5. Дулов А. В., Нестеренко П. Д. Тактика следственных действий. Минск: Высш. шк., 1971. С. 57–61.
6. Дулов А. В. Судебная психология. Минск: Высш. шк., 1975. С. 309–328.
7. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 17 января 2012 г. № 47-О11–84 «Суд изменил приговор, исключив из числа доказательств постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, поскольку оно не было

оглашено в судебном заседании, и исключив из описательно-мотивировочной части приговора ссылку на показания осужденного, так как они не отражены в протоколе судебного заседания» // СПС Консультант+. Документ опубликован не был.

Экономическая преступность в Российской Федерации

Тарасова Анастасия Андреевна, студент

Научный руководитель: Филиппова Елена Олеговна, кандидат педагогических наук, старший преподаватель
Оренбургский государственный университет имени В. А. Бондаренко

В статье раскрываются понятие, структура, причины и современные тенденции экономической преступности с учетом изменения экономических отношений и цифровизации. Рассмотрены научные подходы к определению данного явления, а также позиции авторов. Особое внимание уделено мерам противодействия экономической преступности и их эффективности.

Ключевые слова: экономическая преступность, экономическая безопасность, коррупция, мошенничество, криминология, преступления в сфере экономики, цифровая экономика

Экономическая преступность является одной из наиболее опасных форм преступности, поскольку затрагивает базовые экономические отношения, лежащие в основе функционирования государства. В современных условиях ее значимость возрастает в связи с развитием рыночной экономики, усложнением финансовых инструментов и активным внедрением цифровых технологий.

В научной литературе подчеркивается, что экономическая преступность представляет собой системную угрозу экономической безопасности, поскольку оказывает негативное воздействие на финансовую стабильность, инвестиционный климат и уровень доверия к государственным институтам [7, с. 189].

В криминологической науке отсутствует единое определение экономической преступности, что связано с объемным спектром данного понятия.

И. Ф. Зинovieв определяет экономическую преступность как совокупность преступлений, совершаемых в сфере экономической деятельности и направленных на извлечение незаконной прибыли [6, с. 2].

О. Г. Карпович указывает, что экономическая преступность представляет собой систему противоправных деяний, посягающих на экономические отношения, включая финансовые, налоговые и предпринимательские [4, с. 15].

С точки зрения С. Ю. Хлыстунова, экономическая преступность выступает не только как совокупность преступлений, но и как социальное явление, тесно связанное с экономическими процессами и институциональными особенностями государства [1, с. 34].

К основным признакам наличия преступности относятся: наличие корыстной цели, совершение деяний в сфере экономической деятельности, высокий уровень скрытности, причинение значительного имущественного ущерба.

Экономическая преступность включает широкий объем деяний, предусмотренных уголовным законода-

тельством Российской Федерации, среди которых значительное место занимают мошенничество, незаконное предпринимательство, уклонение от уплаты налогов, легализация денежных средств, полученных преступным путем, а также коррупционные преступления и злоупотребления в коммерческой сфере. По мнению М. П. Беликовой и М. В. Богдановой, структура экономической преступности характеризуется преобладанием корыстных деяний, направленных на незаконное извлечение дохода и получение имущественной выгоды [3, с. 1].

Ответственность за экономическую преступность предусмотрено в уголовном законодательстве Российской Федерации, прежде всего в разделе 22 Уголовного кодекса Российской Федерации «Преступления в сфере экономической деятельности». К числу наиболее распространенных составов относятся мошенничество, предусмотренное статьей 159 УК РФ, уклонение от уплаты налогов (статьи 198 и 199 УК РФ), незаконное предпринимательство (статья 171 УК РФ), а также легализация денежных средств, полученных преступным путем (статья 174 УК РФ) [8].

Анализ уголовно-правовых норм позволяет сделать вывод о том, что законодатель стремится охватить широкий круг общественно опасных деяний, посягающих на экономические отношения. Вместе с тем в научной литературе отмечается необходимость дальнейшего совершенствования законодательства с учетом современных форм экономической преступности [4, с. 48].

В научной литературе также подчеркивается, что экономическая преступность может классифицироваться в зависимости от сферы посягательства, включая финансово-кредитную систему, налоговую сферу, предпринимательскую деятельность и государственное управление. Такая классификация позволяет более точно определить механизмы совершения преступлений и разработать эффективные меры противодействия.

Причины экономической преступности носят комплексный характер и формируются под воздействием взаимосвязанных экономических, социальных и правовых факторов. В научных исследованиях указывается, что ключевую роль играют экономическая нестабильность, социальное неравенство, несовершенство правового регулирования и недостаточная эффективность государственного контроля. С. Ю. Хлыстунов отмечает, что экономическая преступность во многом обусловлена противоречиями между экономическими интересами различных социальных групп, что усиливает криминогенный потенциал общества [1, с. 36].

Экономическая преступность оказывает многогранное негативное воздействие на государство и общество. Она приводит к снижению инвестиционной привлекательности страны, нарушению конкурентной среды, росту теневой экономики и уменьшению налоговых поступлений.

О. В. Рудакова подчеркивает, что экономическая преступность подрывает основы экономической безопасности и способствует дестабилизации социально-экономической системы [7, с. 301].

Современный этап развития общества характеризуется активной цифровизацией, что оказывает существенное влияние на экономическую преступность. Использование информационно-телекоммуникационных технологий приводит к появлению новых форм преступной деятельности, включая кибермошенничество, незаконные операции с электронными денежными средствами и преступления в сфере цифровых активов.

А. В. Попова отмечает, что рост цифровых преступлений связан с расширением использования электронных платежных систем и дистанционных сервисов [5, с. 217]. Данные преступления отличаются высокой степенью скрытности и сложностью выявления.

Наблюдается интеграция традиционных форм экономической преступности с цифровыми технологиями, что приводит к усложнению схем совершения преступлений. Происходит негативное влияние на уровень доверия граждан к государственным институтам, что может привести к социальным конфликтам и снижению эффективности государственного управления.

М. Л. Мушарацкий подчеркивает значимость таких факторов, как низкий уровень правосознания и правовой культуры, способствующих распространению противоправного поведения в экономической сфере [2, с. 2]. Дополнительно следует учитывать влияние коррупции в органах государственной власти, недостаточную резуль-

тативность деятельности правоохранительных органов, а также высокий уровень латентности, который препятствует объективной оценке масштабов экономической преступности.

Экономическая преступность оказывает значительное негативное воздействие на экономическую безопасность государства, что выражается в снижении инвестиционной привлекательности, нарушении принципов добросовестной конкуренции, увеличении масштабов теневой экономики и сокращении налоговых поступлений в бюджет. Кроме того, она способствует дестабилизации финансовой системы и снижению доверия к государственным институтам. О. В. Рудакова подчеркивает, что экономическая преступность представляет собой одну из ключевых угроз национальной безопасности, поскольку подрывает устойчивость экономической системы государства [7, с. 301].

Противодействие экономической преступности в Российской Федерации осуществляется на основе комплексного подхода, включающего правовые, организационные и экономические меры. В научной литературе отмечается, что важнейшее значение имеет совершенствование уголовного законодательства, направленное на устранение пробелов и повышение эффективности правоприменения. Существенную роль играет развитие системы финансового мониторинга и усиление государственного контроля за экономической деятельностью.

М. Л. Мушарацкий указывает, что эффективность противодействия экономической преступности напрямую зависит от координации действий различных государственных органов, а также от уровня их взаимодействия [2, с. 3]. Важным направлением является профилактика, включающая повышение правовой культуры населения, снижение уровня коррупции и совершенствование экономической политики государства.

Эффективное противодействие экономической преступности возможно только при реализации комплексной государственной политики, направленной на совершенствование законодательства, повышение эффективности деятельности правоохранительных органов и развитие научных подходов к изучению данного явления.

На современном этапе развития общества в Российской Федерации, борьба с экономической преступностью приобретает стратегическое значение, выступая одним из ключевых направлений обеспечения экономической безопасности Российской Федерации.

Литература:

1. Хлыстунов, С. Ю. Экономическая преступность в системе государственного управления / С. Ю. Хлыстунов, М. С. Игнатенко // Среднерусский вестник общественных наук. — 2023. — № 4. — С. 31–47.
2. Мушарацкий, М. Л. Экономическая преступность и ее влияние на экономическую безопасность / М. Л. Мушарацкий // Вестник Прикамского социального института. — 2022.
3. Беликова, М. П. Анализ экономических преступлений в системе экономической безопасности страны / М. П. Беликова, М. В. Богданова, М. Д. Зюзин // Управленческий учет. — 2024.

4. Карпович, О. Г. Экономическая преступность в России: теория и практика противодействия / О. Г. Карпович. — Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. — 255 с.
5. Попова, А. В. Оценка экономической преступности в России в 2022–2024 гг. / А. В. Попова // Молодой ученый. — 2025. — № 39. — С. 217–219.
6. Зиновьев, И. Ф. Экономическая преступность в России: проблемы трактовки и исследования / И. Ф. Зиновьев // Современные научные исследования и инновации. — 2021.
7. Рудакова, О. В. Экономическая преступность как угроза экономической безопасности России / О. В. Рудакова, Д. Л. Каськов // Среднерусский вестник общественных наук. — 2023. — № 6. — С. 299–307.
8. Уголовный кодекс Российской Федерации: прин. 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 1, ст. 3. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 26.03.2026).

Некоторые актуальные аспекты коммерческой ипотеки жилого помещения

Троицкий Кирилл Иванович, студент магистратуры
Московский экономический институт

Проанализированы особенности коммерческой ипотеки жилого помещения. Обращено внимание на отдельные проблемы коммерческой ипотеки жилого помещения. Предложены пути решения выявленных проблем.

Ключевые слова: жилое помещение, коммерческая ипотека.

Some relevant aspects of commercial residential mortgages

Troitsky Kirill Ivanovich, master's student
Moscow Economic Institute

The features of commercial residential mortgages are analyzed. Attention is drawn to certain problems of commercial residential mortgage lending. Ways of solving the identified problems are proposed.

Keywords: residential premises, commercial mortgage.

Коммерческая ипотека — это ипотека, которую выдают лицам, не попадающим под какие-либо льготы, но желающим улучшить свои жилищные условия. Коммерческая ипотека доступна как юридическим, так и физическим лицам. Целью такой ипотеки является предоставление кредита на недвижимость под залог собственной недвижимости. Сегодня специалисты особое внимание уделяют вопросам развития этого вида ипотеки.

Кредитование под залог жилых помещений призвано помочь решить жилищную проблему не только за счет больших бюджетных ассигнований, но и на взаимовыгодной основе для банков и граждан. С учетом социальной значимости жилья закон «Об ипотеке» предусматривает некоторые особенности ипотеки жилых домов и квартир.

Пункт 1 ст.1 закона «Об ипотеке» раскрывает понятие договора о залоге недвижимого имущества (договора об ипотеке). Основную смысловую нагрузку в определении договора об ипотеке несут понятия «залог», «недвижимое имущество», «обеспечение».

Обращаясь к залогом как общему понятию, можно понять, что договор ипотеки является разновидностью договора залога, а не специальным, но самостоятельным гражданско-правовым договором. Это одна из причин, по которой формулировка договора об ипотеке по сути

идентична формулировке договора о залоге, предусмотренной ст. 334 ГК РФ, согласно которой «кредитор (залогодержатель) по обеспеченному залогом обязательству в силу залога отвечает за неисполнение или ненадлежащее исполнение этого обязательства должником. имеет право на удовлетворение из стоимости залога (предмета залога) преимущественно перед другими кредиторами залогодателя (залогодержателя)».

В силу залога, согласно нормам Гражданского кодекса РФ, кредитор имеет право на получение удовлетворения из стоимости предмета залога в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения должником обеспеченного залогом обязательства (ст. 334, п. 1 ГК РФ). Ипотека, являющаяся разновидностью залога, может быть удовлетворена только за счет стоимости движимого имущества.

Типичными субъектами ипотечных отношений являются залогодатель и залогодержатель. Кредитор по обеспеченному долгу и залогодержатель обязательно должны совпадать как одно лицо. Залогодержатель и должник могут совпадать, а могут и не совпадать. Таким образом, появление залогодержателя позволяет провести различие между ипотекой, созданной должником на основании обеспеченного обязательства, и ипотекой, созданной третьим лицом. Под участием третьего лица понима-

ются случаи, когда основной долг имеет собственное содержание и не связан со сторонами залогового правоотношения, но играет роль причины (объекта) залогового правоотношения и играет роль необходимых юридических фактов, входящих в фактический состав залогового правоотношения. Частью такого договора о залоге или самостоятельного документа может быть соглашение между должником и третьим лицом о праве на вознаграждение со стороны третьего лица и праве последнего на компенсацию в случае обращения взыскания на имущество. В этой части стороны действуют по своей воле и в своих интересах. Эти отношения не являются ипотечными; залоговое правоотношение между должником и третьим лицом имеет собственное содержание, отличное от содержания основного обязательства, и это свидетельствует о самостоятельности обеспечительного интереса. Третье лицо, не являющееся стороной в обеспеченном обязательстве, имеет статус обеспеченного должника, т. е. лица, создавшего обеспечение от имени должника.

При рассмотрении предмета залога в ипотеке коммерческого жилья необходимо учитывать особенности, связанные с тем, что право на жилище является одним из основных конституционных прав человека. В п. 5 ст. 74 Закона «Об ипотеке» также говорится о том, что ипотека жилых домов или квартир несовершеннолетних, опекаемых или находящихся под их защитой ограниченно дееспособных или недееспособных лиц осуществляется в порядке, установленном законодательством Российской Федерации о сделках с имуществом подопечных. Данная норма была введена в первую очередь для защиты собственников от возможных посягательств на их недвижимое имущество, учитывая существующий в настоящее время высокий уровень криминальной активности в связи с куплей-продажей домов и квартир.

В ст. 77 ФЗ «Об ипотеке» указывается такой способ приобретения жилья, как ипотека жилых домов и квартир, приобретаемых с помощью кредита банка или другой кредитной организации. Такое жилое помещение находится в залоге с момента государственной регистрации ипотеки в Едином государственном реестре недвижимости. Залогодержателем является банк или другая кредитная организация, предоставившая кредит на покупку жилого дома или квартиры.

Обращение взыскания на заложенное жилое помещение может осуществляться как в судебном, так и во внесудебном порядке. Реализация жилых помещений, на которые обращено взыскание, осуществляется путем проведения торгов, которые могут проводиться в форме конкурса или аукциона. Согласно пункту 3 данной статьи, лицо, проживающее в жилом доме или квартире, заложенной по договору найма или аренды, не может быть выселено при реализации заложенного жилого помещения. В статье 675 Гражданского кодекса РФ (часть 2) также указано, что «переход права собственности на жилое помещение, занимаемое на основании договора найма, не влечет за собой расторжения или изменения такого до-

говора». В соответствии с условиями ранее заключенного договора новый собственник становится арендодателем.

Одним из существенных правовых средств обеспечения интересов кредитора является обращение взыскания на недвижимое имущество должника, находящееся в залоге у кредитора.

В залоговом праве термин «обращение взыскания на недвижимое имущество» рассматривают как стадию реализации права залога и как обращение взыскания в смысле процессуального законодательства. Первое необходимо рассматривать и понимать как действия залогодержателя, которые осуществляются им в целях продажи на торгах предмета залога и получения денежного возмещения, второе — как ряд действий, которые осуществляются судебным приставом-исполнителем в целях удовлетворения требований кредитора о взыскании с должника денежной суммы, указанной в исполнительном документе.

В широком смысле под обращением взыскания на заложенное недвижимое имущество следует понимать меру принудительного исполнения, которая будет применена в отношении должника по договору ипотеки или по ипотеке, возникающей в силу закона с целью удовлетворения требований кредитора путем изъятия недвижимого имущества и его принудительной реализации на торгах или передаче кредитору.

Согласно п. 1 ст. 348 ГК РФ обращение взыскания на предмет залога возможно лишь при неисполнении или ненадлежащем исполнении должником обязательства, обеспеченного залогом. Из этого можно сделать вывод, что обращению взыскания на предмет ипотеки должно предшествовать выявление факта задолженности, ее суммы, а также иных обстоятельств ненадлежащего исполнения должником своих обязательств.

В то же время закон предусматривает некоторые исключения из этого правила. Так, например, банк может потребовать досрочного возвращения кредита или уплаты процентов по нему, а в случае невыполнения данного требования — обращения взыскания на предмет ипотеки вне зависимости от надлежащего или ненадлежащего исполнения обязательств заемщиком по кредитному договору. К таким случаям закон относит несоблюдение залогодателем обязанности по предупреждению залогодержателя о всех известных ему к моменту государственной регистрации договора правах третьих лиц на предмет ипотеки, грубое нарушение правил пользования заложенным жилым имуществом, правил содержания и ремонта заложенного имущества, несоблюдение заемщиком обязанности по принятию мер по сохранению данного имущества, если такое нарушение создает угрозу повреждения или утраты заложенного имущества, нарушение обязанности по страхованию заложенного имущества[1].

Неисполнение любой из этих обязанностей дает залогодержателю право потребовать досрочного исполнения обеспеченного ипотекой обязательства, а неисполнение этого требования может привести к обращению взы-

скания на предмет ипотеки, даже если основное обязательство было исполнено надлежащим образом.

В некоторых случаях основанием для оформления ипотеки на заложенное имущество может быть намерение сторон ипотеки и обстоятельства, не обусловленные поведением должника по обязательству, обеспеченному ипотекой. К таким обстоятельствам Федеральный закон «Об ипотеке» относит принудительное обращение взыскания на заложенное имущество со стороны государства или обращение взыскания на заложенное имущество по требованию предыдущего или последующего залогодателя. В этих случаях права залогодержателя реализуются независимо от надлежащего или ненадлежащего исполнения основного обязательства.

В целях защиты прав должника закон предусматривает ряд ограничений на обращение взыскания на жилые помещения, служащие обеспечением основного долга.

Так, например, в ГК РФ установлены условия, при которых обращение взыскания на заложенное имущество не допускается. К таким условиям относятся случаи, когда нарушение обеспеченного залогом обязательства, допущенное должником, незначительно и размер требований залогодержателя вследствие этого явно несоразмерен стоимости заложенного имущества. Таким образом, обращение взыскания на заложенное имущество должника возможно только при наличии существенных нарушений основного обязательства с его стороны. Нарушение обязательства, обеспеченного залогом, считается незначительным, а размер требований залогодержателя явно несоразмерен стоимости заложенного имущества при одновременном соблюдении следующих условий: 1) сумма неисполненного обязательства составляет менее пяти процентов от размера стоимости заложенного имущества; 2) период просрочки исполнения основного обязательства составляет менее трех месяцев [2].

В соответствии с процессуальным законодательством Российской Федерации не допускается обращение взыскания по исполнительному документу на жилое помещение, являющееся единственно пригодным для проживания гражданина-должника и членов его семьи. Однако данное ограничение не распространяется на указанные жилые помещения, которые являются предметом ипотеки, и согласно законодательству об ипотеке на них может быть обращено взыскание [3].

Ранее на практике существовал подход, когда обращение взыскания на единственное жилое помещение, яв-

ляющееся предметом ипотеки, было возможно только в случае целевого кредита. Такой подход был обусловлен узким пониманием п. 1 ст. 78 Федерального закона об ипотеке, которое сводилось к тому, что только при законной ипотеке имеет значение цель займа.

Однако в настоящее время существует позиция о том, что обращение взыскания на квартиру возможно как в случае, когда такая квартира заложена по договору об ипотеке, так и по ипотеке в силу закона независимо от цели предоставления ипотечного займа. Наличие у гражданина-должника жилого помещения, являющегося единственным пригодным для постоянного проживания помещением для него и членов его семьи, не является препятствием для обращения на него взыскания, если соответствующее жилое помещение является предметом ипотеки (договорной или законной).

Законом допускается обращение взыскания на предмет ипотеки в том случае, когда заемщиком нарушаются сроки внесения платежей более чем три раза в течение двенадцати месяцев, если залог обеспечивает обязательство, исполняемое периодическими платежами.

В случае неисполнения обеспеченного залогом обязательства залогодержатель приобретает право удовлетворить свои требования из стоимости заложенного имущества путем обращения на него взыскания. Однако в некоторых случаях такое право у залогодержателя возникает не всегда сразу после неисполнения заемщиком основного обязательства. Так, например, согласно Закону N 214-ФЗ обращение взыскания на предмет залога по договору долевого участия возможно только по истечении шести месяцев после наступления срока передачи застройщиком объекта долевого строительства согласно договору либо после прекращения или приостановления строительства объекта недвижимости при наличии обстоятельств, которые свидетельствуют о том, что в срок, предусмотренный договором, объект долевого строительства не будет передан участнику долевого строительства [4].

По общим правилам, обращение взыскания на заложенное недвижимое имущество происходит в судебном порядке. Однако закон предусматривает возможность заключения сторонами договора об ипотеке недвижимости соглашения о внесудебном порядке обращения взыскания. Условия о внесудебном порядке могут быть включены непосредственно в договор об ипотеке. Такое соглашение может быть заключено как до, так и после наступления случая обращения взыскания.

Литература:

1. Мизинова В. С. Особенности обращения взыскания на заложенное недвижимое имущество // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 14. Право. 2014. С. 221.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.03.2026) // Собрание законодательства РФ, 05.12.1994, N 32, ст. 3301.
3. Пластинина Н. Ипотека и споры вокруг нее // Жилищное право. 2019. N 2. С. 53.
4. Федеральный закон от 30.12.2004 N 214-ФЗ (ред. от 09.04.2026) «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 03.01.2005, N 1 (часть 1), ст. 40.

Понятие и признаки киберпреступности: проблемы теоретико-правового определения

Устюгова Дарья Николаевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Акунченко Евгений Андреевич, кандидат юридических наук, доцент
Сибирский федеральный университет (г. Красноярск)

В статье исследуется киберпреступность как относительно самостоятельный вид современной преступности. Обосновывается необходимость четкого разграничения киберпреступности и иных преступлений, совершаемых с использованием цифровых технологий. Предлагается авторский критерий, согласно которому киберпреступными следует признавать деяния, в которых цифровая среда, компьютерные системы, сети или данные выступают необходимым средством, существенным условием либо непосредственным объектом преступного посягательства. На этой основе уточняются признаки киберпреступности и выделяются их системообразующие и производные группы. Рассматривается международный аспект, обусловленный трансграничной природой киберпреступности.

Ключевые слова: киберпреступность, цифровая преступность, компьютерная преступность, преступность в цифровой среде, информационно-коммуникационные технологии, латентность, трансграничность, международное сотрудничество.

Цифровизация общественных отношений изменила не только экономический оборот, способы коммуникации и систему публичного управления, но и формы преступного поведения. В этих условиях существенно возрастает значение теоретического осмысления киберпреступности как особого криминологического явления. Российское законодательство не содержит легального определения киберпреступности, хотя Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ) закрепляет общее понятие преступления и предусматривает специальные составы преступлений в сфере компьютерной информации [1]. Отсюда возникает принципиальный вопрос: совпадает ли киберпреступность с кругом деяний, прямо предусмотренных главой 28 УК РФ, либо речь идет о более широком явлении, которое требует самостоятельного криминологического анализа?

В научной литературе используются различные термины: «киберпреступность», «компьютерная преступность», «цифровая преступность», «преступность в цифровой среде». Такой понятийный разброс свидетельствует не просто о терминологическом разнообразии, а о различии подходов к самому предмету исследования. Так, В. С. Кувшинова рассматривает киберпреступность преимущественно через посягательства на конфиденциальность, целостность и доступность компьютерных данных, систем и сетей [4, с. 54]. Напротив, С. С. Витвицкая, А. А. Витвицкий и Ю. И. Исакова указывают, что «широкое толкование терминов является правомерным» [6, с. 20]. В. Б. Клишков, Е. В. Стебенева и М. А. Яковлева также придерживаются более широкого подхода, включая в сферу киберпреступности иные деяния, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных технологий [5, с. 106]. Второй подход является более продуктивным для криминологического анализа, однако нуждается в уточнении, иначе практически любое современное преступление, совершенное с использованием цифровых средств, пришлось бы относить к киберпреступности.

В рамках настоящего исследования предпочтение отдается термину «киберпреступность», поскольку он позволяет акцентировать внимание на специфике киберпространства как особой среды преступного поведения.

Научная новизна исследования заключается в формулировании критерия сущностной связи деяния с цифровой средой как основания разграничения киберпреступности и иных преступлений, совершаемых с использованием цифровых технологий. По нашему мнению, киберпреступными следует признавать такие деяния, в которых цифровая среда, компьютерные системы, сети, данные и иные информационно-коммуникационные технологии выступают необходимым средством, существенным условием либо непосредственным объектом преступного посягательства. Если же цифровые средства выполняют лишь вспомогательную, технически нейтральную функцию, оснований для включения соответствующего деяния в сферу киберпреступности значительно меньше. Такой подход позволяет избежать как неоправданного сужения понятия до преступлений против компьютерной информации, так и его чрезмерного расширения до любых деяний, лишь формально связанных с использованием цифровых средств [5, с. 106–107; 7, с. 124–125].

Например, неправомерный доступ к компьютерной информации или создание, использование и распространение вредоносных программ по своей природе относятся к киберпреступности, поскольку цифровая среда в данном случае выступает непосредственным объектом и необходимым условием преступного посягательства [1; 5, с. 106–107]. Напротив, отдельные традиционные мошеннические действия, при которых цифровые средства используются лишь как вспомогательный способ связи, не всегда образуют киберпреступность в собственном смысле. Это позволяет отграничить собственно киберпреступность от более широкого массива преступлений, совершаемых с использованием цифровых технологий.

С учетом изложенного киберпреступность целесообразно определять как относительно самостоятельный вид современной преступности, представляющий собой совокупность преступных деяний, при совершении которых цифровая среда, компьютерные системы, сети, данные и иные информационно-коммуникационные технологии выступают необходимым средством, существенным условием либо непосредственным объектом преступного посягательства, что обуславливает специфику их структуры, динамики, латентности и предупреждения. Такое определение отражает именно криминологическую природу явления и позволяет объяснить, почему киберпреступность шире круга преступлений, предусмотренных исключительно нормами о преступлениях в сфере компьютерной информации [4, с. 53–54; 5, с. 106].

При характеристике признаков киберпреступности целесообразно различать системообразующие и производные признаки. К системообразующим следует отнести: 1) устойчивую связь преступного поведения с цифровой средой как особым пространством совершения, сокрытия и воспроизводства преступной деятельности; 2) технологическую опосредованность посягательства, при которой цифровые технологии становятся не внешним бытовым инструментом, а элементом самого механизма преступления; 3) специфику предмета либо способа причинения вреда, которая состоит в том, что воздействие направляется на данные, информационные системы, сетевую инфраструктуру либо осуществляется с использованием возможностей цифровой среды, качественно меняющих структуру преступного посягательства [5, с. 106–107].

К числу производных признаков относятся: 1) высокая латентность; 2) трансграничность; 3) удаленность причинения вреда; 4) автоматизация отдельных преступных действий; 5) адаптивность преступных практик. Высокая латентность обусловлена тем, что потерпевший не всегда своевременно осознает факт преступного воздействия, цифровые следы могут быть быстро изменены или уничтожены, а установление виновного лица затрудняется анонимизацией и распределенностью цифровой инфраструктуры [4, с. 55]. Трансграничность выражается в том, что субъект преступления, потерпевший, серверы, каналы связи и цифровые сервисы могут находиться в разных юрисдикциях, что осложняет сбор доказательств, определение применимого права и международное взаимодействие [6, с. 18, 25–26]. Удаленность причинения вреда, в свою очередь, снижает субъективно воспринимаемый риск для виновного и затрудняет своевременное пресечение преступления.

Современные исследования показывают, что киберпреступность характеризуется возрастающей организованностью, технологической сложностью и высокой адаптивностью к мерам защиты. К. М. Рао и К. Бала отмечают, что традиционные реактивные механизмы противодействия уже не соответствуют динамике современных киберугроз, а цифровая криминалистика в современных условиях должна выполнять не только ретроспективную,

но и прогностическую функцию, выявляя ранние признаки новых атак и преступных кампаний на основе методов машинного обучения и анализа неструктурированных данных [10].

Отдельного уточнения требует нередко упоминаемый в литературе «интеллектуальный характер» киберпреступности. Данный тезис нельзя воспринимать как универсальный. Действительно, значительная часть посягательств в цифровой среде предполагает специальные знания и навыки. Вместе с тем современная преступная практика показывает распространение шаблонных фишинговых схем, готовых вредоносных решений, арендованных технических сервисов и функционального разделения ролей между участниками преступной деятельности. Поэтому для киберпреступности более характерны технологическая опосредованность, специализация преступных ролей и возможность автоматизации преступных действий, чем обязательная высокая интеллектуальность каждого отдельного эпизода [5, с. 107; 9].

Международный аспект в исследовании киберпреступности имеет принципиальное значение. Дополнительные трудности создает и распределенный характер цифровых доказательств. Лосо Джуджанто и Шри Нурхаяти отмечают, что в сложных цифровых экосистемах, объединяющих устройства, данные, процессы и пользователей, расследование киберпреступлений осложняется технической неоднородностью устройств, высокой волатильностью данных и межюрисдикционными правовыми барьерами. К числу ключевых проблем авторы относят также допустимость цифровых доказательств, соблюдение цепочки их сохранности и недостаточную согласованность правовых механизмов международного взаимодействия [11]. Именно поэтому международное сообщество выработало специальные договорные механизмы противодействия таким деяниям. Будапештская конвенция Совета Европы 2001 года стала первым международным договором, специально посвященным преступлениям, совершаемым через Интернет и иные компьютерные сети [2]. Она охватывает не только посягательства на компьютерные данные и системы, но и компьютерно-опосредованные деяния, а также закрепляет процессуальные инструменты и основы международного сотрудничества [2; 3]. В этом проявляется важная международно-правовая тенденция: киберпреступность понимается шире, чем узкий круг составов против компьютерной информации.

Дополнительное подтверждение этому дает Конвенция Организации Объединенных Наций против киберпреступности, принятая резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 79/243 от 24.12.2024 [8]. Ее значение состоит в признании киберпреступности глобальной, а не региональной проблемой. Следовательно, понятие киберпреступности уже не может быть сконструировано исключительно на основе национального законодательства. Оно должно учитывать международные подходы к криминализации соответствующих деяний, расследованию киберпреступлений и обмену электронными доказательствами

[3; 8]. Таким образом, международный аспект является одним из факторов, определяющих современное понимание киберпреступности.

Вышесказанное позволяет сделать вывод, что киберпреступность следует рассматривать как относительно самостоятельный вид современной преступности, а не как случайный набор разнородных деяний, связанных с использованием компьютера или сети Интернет. Ее системообразующими признаками выступают сущностная связь с цифровой средой, технологическая опосредованность и специфика механизма причинения

вреда. Производными признаками являются латентность, трансграничность, удаленность преступного воздействия, автоматизация и адаптивность. Предложенный критерий сущностной связи деяния с цифровой средой позволяет точнее разграничивать киберпреступность и иные преступления, совершаемые с использованием цифровых технологий, что имеет значение как для криминологической теории, так и для правоприменительной практики, поскольку позволяет избежать неоправданного сужения и чрезмерного расширения исследуемого понятия.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ : в ред. от 09.04.2026. — Текст : электронный // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 13.04.2026).
2. Convention on Cybercrime (ETS No. 185). — URL: <https://rm.coe.int/0900001680989ee5> (date of request: 11.04.2026). — Text : electronic.
3. Explanatory Report to the Convention on Cybercrime. — Text : electronic // Council of Europe. — URL: <https://rm.coe.int/16800cce5b> (date of request: 13.04.2026).
4. Кувшинова, В. С. Криминологическая характеристика киберпреступности / В. С. Кувшинова. — Текст : непосредственный // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2020. — № 5-4. — С. 53–57.
5. Клишков, В. Б. Киберпреступность: понятие, признаки, основные направления противодействия / В. Б. Клишков, Е. В. Стебенева, М. А. Яковлева. — Текст : непосредственный // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2022. — № 4. — С. 106–114.
6. Витвицкая, С. С. Киберпреступления: понятие, классификация, международное противодействие / С. С. Витвицкая, А. А. Витвицкий, Ю. И. Исакова. — Текст : непосредственный // Правовой порядок и правовые ценности. — 2023. — № 1. — С. 18–27.
7. Романовский, В. Г. Цифровая преступность: понятие, криминологические особенности, проблемы противодействия / В. Г. Романовский. — Текст : непосредственный // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. — 2024. — № 3. — С. 123–136.
8. United Nations Convention against Cybercrime; Strengthening International Cooperation for Combating Certain Crimes Committed by Means of Information and Communications Technology Systems and for the Sharing of Evidence in Electronic Form of Serious Crimes. — Text : electronic // United Nations. — URL: <https://docs.un.org/en/a/res/79/243> (date of request: 19.04.2026).
9. Русскевич, Е. А. Уголовное право и «цифровая преступность»: проблемы и решения / Е. А. Русскевич. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : ИНФРА-М, 2023. — 351 с. — Текст : непосредственный.
10. Rao, K. M. Machine Learning-Driven Forecasting of Emerging Cyber Threats from Underground Digital Forensic Evidence / K. M. Rao, K. Bala. — Text : unmediated // Proceedings of the 6th International Conference on Image Processing and Capsule Networks (ICIPCN-2026). — [S. l. : s. n.], 2026. — P. 1646–1652.
11. Judijanto, L. Digital Forensic Gaps in Internet of Everything-Driven Cybercrime: A Review of Tools, Techniques, and Jurisdictional Challenges / L. Judijanto, S. Nurhayati. — Text : unmediated // 2025 13th International Conference on Communications and Broadband Networking (ICCBN). — [S. l. : s. n.], 2025. — P. 56–60.

Некоторые аспекты самозащиты личных неимущественных прав

Федотова Анастасия Сергеевна, студент магистратуры
Московский экономический институт

Проанализированы актуальные аспекты самозащиты личных неимущественных прав. Обращено внимание на отдельные проблемы самозащиты личных неимущественных прав. Предложены пути решения выявленных проблем.

Ключевые слова: личные неимущественные права, защита неимущественных прав.

Some aspects of self-protection of personal non-property rights

Fedotova Anastasiya Sergeevna, master's student
Moscow Economic Institute

The article analyzes the current aspects of self-defense of personal non-property rights. Attention is drawn to certain problems of self-defense of personal non-property rights. Ways of solving the identified problems are proposed.

Keywords: personal non-property rights, protection of non-property rights.

Следует отметить, что не всякий способ защиты может быть применен к личным неимущественным правам. Это обусловлено, прежде всего, спецификой самих этих прав, которая, в свою очередь, определяется особенностями своего объекта, то есть нематериальных благ, в данном случае — внешнего облика физического лица. Нематериальные блага лишены материального содержания и неразрывно связаны с личностью их носителя. Это накладывает определенный отпечаток на их осуществление и защиту.

Термин «самозащита» был введен в ГК РФ в 1994 г. после конституционного признания права на самозащиту в Декларации прав и свобод человека и гражданина 1991 г. Основой такого решения послужила ч. 2 ст. 45 Конституции РФ, закрепляющая положение о том, что каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом. Государство не в состоянии предвидеть и предотвратить каждое отдельное правонарушение, поэтому государственная власть заинтересована в активной деятельности частных лиц по защите своих прав, особенно с появлением новой системы экономических отношений и возрождением частного права, которое, как известно, построено на инициативе и максимальной автономии воли субъектов.

Гражданское право призвано обеспечивать защиту основных конституционных главным образом частных прав специфическими отраслевыми средствами. В отраслевом законодательстве должны конкретизироваться конституционные положения о праве субъектов правоотношений на защиту своих прав, в том числе возможность применения самозащиты с помощью конкретных отраслевых мер. В настоящее время в ГК РФ упоминается о самозащите только как о пресекательном способе защиты гражданских прав, при этом норма ст. 14 ГК РФ, по сути, никак не связана с иными нормами закона, допускающими возможность совершения односторонних и самостоятельных мер защиты, например, в рамках договорных правоотношений, так называемых оперативных мер самозащиты, что дает основание теории права считать их самостоятельным юридическим понятием. Полагаем, что первоначальная цель введения самозащиты в ГК РФ была связана с необходимостью отражения указанных конституционных положений, поэтому развернутого и системного правового регулирования этого института нет до сих пор. Наиболее приемлемая для современного гражданского права квалификация самозащиты как формы

защиты права, которая целиком реализуется в материальном праве. Форма самозащиты предполагает возможность применения способов самозащиты (пресечение нарушений и их угроз, а также восстановление нарушенных прав), которые, в свою очередь, реализуются в возможности применения конкретных правовых мер, носящих самостоятельный характер и осуществляемых в гражданском праве в одностороннем порядке в различных правоотношениях.

Самозащита реализуется несколькими способами, цель которых — предотвратить опасность нарушений права; прекращения уже состоявшегося нарушения права; восстановления положения, существовавшего до нарушения. Так, ст. 139 Семейного кодекса РФ устанавливает право на тайну усыновления ребенка, обязывая лиц, осведомленных об усыновлении, сохранять эту тайну, т. е. не передавать информацию другим субъектам, у которых нет права ее получать. Лица, по тем или иным причинам осведомленные об усыновлении и заинтересованные в сокрытии этого обстоятельства, могут реализовать самозащиту тремя способами: 1) предотвратить нарушение, деликатно выполняя все действия по усыновлению, не привлекая излишнего внимания, бережно храня все документы и обстоятельства усыновления, чтобы исключить доступ к ним посторонних лиц; 2) в случае проникновения за завесу этой семейной тайны они вправе обратиться с требованием к соответствующему лицу с предложением не допустить или прекратить разглашения сведений; 3) потребовать восстановить положение, существовавшее до разглашения тайны, то есть вернуть незаконно полученные документы, прекратить распространение сведений об усыновлении и т. п.

Самозащита может осуществляться и в состоянии крайней необходимости. По ст. 1067 ГК РФ крайняя необходимость — это обстоятельства, при которых создается угроза самому обладателю права или другим лицам, если эта опасность при данных обстоятельствах не могла быть устранена другими средствами. И действия в состоянии необходимой обороны ГК также признает правомерными. Юридические лица и публичные образования как обладатели всякого рода прав, в том числе личных неимущественных, также прибегают к их самозащите, устанавливая запоры на двери служебных помещений и складов, прибегая к услугам охраны, защищая свои линии связи от несанкционированного прослушивания и т. п.

Рекомендации по совершенствованию понятия самозащиты в правовых отраслях, разработанные общей теорией права, предусматривают, во-первых, необходимость перечисления в отраслевом законодательстве некоторых способов самозащиты прав, во-вторых, установление детальных оснований и условий ее правомерности. Отмечается нормативная неопределенность критериев соразмерности самозащиты прав, что сдерживает субъектов в самостоятельной защите собственных прав. В связи с такой ситуацией в отраслевом регулировании самозащиты снижается ее эффективность. Отсутствует также оговорка о возможности выбора субъектом любой формы реализации ее способов при соблюдении условий правомерности.

Таким образом, законодатель подталкивает субъектов к «пробным мерам», законность которых в итоге может определить только суд[1]. Возникает ситуация, когда в действиях субъектов причинивших соразмерный вред для защиты своих прав, судами усматриваются признаки самоуправства (ст. 330 УК РФ) на том основании, что возможность совершения таких действий не отражена в законодательстве, поэтому они признаются нарушением установленного порядка.

Все это свидетельствует о неэффективности механизма самозащиты в отраслях права, наличие таких недостатков можно констатировать и в отрасли гражданского права. В связи с этим наука теории права рекомендует разрабатывать неизвестные законодательству способы самозащиты прав, предлагать, обосновывать и апробировать формы их реализации.

Таким образом, эффективность механизма не только самозащиты прав, но и защиты гражданских прав в целом зависит от того, насколько грамотно и подробно отраслевое законодательство регулирует возможность применения конкретных односторонних правозащитных мер в его различных подотраслях, особенно в динамичном обязательственном праве.

Одностороннее юридически значимое поведение субъектов в гражданских правоотношениях чаще всего направлено на защиту своих прав, поскольку регулятивный механизм в противоположность правозащит-

ному в гражданских правоотношениях предполагает взаимное согласование воли, которое является основным регулирующим инструментом в частном праве. Одностороннее проявление воли в механизме защиты прав можно охарактеризовать как реализацию конкретной меры самозащиты права, то есть без поддержки каких-либо государственных органов на момент совершения самостоятельных действий субъектом. Право на реализацию односторонних правозащитных действий связано с фактом нарушения права или угрозой такого нарушения. Эти юридические основания предполагают обоснованность односторонних защитительных действий, то есть такие односторонние действия уже не являются аномальными, а становятся допустимыми и правомерными и реализуются в сложном юридическом составе. При этом угроза совершения нарушения субъективных прав лица может влечь те же правовые последствия, что и реальное нарушение прав, или даже более серьезные.

Понятие односторонних действий по самозащите права неразрывно связано с понятием одностороннего поведения субъекта гражданско-правовых отношений, его гражданско-правовой активностью[2]. Их применение всегда носит более широкий правоохранный характер, поскольку защита является частью понятия охраны прав. Защитительное поведение субъекта в рамках правоотношения, как правило, реализуется в виде допустимых к совершению мер в определенных законом пределах. Применение мер самозащиты в рамках материальных правоотношений — это не только охранительная функция гражданского права, но и организационно-преобразовательная и воспитательная. Воспитательная функция защиты тесно связана с самим фактом возможности применения самостоятельных правозащитных мер. Гражданское право стимулирует участников правоотношений, предоставляя условия для их саморегуляции в связи с фактом нарушения. Самозащита в гражданском праве предполагает возможность ее применения в результате нарушения любых гражданских прав, хотя динамичные частные права преимущественно возникают из договорных, регулятивных отношений.

Литература:

1. Мальцев М. Н. Самозащита субъективных прав по российскому законодательству (теоретико-правовое исследование): автореф. дис.... канд. юрид. наук. Саратов, 2013. С. 21.
2. Рыбаков В. А. Проблемы формирования гражданско-правовой активности (вопросы теории и практики). Уфа, 2013. С. 45.

Влияние репродуктивных технологий на институты семейного права Российской Федерации

Фролов Алексей Сергеевич, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье анализируется влияние вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ) на институты семейного права Российской Федерации в условиях действующего законодательства. На основе анализа нормативных правовых актов, судебной практики и зарубежного опыта (Республики Беларусь) выявлены системные пробелы правового регулирования ВРТ. Научная новизна заключается в разработке конкретных изменений в Семейный кодекс РФ и Федеральный закон № 323-ФЗ. Сделан вывод о необходимости принятия отдельного федерального закона «О вспомогательных репродуктивных технологиях».

Ключевые слова: репродуктивные технологии, суррогатное материнство, семейное право, правовой статус ребенка, донорство гамет, ЭКО, установление отцовства, авторские предложения по изменению законодательства.

Введение. Современное развитие вспомогательных репродуктивных технологий (далее — ВРТ) приводит к трансформации традиционных институтов семейного права — брака, родительства, установления происхождения детей. Как отмечают исследователи, репродуктивные права человека являются неотъемлемой частью системы соматических прав [1, с. 67]. Однако российское законодательство, регулирующее ВРТ (ст. 55 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [5]), содержит многочисленные пробелы, порождающие судебные споры и нарушающие права участников репродуктивного процесса. Цель настоящей статьи — выявить эти пробелы и предложить конкретные законодательные изменения, составляющие научный вклад автора.

Порядок применения ВРТ и его проблемы

Согласно статье 55 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» ВРТ представляют собой методы лечения бесплодия, при применении которых отдельные или все этапы зачатия и раннего развития эмбрионов осуществляются вне материального организма, а так же суррогатное материнство.

Как следует из вышеназванного определения в Российской Федерации легализованы две категории ВРТ: методы лечения бесплодия — ЭКО, искусственную инсеминацию (ввод сперматозоидов с помощью катетера в маточную полость), ИКСИ (интрацитоплазматическая инъекция сперматозоида — выбор лучшего по морфологии и моторике сперматозоида и его ввод в заранее подготовленный ооцит), криоконсервацию гамет и эмбрионов) и суррогатное материнство.

К средствам государственного правового регулирования деятельности, регламентирующей организацию медицинской помощи больным с бесплодием с использованием ЭКО, а также порядок её оплаты за счёт средств ОМС, относятся:

Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года). Она является основой правовой системы РФ и определяет общие принципы защиты прав граждан, включая право на охрану здоровья.

Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Этот закон регулирует отношения в сфере охраны здоровья, определяет правовые, организационные и экономические основы оказания медицинской помощи, включая использование вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ), к которым относится ЭКО. В частности, статья 55 этого закона даёт определение ВРТ, устанавливает порядок их использования, противопоказания и ограничения.

Федеральный закон от 29 ноября 2010 г. № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации». Закон регулирует отношения, связанные с ОМС, определяет правовое положение субъектов и участников системы, порядок финансирования и реализации программ ОМС. Он закрепляет принципы обеспечения гарантий бесплатного оказания медицинской помощи за счёт средств ОМС в рамках территориальных и базовой программ.

Приказ Минздрава России от 31 июля 2020 г. № 803 «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению». Этот документ утвердил порядок использования ВРТ, включая ЭКО, на территории РФ, определил противопоказания и ограничения. В нём указано, что в рамках территориальной программы ОМС осуществляются базовая программа ВРТ (ЭКО), криоконсервация эмбрионов и перенос криоконсервированных эмбрионов.

Ежегодно утверждаемые постановлениями Правительства Российской Федерации программы государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи (программы государственных гарантий, ПГГ). Эти программы определяют перечень медицинских услуг, которые предоставляются бесплатно за счёт средств

ОМС, включая условия и порядок их финансирования на конкретный период.

Остальные методы лечения бесплодия, а также суррогатное материнство, предоставляются на платной основе. Применение ВРТ требует информированного добровольного согласия, подтверждения диагноза «бесплодие» и соблюдения требований Приказа Минздрава России от 31.07.2020 № 803н (в действующей редакции) [6].

Медицинская помощь с использованием ВРТ пациентам с бесплодием оказывается в рамках первичной специализированной медико-санитарной и специализированной, в том числе высокотехнологичной медицинской помощи. Приказом № 107н утвержден порядок использования ВРТ, определены противопоказания и ограничения к их применению.

Однако анализ законодательства выявил следующие системные проблемы:

— Отсутствие специального федерального закона о ВРТ, что приводит к разрозненности регулирования (нормы содержатся в СК РФ, Законе № 323-ФЗ, других федеральных законах, подзаконных актах, что создаёт противоречия и пробелы).

— Неурегулированность договора суррогатного материнства — его форма, существенные условия, ответственность сторон, порядок разрешения споров законодательно не закреплены. Как отмечает Н. В. Кравченко, процедура суррогатного материнства регулируется многочисленными актами, которые не исключают противоречий [2, с. 96]. Например, приводится пример противоречия в части урегулирования права на суррогатное материнство. Так СК РФ в статье 15 косвенно устанавливает, что запись родителей в книге записей рождений при суррогатном материнстве возможна лишь для лиц, состоящих в браке между собой — супругов, которые и дали согласие на имплантацию эмбриона другой женщине. Это указывает на то, что право на пользование суррогатного материнства ограничено супругами.

Федеральный закон № 323-ФЗ несколько расширяет категорию. Так, часть 9 статьи 55 определяет суррогатное материнство как вынашивание и рождение ребёнка по договору между суррогатной матерью и потенциальными родителями (генетическими матерью и отцом), состоящих между собой в браке, либо одинокой женщиной, чьи половые клетки использовались для оплодотворения.

— Приоритет прав суррогатной матери над правами генетических родителей (ч. 4 ст. 51 СК РФ) — отказ суррогатной матери дать согласие на запись генетических родителей в акты гражданского состояния делает невозможной регистрацию ребёнка за ними. Как указал в особом мнении к Определению КС РФ от 15 мая 2012 года № 880-О судья Конституционного Суда РФ С. Д. Князев «приоритет прав суррогатной матери над правами генетических родителей: противоречит целевому назначению института суррогатного материнства (его цель — дать возможность стать родителями тем, кто не может зачать или выносить ребёнка самостоятельно); не соответствует ст. 38 Конституции

РФ (принцип охраны семьи, материнства и детства); нарушает баланс конституционных ценностей и умаляет права генетических родителей и ребёнка, лишая последнего возможности воспитываться в семье биологических родителей».

Правовой статус детей, рожденных с помощью ВРТ.

Если ребёнок рождён биологической матерью с использованием ЭКО или искусственной инсеминации, его правовой статус не отличается от статуса детей, зачатых естественным путём. Однако при суррогатном материнстве ситуация иная: для записи генетических родителей в акты гражданского состояния необходимо письменное согласие суррогатной матери (ч. 5 ст. 16 Федерального закона № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния»). Это порождает риск отказа суррогатной матери передать ребёнка, оставляя генетических родителей без правовой защиты. Судебная практика (Постановление Пленума ВС РФ № 16 от 16.05.2017) допускает передачу ребёнка генетическим родителям и при отсутствии согласия суррогатной матери, но это создаёт правовую неопределённость и требует длительных судебных разбирательств, что прежде всего нарушает интересы ребёнка [7].

Проблемы установления отцовства и материнства.

Наиболее показательным является дело, рассмотренное Верховным Судом РФ (Определение от 02.07.2019 № 64-КГ19-6). В указанном деле же Токарева Я. С. родила детей с помощью ЭКО, используя сперму донора Козлова С. К., и потребовала установить его отцовство и взыскать алименты. Суд первой инстанции отказал в иске, но апелляционный суд удовлетворил требования истца, посчитав, что Козлов С. К. участвовал в программе ЭКО как «гражданский муж», а не как донор — в т.ч. изза отсутствия данных о медикогенетическом обследовании и индивидуальной карты донора. Верховный Суд РФ отменил апелляционное определение и оставил в силе решение суда первой инстанции, указав, что стороны не состояли в браке, ответчик выступал исключительно как донор генетического материала и не принимал на себя обязательств по воспитанию и содержанию детей, а значит, у него не возникли родительские права и обязанности в отношении рождённых детей. ВС РФ сослался на п. 4 ст. 51 СК РФ, согласно которому использование донорского генетического материала при ЭКО не влечёт установления родительских прав и обязанностей между донором и ребёнком — независимо от того, анонимный это донор или известный родителям. При этом суд отметил, что данное положение не закреплено в законе напрямую, что создаёт правовую неопределённость и провоцирует аналогичные споры.

Автор согласен с позицией ВС РФ: необходимо прямо прописать в СК РФ, что донор генетического материала не имеет родительских прав и обязанностей в отношении рождённого ребёнка.

Изменения в понимании брака и семьи под влиянием ВРТ. Приказ Минздрава № 803н допускает применение ВРТ как состоящими, так и не состоящими в браке

лицами. Федеральный закон от 19.12.2022 № 538-ФЗ внёс изменения в ст. 51 СК РФ, установив, что «мужчина и женщина, как состоящие, так и не состоящие в браке, имеют право на применение ВРТ». Таким образом, ранее существовавшая дискриминация одиноких мужчин в доступе к ВРТ была формально устранена. Однако на практике остаются нерешёнными вопросы, связанные с детальной регламентацией процедуры для одиноких мужчин (в частности, порядок заключения договора суррогатного материнства, регистрация ребёнка). Кроме того, сохраняется проблема отсутствия легального определения эмбриона и его правового статуса, что особенно остро проявляется при наследовании криоконсервированных эмбрионов и при расторжении брака, поскольку в российском законодательстве правовой статус эмбрионов чётко не определён — существуют разные подходы к его трактовке. Согласно одному из них эмбрион рассматривается как вещь (имущество), ограниченная в обороте (ст. 128 ГК РФ). В этом случае гаметы и эмбрионы признаются объектами права собственности, а их владельцами считаются лица, предоставившие биоматериал, либо супружеская пара совместно.

Другой подход предполагает, что эмбрион — особый объект права, близкий по статусу к зачатому, но ещё не родившемуся ребёнку. Косвенное подтверждение этой позиции содержится в ст. 1116 ГК РФ: закон допускает наследование лицами, зачатыми при жизни наследодателя и родившимися после открытия наследства.

Зарубежный опыт (на примере Республики Беларусь). Закон Республики Беларусь «О вспомогательных репродуктивных технологиях» № 341-З, решает многие проблемы, присущие российскому праву:

а) суррогатная мать не признаётся матерью ребёнка (ст. 52 Кодекса о браке и семье Республики Беларусь);

б) договор суррогатного материнства подлежит нотариальному удостоверению и содержит исчерпывающий перечень существенных условий (ст. 21);

в) установлены дополнительные немедицинские требования к суррогатной матери (отсутствие судимости, лишения родительских прав и др.) [4].

Автор предлагает использовать этот опыт при разработке российского закона, но с учётом российской правовой традиции и демографической политики.

На основе проведённого анализа можно сформулировать и сформировать следующие конкретные изменения в действующие нормативные акты.

1. Принятие отдельного законодательного акта «О вспомогательных репродуктивных технологиях». Закон должен комплексно урегулировать: понятия и виды ВРТ,

требования к участникам, порядок заключения и исполнения договора суррогатного материнства, права и обязанности сторон, ответственность, а также особенности государственной регистрации рождения детей, рождённых с использованием ВРТ.

2. Дополнить главу 10 Семейного кодекса РФ статьёй «Регламентация статуса доноров генетического материала», рассмотрев следующие вопросы: 1) донор генетического материала не приобретает и не несёт обязанностей в отношении ребёнка, рождённого в результате искусственного оплодотворения; 2) установить обязанность по защите персональных данных и анонимности донора — раскрытие только в судебном порядке на основании угрозы жизни и здоровью ребёнка; 3) установить требования к донору: возрастные ограничения, обязательное медицинское обследование; 4) установить обязанности медицинской организации по хранению, использованию и утилизацию биоматериала.

3. Дополнить статью 51 Семейного кодекса РФ следующим: 1) предоставить право на заключение договора суррогатного материнства любому дееспособному гражданину РФ; 2) Установить существенные условия договора, такие как: предмет договора; размер и порядок выплат; права, обязанности и ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей; 3) Определить здоровье эмбриона как высшую ценность; 4) Отказ в передаче ребёнка суррогатной матерью может быть оспорен в суде при участии органов опеки и попечительства с учётом интересов самого ребёнка.

4. Определение правового статуса эмбриона.

Рекомендуется дополнить Федеральный закон № 323-ФЗ статьёй, устанавливающей, что эмбрионы человека являются объектами особого правового режима, которые невозможно отнести к вещам (ст. 128 ГК РФ), не могут быть объектом наследования и купли-продажи и не могут быть включены в гражданско-правовой оборот.

Проведённое исследование показало, что действующее российское законодательство в сфере ВРТ фрагментарно, противоречиво и не обеспечивает в полной мере защиту прав участников репродуктивного процесса. Предложенные автором изменения и дополнения направлены на устранение вышеуказанных пробелов: закрепление правового статуса донора, детальную регламентацию договора суррогатного материнства, разрешение коллизии о выборе пола ребёнка и определение правового режима эмбрионов. Наиболее перспективным направлением является принятие отдельного федерального закона о ВРТ с учётом опыта Республики Беларусь и российской правовой специфики.

Литература:

1. Андриевская А. Н., Косторнов Д. А. Репродуктивные права человека в системе соматических прав // Образование и право. 2023. № 12. С. 65–68.
2. Кравченко Н. В. Некоторые аспекты правового регулирования суррогатного материнства /Н. В. Кравченко // Актуальные проблемы государства и права. 2023. — № 25. С. 89–97.

3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изм. от 04.10.2022).
4. О вспомогательных репродуктивных технологиях: Закон Республики Беларусь от 07.01.2012 № 341-З.
5. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
6. О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению: Приказ Минздрава РФ от 31.07.2020 № 803н // СПС «КонсультантПлюс».
7. О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017 № 16 // СПС «КонсультантПлюс».
8. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 02.07.2019 № 64-КГ19-6. // СПС «КонсультантПлюс».
9. Определение Конституционного Суда РФ от 15.05.2012 № 880-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Ч. П. и Ч. Ю. на нарушение их конституционных прав положениями пункта 4 статьи 51 Семейного кодекса Российской Федерации и пункта 5 статьи 16 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» // СПС «КонсультантПлюс».
10. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 31.07.2025). // СПС «КонсультантПлюс».

Дистанционное электронное голосование как элемент правового механизма реализации избирательного права в Российской Федерации: проблемы и перспективы

Хабибулов Салават Ринатович, студент магистратуры
Ульяновский государственный университет

В статье рассматривается дистанционное электронное голосование как структурный элемент правового механизма реализации избирательного права в Российской Федерации. Проводится анализ эволюции правовой основы и практики применения ДЭГ с 2019 по 2025 год, выявляются проблемы обеспечения конституционных гарантий тайны голосования, верификации избирателя и наблюдаемости электронных процедур. Обосновывается тезис о том, что, несмотря на сохраняющиеся скептические настроения, ДЭГ выступает объективным вектором технологического прогресса избирательной системы, расширяющим доступность политического участия для граждан. Предлагаются перспективные направления совершенствования правового регулирования ДЭГ.

Ключевые слова: дистанционное электронное голосование, избирательное право, правовой механизм, цифровая трансформация, тайна голосования, верификация избирателя, наблюдаемость, правовые гарантии.

Введение

Актуальность. Цифровая трансформация государственного управления в Российской Федерации затронула все ключевые сферы общественной жизни, и институт выборов не стал исключением. Избирательный процесс, веками основанный на личной явке гражданина к урне и бумажном бюллетене, в последние годы переживает глубокие изменения. Дистанционное электронное голосование (далее — ДЭГ) прошло путь от локального эксперимента в трёх избирательных округах Москвы в 2019 году до полноценного элемента правового механизма реализации избирательного права, применяемого в 2025 году уже в десяти субъектах РФ на Губернаторских выборах и в семи — на парламентских [6]. Стремительное расширение практики ДЭГ обнажило ряд проблем: насколько существующие конституционные гарантии адаптированы к электронной форме волеизъявления, обеспечивается ли в цифровой среде тайна голосования, как решается во-

прос о наблюдаемости выборов. При этом в научной среде и экспертном сообществе складывается неоднозначное отношение к ДЭГ: выделяются группы «цифровых оптимистов», «алармистов» и «цифровых реалистов» [3, с. 5], что свидетельствует о дискуссионности темы и необходимости дальнейшего научного осмысления данного правового института.

Цель. На основании анализа эволюции правовой основы и практики применения ДЭГ в Российской Федерации в период с 2019 по 2025 год выявление ключевых правовых проблем (обеспечение тайны голосования, верификация избирателя, наблюдаемость электронных процедур) и определение перспективных направлений совершенствования правового механизма ДЭГ.

Методология. В ходе работы использовались диалектический метод, системно-структурный анализ, сравнительно-правовой метод, статистический метод, а также анализ актуальных данных избирательных кампаний 2019–2025 годов.

Эволюция правовой основы и практики применения ДЭГ

Эволюция правовой основы и практики применения ДЭГ в России впечатляет своей динамикой. Отправной точкой послужил эксперимент 2019 года, когда в соответствии с Федеральным законом от 29 мая 2019 г. № 103-ФЗ [2] дистанционное голосование было впервые применено на выборах депутатов Московской городской Думы седьмого созыва в трёх избирательных округах столицы. Платформой для проведения голосования выступил Портал государственных и муниципальных услуг города Москвы, через личный кабинет которого избиратели подавали заявления и получали доступ к электронным бюллетеням. Возможностью проголосовать онлайн воспользовались 10,2 тыс. избирателей из 11,2 тыс. подавших заявления, что составило 9,95 % от общего числа принявших участие в выборах [4, с. 156]. Эксперимент не обошёлся без технических сложностей: произошёл сбой в системе, из-за которого часть избирателей испытывала трудности с доступом к голосованию, однако в целом он был признан успешным.

Уже в 2020 году Федеральным законом № 154-ФЗ в базовый Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [1] были внесены поправки, закрепившие термин «дистанционное электронное голосование» и определившие его как голосование без использования бюллетеня на бумажном носителе с применением специального программного обеспечения. В ходе общероссийского голосования по поправкам в Конституцию РФ ДЭГ применялось в Москве и Нижегородской области: заявки на участие подали 1,19 млн избирателей, проголосовали 1,1 млн человек (17,5 % от принявших участие) [4, с. 157]. Тогда же были выявлены первые серьёзные инциденты: в частности, журналисту удалось проголосовать дважды — дистанционно и на избирательном участке, что стало возможным из-за сбоя в системе вычёркивания из списков.

В 2021 году география ДЭГ расширилась до семи субъектов РФ на выборах депутатов Государственной Думы. По данным ЦИК РФ, 31,1 % от общего числа проголосовавших в этих регионах выбрали дистанционный формат, а в Москве с использованием ДЭГ проголосовало 49,7 % избирателей [4, с. 157]. Явка в целом по стране выросла с 47,9 % (2016 год) до 51,68 %, что эксперты связали в первую очередь с внедрением ДЭГ. В 2022 году ДЭГ использовалось уже в восьми регионах, в 2023 году — в двадцати пяти субъектах РФ, а на президентских выборах 2024 года — в двадцати девяти. По данным ЦИК РФ, проголосовать дистанционно могли 38 млн избирателей [3].

Кульминацией поступательного расширения стал единый день голосования 12–14 сентября 2025 года. Как свидетельствуют данные, проанализированные изданием «Коммерсантъ», ДЭГ применялось на губернаторских вы-

борах в десяти субъектах РФ и на выборах депутатов законодательных собраний — в семи [6]. В Чувашии доля онлайн-избирателей достигла 35 % от общего числа проголосовавших, что является рекордным показателем. Таким образом, всего за шесть лет — с 2019 по 2025 год — ДЭГ трансформировалось из единичного московского эксперимента в общенациональный избирательный инструмент, охватывающий десятки регионов и миллионы граждан.

Конечно, столь стремительная цифровизация не могла не породить скептических настроений. По данным опросов, которые приводила Председатель ЦИК РФ Э. А. Памфилова, на начало 2024 года число доверяющих ДЭГ составляло 59 %, тогда как 33 % граждан относились к данной технологии с недоверием, а 8 % не определились с оценкой [3]. Скепсис этот имеет под собой как психологическую природу (недостаточное понимание технических процедур частью избирателей), так и объективные правовые основания, требующие анализа. По мнению ряда учёных, развитие информационных технологий опережает массовое общественное сознание, и процедура проведения ДЭГ сложна для понимания гражданами, не интересующимися современными технологиями [4, с. 158]. Однако сам вектор развития сомнений не вызывает: ДЭГ — это не временное явление, а закономерный этап технологического прогресса избирательной системы, объективно повышающий доступность политического участия для граждан, в том числе маломобильных, проживающих в труднодоступных районах или находящихся за рубежом.

Правовые проблемы ДЭГ: тайна голосования, верификация, наблюдаемость

С точки зрения правового механизма реализации избирательного права ДЭГ видоизменяет его ключевые стадии. Классическая схема предполагает личную явку избирателя, предъявление паспорта, получение бюллетеня под роспись, заполнение в кабине для тайного голосования и опускание бюллетеня в стационарный ящик. При ДЭГ избиратель идентифицируется через Единую систему идентификации и аутентификации (ЕСИА) на портале «Госуслуги», волеизъявление фиксируется в цифровой среде, а подсчёт голосов осуществляется программно-техническим комплексом. Меняются не просто инструменты, а сами гарантии избирательных прав.

Центральной правовой проблемой ДЭГ выступает обеспечение тайны голосования — фундаментальной гарантии, закреплённой в ч. 1 ст. 7 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». При традиционном голосовании тайна обеспечивается архитектурой участка: кабина, прозрачный ящик, отсутствие привязки бюллетеня к личности избирателя. При ДЭГ гражданин авторизуется через ЕСИА, то есть его личность достоверно известна системе. Технология блок-

чейн, используемая в платформе ДЭГ, позволяет разделить факт авторизации и факт волеизъявления: запись о выданном бюллетене и запись о его заполнении хранятся в разных цепочках данных, анонимизируя выбор избирателя. Однако эта анонимизация не абсолютна: у оператора системы сохраняется техническая возможность сопоставить данные на входе и выходе. Таким образом, тайна голосования при ДЭГ зависит не столько от закона, сколько от добросовестности администратора и качества криптографической защиты. В правовом поле это порождает неопределённость: если избиратель заявляет о нарушении тайны, доказать это практически невозможно.

Не менее значима проблема верификации избирателя. Доступ к голосованию получает лицо, контролирующее учётную запись на портале «Госуслуги», а не обязательно сам избиратель. В практике уже фиксировались инциденты двойного голосования — дистанционно и на участке, что становилось возможным из-за несвоевременного вычёркивания проголосовавших онлайн из бумажных списков [4, с. 157]. Правовой механизм противодействия таким злоупотреблениям требует дальнейшего совершенствования.

Третья фундаментальная проблема — наблюдаемость электронных процедур. При ДЭГ традиционное наблюдение невозможно: процесс подсчёта голосов скрыт от глаз наблюдателей и представляет собой выполнение программного кода. В ответ на критику ЦИК РФ внедрила инструменты «цифрового наблюдателя», позволяющие в реальном времени отслеживать количество проголосовавших и некоторые другие параметры. Кроме того, используется технология блокчейн, которая, по замыслу разработчиков, обеспечивает прозрачность и неизменность данных. Однако цифровое наблюдение не тождественно общественному: наблюдатель видит лишь то, что показывает интерфейс, но не может проверить корректность работы алгоритма [3, с. 12]. В правовом смысле происходит замена института общественного контроля техническим аудитом, что меняет саму природу гарантии.

ДЭГ как вектор прогресса избирательной системы

Обозначенные проблемы не означают, что ДЭГ должно быть отвергнуто или заторможено. Напротив, цифровизация избирательного процесса — объективная тенденция, отвечающая запросу общества на удобство и доступность голосования. Статистика неумолимо свидетельствует: с каждым годом всё больше регионов и всё больше граждан выбирают дистанционный формат. Если в 2019 году это была одна Москва, то в 2025 году — уже десять субъектов на губернаторских и семь на парламентских выборах. В Чувашии, как отмечалось, доля ДЭГ достигла 35 %. Это не административное насаждение, а добровольный выбор сотен тысяч избирателей, голосующих за технологический прогресс.

Интересно и то, что, по данным анализа «Коммерсантъ» за 2025 год, ДЭГ не создаёт однозначного преимущества для какой-либо одной политической силы: различные кандидаты и партии демонстрируют разнонаправленную динамику результатов в онлайн- и офлайн-средах [6]. Это свидетельствует о том, что система не является инструментом манипуляции, а отражает реальные электоральные предпочтения различных групп граждан, просто выраженные в разной форме.

Перспективы совершенствования правового механизма ДЭГ

Перспективы совершенствования правового механизма ДЭГ видятся в нескольких направлениях. Во-первых, назрела потребность в детализации законодательных норм: вместо фрагментарных поправок целесообразно разработать отдельную главу в Федеральном законе «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», детально регламентирующую все стадии электронного голосования, процедуру аутентификации, процесс подсчёта голосов, права и обязанности участников, меры ответственности [3, с. 15]. Во-вторых, необходимо законодательно закрепить механизм обязательного независимого аудита программного кода системы ДЭГ до начала каждого голосования с публикацией результатов. В-третьих, требуется регламентировать процедуру общественного наблюдения за ДЭГ, в том числе путём обучения наблюдателей основам функционирования электронных платформ, что позволит увеличить число избирателей, доверяющих онлайн-голосованию [3, с. 16]. В-четвёртых, избирателю должно быть гарантировано право выбора способа голосования — традиционного или дистанционного — без создания административных барьеров для любого из вариантов.

Заключение

Таким образом, дистанционное электронное голосование представляет собой не просто техническую надстройку над традиционным избирательным процессом, а формирующийся правовой институт, требующий переосмысления классических гарантий избирательных прав. Да, скептические настроения сохраняются, да, не все технические и правовые вопросы решены. Однако магистральный вектор развития очевиден: ДЭГ — это прогресс, это расширение доступности избирательного процесса для миллионов граждан, это шаг к цифровой демократии, основанной на принципах удобства и инклюзивности при неукоснительном соблюдении конституционных гарантий. Главная задача законодателя — обеспечить баланс между технологическим развитием и доверием общества к результатам выборов. Без этого никакая технология не сможет обеспечить легитимность избранной власти.

Литература:

1. Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (ред. от 28.12.2022) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 24. — Ст. 2253.
2. Федеральный закон от 29.05.2019 № 103-ФЗ «О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования на выборах депутатов Московской городской Думы седьмого созыва» // Собрание законодательства РФ. — 2019. — № 22. — Ст. 2659.
3. Алексеев Р. А., Кривешко Д. Д. Дистанционное электронное голосование: опыт применения в России и за рубежом // Журнал политических исследований. — 2024. — Т. 8. — № 1. — С. 3–20.
4. Подзоров Р. А. Анализ практики применения дистанционного электронного голосования в избирательном процессе Российской Федерации // Регион: системы, экономика, управление. — 2023. — № 2 (61). — С. 154–160.
5. Алексеев Р. А., Абрамов А. В. Проблемы и перспективы применения электронного голосования и технологии избирательного блокчейна в России и за рубежом // Гражданин. Выборы. Власть. — 2020. — № 1 (15). — С. 9–21.
6. Иванова Б. Если с ДЭГом вышел в путь // Коммерсантъ. — 2025. — 22 сентября. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8058253> (дата обращения: 23.09.2025).
7. Постановление ЦИК России от 8 июня 2022 года № 86/716–8 «О Порядке дистанционного электронного голосования с использованием федеральных государственных информационных систем» (ред. от 23.07.2025) // Вестник ЦИК России. — 2023. — № 6.
8. Постановление ЦИК России от 31.10.2008 № 136/992–5 «Об итогах проведения 12 октября 2008 года в городе Новомосковске Тульской области эксперимента по электронному опросу избирателей» // Вестник Центральной избирательной комиссии Российской Федерации. — 2008. — № 11.

Информационная безопасность и защита персональных данных в избирательном процессе Российской Федерации: правовые риски цифровизации

Хабибулов Салават Ринатович, студент магистратуры
Ульяновский государственный университет

В статье рассматриваются правовые риски информационной безопасности и защиты персональных данных в избирательном процессе Российской Федерации в условиях цифровой трансформации государственного управления. Проводится анализ нормативной правовой базы, регулирующей защиту данных в ГАС «Выборы», Единой системе идентификации и аутентификации и платформах дистанционного электронного голосования. Выявляются ключевые угрозы: кибератаки, неправомерный доступ к данным избирателей, отсутствие специализированного законодательства о кибербезопасности выборов, неопределённость ответственности за технические сбои и утечки. Обосновывается необходимость совершенствования правового регулирования информационной безопасности в избирательной сфере и предлагаются конкретные меры: обязательный независимый аудит систем, расширение прав субъектов персональных данных, кодификация норм о кибербезопасности выборов, законодательное закрепление принципа свободы выбора способа голосования.

Ключевые слова: информационная безопасность, персональные данные, избирательный процесс, цифровая трансформация, ГАС «Выборы», кибербезопасность, дистанционное электронное голосование, правовые риски, электронный список избирателей.

Введение

Актуальность. Цифровая трансформация государственного управления в Российской Федерации, охватившая избирательный процесс, привела к качественному изменению объёмов и характера обрабатываемой информации о гражданах. Если ещё два десятилетия назад персональные данные избирателей существовали преимущественно в бумажной форме — в виде списков,

составляемых участковыми избирательными комиссиями, — то сегодня они аккумулируются в цифровых системах: Государственной автоматизированной системе «Выборы», Единой системе идентификации и аутентификации на портале «Госуслуги», платформах дистанционного электронного голосования (далее — ДЭГ). Как справедливо отмечает А. И. Лопатин, «цифровизация электоральной демократии сопровождается техническими и социальными рисками, связанными с обеспече-

нием всеобщего и равного избирательного права, свободы голосования и его тайны», а «поспешная универсализация электронного голосования может разрушить инфраструктуру выборов» [4, с. 43]. Это порождает принципиально новые правовые риски, связанные с обеспечением информационной безопасности и защитой персональных данных. Если ранее угрозы избирательному процессу носили преимущественно организационный характер, то сегодня они приобретают форму кибератак, утечек данных, несанкционированного доступа к базам избирателей. При этом правовое регулирование в данной сфере пока фрагментарно, а специального законодательного акта о кибербезопасности выборов не существует.

Цель. На основании анализа нормативной правовой базы выявить ключевые правовые риски в сфере информационной безопасности и защиты персональных данных при цифровизации избирательного процесса в Российской Федерации и определить перспективные направления совершенствования правового регулирования.

Методология. В работе использовались диалектический метод, системно-структурный анализ, формально-юридический метод, сравнительно-правовой метод, а также анализ правоприменительной практики и инцидентов информационной безопасности в ходе избирательных кампаний 2019–2025 годов.

Правовая основа информационной безопасности в избирательном процессе

Правовую базу информационной безопасности избирательного процесса формируют несколько уровней нормативных актов. Базовым актом общего характера выступает Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных», который устанавливает принципы и условия обработки персональных данных, обязанности оператора, требования к защите данных при их обработке в информационных системах [2]. Специальное регулирование применительно к избирательной сфере содержится в Федеральном законе «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», статья 74 которого посвящена ГАС «Выборы» и закрепляет, что данная система используется для автоматизации информационных процессов подготовки и проведения выборов, а информация, содержащаяся в ней, является федеральным информационным ресурсом [1]. Закон также устанавливает обязательность сертификации ГАС «Выборы» и её защиты от несанкционированного доступа.

На подзаконном уровне правовое регулирование осуществляется постановлениями ЦИК РФ. Ключевое значение среди них имеет Порядок дистанционного электронного голосования, утверждённый постановлением ЦИК России от 8 июня 2022 года № 86/716–8, который содержит отдельный раздел о мерах по обеспечению информационной безопасности при проведении ДЭГ, включая шифрование данных, применение технологии блокчейн

и иные меры [3]. Кроме того, следует упомянуть Требования к защите информации, не составляющей государственную тайну, содержащейся в государственных информационных системах, утверждённые приказом ФСТЭК России от 11 февраля 2013 г. № 17, которые формально распространяются и на ГАС «Выборы» как на государственную информационную систему.

Таким образом, формально-юридическая основа для защиты данных в избирательном процессе создана. Однако анализ показывает её фрагментарность: нормы о защите информации рассредоточены по нескольким актам разного уровня, отсутствует единый специализированный закон о кибербезопасности выборов, а многие положения носят отсылочный или декларативный характер [11, с. 9].

Угрозы и правовые риски цифровизации

Практика применения цифровых технологий в избирательном процессе последних лет выявила несколько категорий угроз, каждая из которых порождает правовые риски. А. М. Цалиев и А. С. Лолаева выделяют три ключевые группы вызовов: проблема легитимации результатов выборов, информационная безопасность и изменение политической культуры [8, с. 226]. В рамках настоящего исследования сосредоточимся на второй группе — информационной безопасности — как наиболее острой с правовой точки зрения.

Первую подгруппу составляют кибератаки на избирательную инфраструктуру. Как отмечает И. А. Вильнер, «основные риски связаны с киберуязвимостями и попытками внешнего воздействия на выборы» [6, с. 618]. Кибератаки фиксируются практически на каждом федеральном выборах. Так, в ходе думской избирательной кампании 2021 года платформа ДЭГ подвергалась ежедневным DDoS-атакам, которые, по заявлению главы Минцифры М. Шадеева, «значимого эффекта не оказали» [10, с. 157]. Однако сам факт регулярных атак свидетельствует об уязвимости систем. С правовой точки зрения проблема заключается в отсутствии чёткой законодательной квалификации кибератак на избирательную инфраструктуру как преступления против избирательных прав граждан либо как акта вмешательства в суверенные функции государства. Уголовный кодекс РФ содержит статьи о неправомерном доступе к компьютерной информации (ст. 272), однако специального состава,отягчающего ответственность за посягательство именно на избирательные системы, не предусмотрено.

Вторая группа угроз связана с утечками и неправомерным доступом к базам данных избирателей. Цифровой регистр избирателей содержит колоссальный объём сведений: фамилия, имя, отчество, дата рождения, адрес регистрации, паспортные данные, СНИЛС, а при использовании ДЭГ — и учётная запись в Единой системе идентификации и аутентификации (далее — ЕСИА). Утечка даже части этих данных может повлечь массовые

нарушения прав граждан. В 2020 году в ходе общероссийского голосования по поправкам к Конституции был зафиксирован инцидент, когда технический сбой позволил проголосовать дважды — дистанционно и на участке, что выявило некорректное сопряжение систем ГАС «Выборы» и ЕСИА [10, с. 158].

Третья группа угроз — проблема «цифровой профилей» избирателя. Концентрация данных на портале «Госуслуги» создаёт единую точку отказа: компрометация учётной записи гражданина открывает доступ не только к его государственным услугам, но и потенциально к его избирательным правам. При этом действующее регулирование не предусматривает специальных мер защиты именно избирательных прав при компрометации ЕСИА.

Четвёртая группа — риски, связанные с сопряжением разнородных информационных систем. Платформа ДЭГ, региональные порталы, федеральный портал «Госуслуги», ГАС «Выборы» — все эти системы обмениваются данными, и каждый стык между ними является потенциальной точкой уязвимости [11, с. 14]. Вместе с тем положительным примером снижения таких рисков выступает внедрение электронного списка избирателей (далее — ЭСИ), впервые применённого в Москве в 2022 году и интегрированного с системой ДЭГ. ЭСИ позволил отказаться от бумажного «разрыва» в процедуре учёта избирателей и снял проблему двойного голосования, поскольку все изменения статуса избирателя (включая факт выдачи бюллетеня) фиксируются в единой цифровой системе в режиме реального времени [9, с. 896–897].

Проблемы правового регулирования

Анализ действующего правового регулирования позволяет выделить несколько системных проблем.

Во-первых, отсутствует специализированный законодательный акт о кибербезопасности избирательного процесса. Нормы, касающиеся защиты информации, рассредоточены по 152-ФЗ, 67-ФЗ, подзаконным актам ЦИК и ФСТЭК, что затрудняет правоприменение и не позволяет выстроить целостную систему гарантий. Как отмечает И. А. Субочев, «применение цифровых технологий в избирательном процессе значительно опережает уровень информатизации в других сферах государственного и муниципального управления, что обуславливает необходимость разработки и принятия соответствующих законодательных решений» [12, с. 133].

Во-вторых, законодательно не определён круг субъектов ответственности за сбои и утечки в системах ДЭГ. Кто несёт ответственность перед избирателем, чьи данные были скомпрометированы или чей голос не был учтён из-за технического сбоя: ЦИК РФ как организатор выборов, Минцифры как оператор инфраструктуры, конкретный разработчик программного обеспечения? Действующее законодательство ответа на этот вопрос не даёт, что фактически оставляет избирателя без эффективного механизма защиты.

В-третьих, недостаточно детализированы нормы о защите данных на стыке информационных систем. Каждое ведомство отвечает за «свой» сегмент, но правовые последствия сбоя при межведомственном взаимодействии не урегулированы. При этом, как показывает опыт Москвы, именно внедрение интегрированных решений — ЭСИ, терминалов электронного голосования (далее — ТЭГ), сопряжённых с ДЭГ, — способно минимизировать такие риски [9, с. 898].

В-четвёртых, не в полной мере реализован принцип прозрачности обработки персональных данных. Избиратель, регистрируясь для участия в ДЭГ, даёт согласие на обработку данных, однако не имеет возможности впоследствии проверить, какие именно операции с его данными производились и были ли они удалены после завершения избирательной кампании.

Наконец, пятой проблемой является отсутствие в федеральном законодательстве принципа свободы выбора способа голосования. Как обоснованно указывают А. О. Гаджиева, А. А. Костырко и А. С. Кошель, активное избирательное право в цифровую эпоху дополнилось новым правовым аспектом — правом выбора способа голосования (традиционного бумажного, дистанционного или электронного на участке через ТЭГ), и этот принцип должен получить законодательное закрепление [9, с. 895–896]. С точки зрения информационной безопасности это важно потому, что избиратель, имея гарантированную альтернативу, не принуждается к использованию той формы голосования, в безопасности которой он сомневается.

Перспективы совершенствования правового регулирования

Совершенствование правового регулирования информационной безопасности в избирательном процессе должно идти по нескольким направлениям.

Во-первых, назрела необходимость разработки специального федерального закона либо отдельной главы в Федеральном законе «Об основных гарантиях...», посвящённой информационной безопасности избирательного процесса. В таком акте должны быть определены: объекты критической избирательной инфраструктуры, подлежащие особой защите; категории угроз и уровни реагирования на них; полномочия и ответственность всех субъектов; механизмы межведомственного взаимодействия при инцидентах [11, с. 15]. Как справедливо отмечает А. А. Уваров, «цифровизация избирательного процесса — это реальность, которую надо исследовать, с тем чтобы вместе с передовыми цифровыми технологиями совершенствовать избирательный процесс» [7, с. 31].

Во-вторых, следует законодательно закрепить обязательный независимый аудит информационной безопасности всех компонентов избирательной инфраструктуры — ГАС «Выборы», платформ ДЭГ, порталов — до начала каждой федеральной избирательной кампании с обяза-

тельной публикацией результатов. Это повысит прозрачность и укрепит доверие граждан.

В-третьих, необходимо расширить права субъектов персональных данных применительно к избирательному процессу. Избиратель должен иметь возможность получить информацию о том, какие его данные, в какие системы, на какой срок и с какой целью передавались в ходе выборов, а также требовать их удаления по завершении обработки, за исключением случаев, прямо предусмотренных законом. Целесообразно также нормативно закрепить право избирателя на уведомление в случае инцидента с его данными в избирательных системах.

В-четвёртых, требуется ввести в уголовное и административное законодательство специальные составы правонарушений, связанных с посягательством на избирательную информационную инфраструктуру, что позволит дифференцировать ответственность и усилить превентивный эффект.

В-пятых, перспективным направлением видится законодательное закрепление принципа свободы выбора способа голосования — традиционного (бумажным бюллетенем), дистанционного (ДЭГ) или электронного на избирательном участке (через ТЭГ). Такой подход не только расширит гарантии избирательных прав, но и снизит риски, связанные с недоверием граждан к цифровым технологиям: избиратель, сомневающийся в безопасности ДЭГ, сохранит возможность проголосовать традиционно [9, с. 901].

Наконец, шестым направлением является дальнейшее внедрение интегрированных цифровых решений — ЭСИ

и ТЭГ, сопряжённых с ДЭГ, — на всей территории Российской Федерации. Это позволит исключить саму возможность двойного голосования, повысить прозрачность учёта избирателей и, как следствие, укрепить доверие к избирательной системе.

Заключение

Информационная безопасность и защита персональных данных в избирательном процессе — это не технический придаток цифровизации, а её фундаментальное правовое условие. Проведённый анализ показывает, что действующее правовое регулирование, будучи в целом достаточным для начального этапа цифровой трансформации, сегодня нуждается в системной доработке. Отсутствии специализированного законодательства о кибербезопасности выборов, неопределённость круга ответственных лиц, пробелы в регулировании межведомственного взаимодействия и прав избирателей как субъектов персональных данных — всё это создаёт риски, способные подорвать доверие граждан к итогам голосования. Как подчёркивают А. М. Цалиев и А. С. Лолаева, решение данных проблем требует комплексного подхода и чёткого правового регулирования, а также активного участия граждан в политической жизни [8, с. 227]. Цифровизация избирательного процесса неизбежна и объективно прогрессивна, однако она требует опережающего правового регулирования, при котором каждое технологическое нововведение заранее обеспечивается адекватными правовыми гарантиями информационной безопасности.

Литература:

1. Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (ред. от 28.12.2022) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 24. — Ст. 2253.
2. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (ред. от 06.02.2023) // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 31 (1 ч.). — Ст. 3451.
3. Постановление ЦИК России от 8 июня 2022 года № 86/716–8 «О Порядке дистанционного электронного голосования с использованием федеральных государственных информационных систем» // Вестник ЦИК России. — 2023. — № 6.
4. Лопатин А. И. Цифровизация избирательных действий и процедур в России: вопросы права // Журнал российского права. — 2022. — Т. 26. — № 5. — С. 43–55.
5. Баранов Н. А. От недоверия — к легитимации: трудный путь цифровых электоральных технологий на примере России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. — 2022. — Т. 24. — № 3. — С. 433–446.
6. Вильнер И. А. Цифровизация избирательного процесса // Вопросы политологии. — 2023. — Т. 13. — № 2 (90). — С. 618–637.
7. Уваров А. А. О влиянии цифровых технологий на правопорядок в избирательном процессе // Конституционное и муниципальное право. — 2024. — № 8. — С. 31–34.
8. Цалиев А. М., Лолаева А. С. Цифровизация избирательного процесса: глобальные тренды и российская практика // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. — 2025. — № 2. — С. 222–229.
9. Гаджиева А. О., Костырко А. А., Кошель А. С. Активное избирательное право в цифровую эпоху: правовой аспект // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. — 2023. — Т. 14. — № 4. — С. 888–904.
10. Подзоров Р. А. Анализ практики применения дистанционного электронного голосования в избирательном процессе Российской Федерации // Регион: системы, экономика, управление. — 2023. — № 2 (61). — С. 154–160.

11. Алексеев Р. А., Абрамов А. В. Проблемы и перспективы применения электронного голосования и технологии избирательного блокчейна в России и за рубежом // Гражданин. Выборы. Власть. — 2020. — № 1 (15). — С. 9–21.
12. Субочев И. А. Цифровые новации избирательного процесса в России // Ученые записки Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. — 2021. — № 18. — С. 129–133.

Исполнение решений административных судов: порядок, обжалование, ответственность за неисполнение

Холодков Роман Вячеславович, студент магистратуры
Научный руководитель: Устинов Андрей Анатольевич, кандидат юридических наук, доцент
Московский университет «Синергия»

В статье автор исследует вопросы исполнения решений административных судов, анализирует порядок исполнения и обжалования судебных решений, а также вопросы ответственности за их неисполнение.

Ключевые слова: административный суд, административное судопроизводство, судебное решение, исполнение судебного решения, обжалование судебного решения, ответственность за неисполнение судебного решения.

Уделяя особое внимание защите прав, свобод и законных интересов граждан в процессе взаимодействия с государством и проверке соблюдения законности действий и(или) бездействий органов государственной власти, а также органов местного самоуправления, обеспечение эффективного исполнения решений административных судов является одной из важнейших задач правосудия.

В соответствии с кодексом административного судопроизводства РФ (далее — КАС) решение суда вступает в законную силу по истечении срока, установленного настоящим Кодексом для апелляционного обжалования, если оно не было обжаловано. В случае обжалования решение суда вступает в законную силу после рассмотрения судом жалобы, если обжалуемое решение суда не отменено.

Решения административных судов играют ключевую роль в процессе обеспечения соблюдения прав, свобод, а также законных интересов граждан. Кроме того, данные решения способствуют поддержанию законности в деятельности органов государственной власти и местного самоуправления.

Как отмечал В. М. Жуйков, «судебный процесс становится бессмысленным, а право на доступ к правосудию нереализованным без исполнения решения суда». [1]

Решения административных судов имеют первостепенное значение для установления законности и справедливости во взаимоотношениях гражданина с государством, обеспечивая защиту их интересов при взаимодействии с органами государственной власти и органами местного самоуправления, устанавливая контроль за действиями указанных органов.

Административные суды при вынесении решений помогают восстанавливать нарушенные права, отменять не-

правомерные решения и(или) действия (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления и их должностных лиц, а также получать компенсацию за ущерб, создавая необходимые условия для исполнения судебного решения и восстанавливая нарушенный баланс публичных и частных интересов.

Необходимо отметить, что при вынесении судебного решения, если административный суд признаёт, что акт того или иного органа не соответствует законодательству, он может отменить его или признать недействительным, однако не может заменить его собственным решением и урегулировать тот или иной вопрос самостоятельно, устанавливая в решении лишь необходимость разрешения данного вопроса органом повторно или принятия нового решения, которое будет соответствовать закону.

Представляется, что связано это с тем, что для полноценного урегулирования вопроса могут потребоваться дополнительные действия со стороны соответствующих органов и должностных лиц, так как только указанные органы обладают необходимым спектром полномочий в регулировании того или иного вопроса, регламентируя собственную специфику правоотношений в определенной сфере.

Черланов А. Ю. в своих трудах отмечал следующее «признавая незаконным акт административного органа, суд не вправе самостоятельно вынести правильный, по его мнению, административный акт, поскольку иначе суд функционально подменил бы административный орган и реализовал бы не отнесенное к компетенции суда полномочие административного органа». [2]

Участники судебного процесса обладают полномочиями на обжалование судебных решений в порядке, предусмотренном действующим законодательством. Данный механизм является ключевым компонентом эф-

фективной системы правосудия, защищая права участников процесса и поддерживая верховенство закона.

Так, не вступившие в законную силу решения суда могут быть обжалованы гражданами в апелляционном порядке. Вступившие в законную силу решения могут быть обжалованы в порядке кассации.

Как справедливо отмечает А. А. Хасанов, «стадия обжалования решений судов по делам об административных правонарушениях не является обязательной, но она в свою очередь выступает гарантом соблюдения предусмотренных законом прав участников дела». [3]

Обжалование судебных решений служит дополнительным механизмом защиты правомочий граждан и предотвращения злоупотреблений и неправомерных действий, способствуя укреплению законности и правопорядка.

Говоря об ответственности за неисполнение судебного решения, следует отметить, что в соответствии со статьей 363.1 КАС за неисполнение или несообщение об исполнении судебного акта органами государственной власти, органами местного самоуправления, иными органами, ор-

ганизациями, должностными лицами, государственными и муниципальными служащими и иными лицами, наделенными публичными полномочиями, судом может быть наложен судебный штраф.

Судебный штраф, являясь мерой процессуального воздействия, применяется для эффективного обеспечения исполнения судебных актов и представляет собой санкцию денежного взыскания, назначаемое в предусмотренных законом случаях.

«Следует отметить, что вопросы ответственности государства за причиненный вред в России в настоящее время реализуются на основании статей 151, 1069, 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации, что исключает признание публично-правового характера отношений частных лиц и администрации». [4]

Таким образом, следует сказать, что эффективное исполнение судебных решений административных судов способствует восстановлению баланса публичных и частных интересов, укреплению доверия к судебной системе и правосудию в целом, повышению правовой защищенности граждан, а также развитию правового государства.

Литература:

1. Жуйков, В. М. Судебная реформа: проблемы доступа к правосудию // Статут — 2006. С. 235.
2. Черланов А. Ю. К вопросу о судебной неустойке в административном судопроизводстве // Закон — 2024, № 8, С. 145.
3. Хасанов А. А. Обжалование решений арбитражных судов по делам об административных правонарушениях // Цивилистика: право и процесс. — 2022. — № 4(20). — С. 114.
4. Гришконец А. А. Проблема ответственности за вред, причиненный в результате издания не соответствующего закону правового акта государственного органа (продолжение дискуссии) // Актуальные проблемы и перспективы административного права и административно-процессуального права: сб. науч. ст. М.: РГУП, 2019. С. 211.

Проблемы обеспечения независимости судебной власти в Российской Федерации и пути их совершенствования

Царёв Дмитрий Николаевич, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

Статья посвящена анализу конституционного принципа независимости судей в Российской Федерации. Рассматриваются нормативно-правовые основы, гарантии независимости, а также системные проблемы, возникающие при их реализации. Особое внимание уделено вопросам назначения на должность судей, роли председателей судов, влиянию органов исполнительной власти и недостаткам в деятельности органов судейского сообщества. Предлагаются конкретные меры по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики, направленные на повышение реальной независимости судебной власти.

Ключевые слова: независимость судей, судебная власть, гарантии независимости, неприкосновенность судей, отбор судей, органы судейского сообщества, разделение властей, правовое государство.

Принцип независимости судей является краеугольным камнем правосудия в любом демократическом государстве. В Российской Федерации он закреплен в ч. 1 ст. 120 Конституции РФ, а также детализирован в Законе РФ «О статусе судей в РФ» и других нормативных актах.

Однако, как показывает анализ судебной практики и научной литературы, реальная степень независимости судей остается дискуссионной.

Гарантии независимости судей — это система мер, обеспечивающих беспристрастность и автономность

суда. К ним относятся: особый порядок назначения на должность, несменяемость, неприкосновенность, право на отставку, материальное и социальное обеспечение, а также деятельность органов судейского сообщества [1, с. 241–246; 2, с. 78–83]. Несмотря на формальное наличие этих гарантий, практика выявляет серьезные проблемы.

Первая группа проблем связана с вмешательством иных ветвей власти. Согласно ст. 128 Конституции РФ, судьи назначаются Президентом РФ (высшие суды) или по его представлению Советом Федерации (судьи Верховного Суда). Хотя глава государства не относится ни к одной ветви власти, такое участие создает риски политической зависимости. Как отмечает А. А. Кондрашев, «процедура отбора судей не позволяет в полной мере обеспечить их независимость» [3, с. 80–89].

Вторая проблема — внутрикорпоративное влияние. Председатели судов обладают широкими административными полномочиями (распределение дел, привлечение к дисциплинарной ответственности, представление к наградам). Л. Е. Кравцова справедливо указывает, что «председатель может оказывать воздействие на судей при решении вопросов организации деятельности суда» [4, с. 38–47]. Это порождает феномен «административной зависимости» даже при отсутствии прямого давления.

Третья проблема — недостаточная эффективность органов судейского сообщества. Квалификационные коллегии судей формально независимы, однако их решения по дисциплинарным делам нередко воспроизводят позицию председателей судов. Кроме того, поправки в Конституцию 2020 года предоставили Президенту РФ право вносить представление о досрочном прекращении полномочий председателей судов. По мнению И. И. Кирющенко, это «прямо противоречит гарантиям независимости судей» [5, с. 98–105].

Четвертая проблема — ограниченная роль общественного контроля. Назначение судей происходит без участия институтов гражданского общества. Исключение составляют мировые судьи, которые избираются населением или законодательным органом субъекта РФ (ст. 6 ФЗ

«О мировых судьях»). Однако практика показывает, что даже этот механизм не обеспечивает прозрачности.

Пути совершенствования. На основе проведенного анализа предлагаются следующие меры:

1. Изменение порядка назначения судей районного звена — перейти к их избранию законодательными органами субъектов РФ

2. по представлению квалификационных коллегий (по аналогии с мировыми судьями). Сохранить участие Президента РФ только для судей верховных судов, но с обязательным публичным обсуждением кандидатур и участием органов судейского сообщества;

3. Внедрение механизма импичмента для мировых судей — предоставить населению право инициировать досрочное прекращение полномочий мирового судьи в случае совершения им грубых дисциплинарных проступков (с последующим решением квалификационной коллегии);

4. Усиление роли органов судейского сообщества — наделить Высшую квалификационную коллегию правом окончательного решения по вопросам привлечения судей к дисциплинарной ответственности без возможности пересмотра председателем суда. Ввести в состав коллегий представителей адвокатуры и правозащитных организаций (не менее 25 %);

5. Создание специализированного органа по защите независимости судей — при Совете судей РФ сформировать структуру, уполномоченную рассматривать жалобы судей на давление со стороны председателей, органов исполнительной власти, правоохранительных структур. Наделить её правом приостанавливать действия, нарушающие независимость;

6. Повышение контроля за доходами не только судей, но и их близких родственников — расширить перечень подконтрольных лиц, ввести обязательную публикацию деклараций о доходах судей на официальных сайтах судов.

Эти меры не являются исчерпывающими, но их реализация позволила бы существенно снизить риски внешнего и внутреннего влияния, укрепить доверие граждан к правосудию и реально воплотить конституционный принцип независимости судей в России.

Литература:

1. Казарина М. И. Отвод и самоотвод судьи как гарантия независимости судей // Вестник Томского государственного университета. — 2021. — № 459. — С. 241–246;
2. Зуйкова А. А. Особое мнение судьи как гарантия независимости судей в Российской Федерации // Вестник науки. — 2024. — № 6 (75). — С. 78–83;
3. Кондрашев А. А. Проблемы реализации принципа независимости судей в России: от теории к правоприменительной практике // Актуальные проблемы российского права. — 2021. — № 8. — С. 80–89;
4. Кравцова Л. Е. Независимость судей в судебном администрировании // Вестник ВГУ. Серия: Право. — 2022. — № 4 (51). — С. 38–47;
5. Кирющенко И. И. Досрочное прекращение полномочий судей в контексте конституционных преобразований // Правовое государство: теория и практика. — 2021. — № 4 (66). — С. 98–105;
6. Халилев Р. А. Современные проблемы реализации принципа независимости судей // Вестник УЮИ. — 2021. — № 2 (88). — С. 92–98;
7. Ревва С. Ю. Назначаемость или избираемость судей: какой механизм эффективнее // Вопросы российской юстиции. — 2024. — № 30. — С. 145–152.

Правовой статус искусственного интеллекта: от электронного лица до деликтоспособности

Чунькова Нина Алексеевна, студент

Научный руководитель: Тимошук Кирилл Игоревич, кандидат физико-математических наук, старший преподаватель
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации

В статье исследуется проблема правового статуса искусственного интеллекта в современном гражданском праве. Анализируются существующие концепции — от признания ИИ объектом права до введения категории электронного лица. Особое внимание уделяется вопросу деликтоспособности систем искусственного интеллекта и возможности возложения на них юридической ответственности. Автор приходит к выводу о необходимости разработки специального правового режима для регулирования данной сферы.

Ключевые слова: искусственный интеллект, электронное лицо, правосубъектность, деликтоспособность, гражданско-правовая ответственность, роботы, цифровое право.

В последние десятилетия стремительное развитие технологий искусственного интеллекта (далее — ИИ) поставило перед юридическим сообществом целый ряд вопросов, которые прежде казались уделом исключительно научной фантастики. Роботы заключают сделки, алгоритмы управляют финансовыми активами, а автономные транспортные средства становятся участниками дорожно-транспортных происшествий.

Актуальность темы обусловлена тем, что действующее законодательство России не содержит чёткого ответа на вопрос о правовом статусе систем ИИ. В целях настоящего исследования под искусственным интеллектом понимается «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека».

Гражданский кодекс Российской Федерации по-прежнему исходит из классического разделения субъектов — физических и юридических лиц — и не предусматривает для ИИ никакого самостоятельного места в системе гражданского права. Между тем мировая практика уже демонстрирует попытки выйти за пределы устоявшихся правовых категорий. С позиции классической правовой доктрины всё многообразие явлений окружающего мира делится на субъекты права (носители прав и обязанностей) и объекты права (то, по поводу чего возникают правоотношения). Традиционно ИИ относили к объектам права — программному обеспечению, охраняемому нормами об интеллектуальной собственности. Однако усложнение систем ИИ, их способность к самообучению и принятию автономных решений всё труднее поддаётся описанию в рамках данной парадигмы. Принципиальная сложность состоит в том, что поведение современных систем ИИ зачастую не может быть полностью предсказано и объяснено даже их разработчиком [1].

В доктрине сложилось несколько конкурирующих подходов. Первый — инструментальный: рассматривает ИИ исключительно как сложную вещь или программный про-

дукт, то есть объект гражданских прав. Второй — субъектный: допускает признание ИИ самостоятельным субъектом права. Третий — смешанный: предполагает создание специального правового режима, не вписывающегося в традиционные категории. По мнению ряда исследователей, именно смешанный подход наиболее соответствует природе современных ИИ-систем [4].

Наиболее резонансной попыткой решить данную проблему на законодательном уровне стала Резолюция Европейского парламента от 16 февраля 2017 года, в которой законодателям предложили рассмотреть возможность создания специального правового статуса для наиболее продвинутых роботов — так называемого «электронного лица» [7]. Согласно данной концепции, наиболее автономные роботы могли бы быть наделены определённой правосубъектностью и нести ответственность за причинённый ущерб при наличии специального страхового фонда. Данная идея прямо перекликалась с исторически существовавшими аналогами: правовым статусом раба в римском праве или особого имущества, выделенного подвластному лицу. Концепция «электронного лица» вызвала волну критики: в открытом письме в Европейскую комиссию в 2018 году более 150 экспертов в области ИИ и этики указали на преждевременность данного шага и риск создания безответственных корпоративных структур.

В российской науке справедливо отмечают, что идея «электронного лица» во многом основана на перенесении человеческих качеств на технику. Авторы пытаются подогнать совершенно новое явление под правила, которые изначально писались для людей. Но этот спор очень важен, потому что он впервые заставил мировое сообщество серьёзно задуматься о том, нужен ли искусственному интеллекту свой собственный правовой статус. В российском праве вопрос о правовом статусе ИИ не нашёл законодательного разрешения. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ создал рамочные условия для тестирования технологий ИИ в рамках экспериментальных правовых режимов, однако прямо не затронул вопросы правосубъектности.

Есть несколько подходов к оценке ИИ как в качестве субъекта, так и в качестве объекта. Первый — инструментальный: подход рассматривает ИИ исключительно как объект гражданских прав, возлагая всю ответственность за его действия на владельца или разработчика по модели ответственности за вред, причинённый источником повышенной опасности. Данный подход сохраняет правовую определённость, однако плохо работает в ситуациях, когда поведение ИИ не может быть предсказано никем из участников цепочки создания и эксплуатации системы. Второй — субъектный: подход допускает наделение ИИ ограниченной правоспособностью. В частности, предлагается разработать концепцию «робота-агента», действующего в гражданском обороте в рамках заранее определённых полномочий [4]. Третий — смешанный: подход предполагает создание специального правового режима без полного отказа от традиционных категорий.

В классическом понимании деликтная ответственность предполагает наличие вины как психического отношения субъекта к своим действиям и их последствиям. Очевидно, что ИИ не обладает психикой и не может «виновно» причинить вред, что создаёт серьёзные препятствия для применения традиционных конструкций гражданско-правовой ответственности. Именно поэтому в условиях, когда поведение ИИ становится непредсказуемым даже для его создателей, концепция вины как центрального элемента деликтного права существенно утрачивает своё значение.

Особую проблему представляет так называемый «разрыв в ответственности»: ситуация, когда поведение ИИ, причинившее вред, не может быть в полной мере приписано ни разработчику, который не мог предвидеть конкретное решение самообучающейся системы, ни пользователю, который не контролировал алгоритм принятия решений, ни самой системе, которая не является субъектом права. Данная проблема особенно остро проявляется при применении технологий глубокого обучения, где объяснимость решений ИИ принципиально ограничена [1].

Показательно, что данная проблема фиксируется не только в доктринальных исследованиях, но и в специальной учебной литературе. Так, К. И. Тимошук, Ю. М. Боброва и Ш. М. Шурпаев констатируют, что ИИ «не является субъектом правовых отношений и его правовой статус не определён, т. е. не установлена ни его правоспособность, ни дееспособность и, как следствие, ИИ не может нести ответственность за свои действия», квалифицируя систему ИИ как инструмент, ответственность за действия которого всецело лежит на использующем его человеке [3, с. 77]. Данная позиция, воспринятая российской правовой педагогикой в качестве базовой, свидетельствует о том, что инструментальный взгляд на ИИ как на объект, а не субъект права утвердился на доктринальном уровне, однако требует законодательного закрепления.

В контексте российского права данная проблема может быть частично решена посредством расширитель-

ного толкования статьи 1079 ГК РФ об ответственности за вред, причинённый источником повышенной опасности. Деятельность по эксплуатации сложных автономных систем уже сегодня может быть квалифицирована как деятельность, создающая повышенную опасность для окружающих [2]. Вместе с тем такое решение является частичным: применение ст. 1079 ГК РФ предполагает установление конкретного владельца источника повышенной опасности, однако в распределённых облачных системах ИИ с множеством пользователей определить такового крайне затруднительно. В качестве возможных моделей привлечения к ответственности в доктрине рассматриваются: ответственность производителя по аналогии с ответственностью за качество продукции; ответственность владельца источника повышенной опасности; ответственность оператора ИИ-системы; наконец, ответственность из специального страхового фонда. Ни одна из этих моделей не является универсальной, что подчёркивает необходимость специального законодательного решения.

Международный опыт правового регулирования статуса ИИ весьма разнообразен. В 2017 году Саудовская Аравия предоставила роботу Sophia гражданство, что, однако, носило скорее рекламный характер и не повлекло реальных правовых последствий. Более серьёзным шагом стало принятие в Эстонии законодательных инициатив, направленных на регулирование ответственности за вред, причинённый автономными системами. Наиболее комплексным документом в данной сфере на сегодняшний день является Регламент Европейского союза об искусственном интеллекте (AI Act), принятый в 2024 году. Данный нормативный акт вводит классификацию ИИ-систем по степени риска и устанавливает дифференцированные требования к ним, хотя прямо и не наделяет ИИ правосубъектностью. В США вопросы ответственности за вред, причинённый ИИ, решаются преимущественно в рамках деликтного права с опорой на доктрины строгой ответственности производителя и небрежности. Американские суды, как правило, возлагают ответственность на разработчика или оператора ИИ-системы, не ставя вопроса о её самостоятельной правосубъектности. Показательно, что ни одно государство мира пока не решилось на признание ИИ полноправным субъектом гражданского права, что свидетельствует о неготовности данной идеи к практической реализации без существенной переработки основополагающих правовых концепций.

С учётом изложенного представляется возможным обозначить несколько направлений совершенствования российского законодательства. Во-первых, необходимо законодательно закрепить понятие «система искусственного интеллекта» применительно к гражданско-правовым отношениям, разграничив его с иными видами программного обеспечения. Во-вторых, целесообразно ввести специальный режим ответственности для операторов высокорисковых ИИ-систем (это категории ИИ-систем, которые могут повлиять на безопасность, права граждан или критически важные процессы) [8], основанный на

принципе безвиновной ответственности с обязательным страхованием. В-третьих, перспективным направлением является разработка концепции «ограниченного электронного лица» — особого правового статуса для автономных ИИ-систем, систематически действующих в гражданском обороте. Введение специального статуса для ИИ-систем не потребует отказа от традиционных правовых категорий: речь идёт о создании новой разновидности участников гражданского оборота с заранее определённым объёмом прав и обязанностей и обособленным имуществом для удовлетворения требований кредиторов.

В-четвёртых, представляется необходимым принятие комплексного федерального закона об искусственном интеллекте, который систематизировал бы разрозненные нормы в данной сфере. Такой закон должен охватить весь цикл — от разработки и тестирования до коммерческого применения и вывода из эксплуатации ИИ-систем. Именно подобный комплексный подход позволит создать правовую определённость как для разработчиков, так и для пострадавших от действий ИИ лиц.

Вместе с тем разработка комплексного законодательства об ИИ неизбежно затронет не только гражданско-правовые, но и этико-правовые вопросы его применения. Как отмечают К. И. Тимошук, Ю. М. Боброва и Ш. М. Шурпаев, в условиях стремительного развития технологий ИИ особую актуальность приобретают вопросы регулирования его использования с точки зрения принципов ответственности и прозрачности, а нормативное урегулирование этих аспектов составляет «вопрос ближайшего будущего» [3, с. 79–80].

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие выводы. Вопрос о правовом статусе искусственного интеллекта является одним из наиболее актуальных в современной правовой науке. Действующее законодательство России не содержит адекватного ответа на вызовы, порождаемые развитием технологий ИИ, что создаёт значительную правовую неопределённость как для участников гражданского оборота, так и для пострадавших от действий автономных систем лиц.

Концепция электронного лица, предложенная Европейским парламентом в 2017 году, несмотря на теоретическую привлекательность, встречает серьёзные практические и этические возражения и не может быть механически перенесена в российское право. Вместе с тем инструментальный подход, рассматривающий ИИ исключительно как объект права, всё хуже соответствует реалиям развития технологий и порождает «разрывы в ответственности», несправедливые как для пострадавших, так и для добросовестных разработчиков.

Наиболее перспективным представляется смешанный подход, предполагающий создание специального правового режима для высокоавтономных ИИ-систем с установлением строгой ответственности их операторов и введением обязательного страхования. В долгосрочной перспективе возможно введение ограниченной правосубъектности для отдельных категорий ИИ-систем — но лишь при условии глубокой теоретической разработки и широкого общественного обсуждения. Таким образом, правовое регулирование ИИ — это не вопрос отдалённого будущего, а насущная потребность сегодняшнего дня.

Литература:

1. Архипов В. В., Наумов В. Б. Искусственный интеллект и автономные устройства в контексте права: о разработке первого в России регионального закона о роботах // Труды СПИИРАН. 2017. № 6 (55). С. 46–62. DOI: 10.15622/sp.55.2. URL: <https://ia.spcras.ru/index.php/sp/article/view/3621> (дата обращения: 05.04.2026).
2. Белов В. А. Гражданское право: Общая часть. Т. II. Лица, блага, факты: учебник. Москва: Юрайт, 2022. 582 с.
3. Боброва Ю. М., Тимошук К. И., Шурпаев Ш. М. Информационное обеспечение научного исследования: учеб. пособие. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2025. 92 с.
4. Гаджиев Г. А., Войниканис Е. А. Может ли робот быть субъектом права? (поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 4. С. 24–48. URL: <https://law-journal.hse.ru/> (дата обращения: 05.04.2026).
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
7. Европейский парламент. Резолюция Европейского парламента от 16 февраля 2017 г. с рекомендациями Комиссии о нормах гражданского права о робототехнике (2015/2103(INL)) // Официальный сайт Европейского парламента. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2017-0051_EN.html (дата обращения: 05.04.2026).
8. EU AI Act: требования к производителям ИИ-систем и высокорисковым приложениям 2026 // Реестр Гарант. URL: <https://jeksport.vnesenie-v-reestr.ru/news/eu-ai-act-trebovaniya-k-proizvoditelyam-ii-sistem-i-vysokoriskovym-prilozheniyam-2026> (дата обращения: 28.04.2026).
9. Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5017. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102788432> (дата обращения: 05.04.2026).

10. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 (утратил силу с 01.01.2025) // Собрание законодательства РФ. 2019. № 41. Ст. 5700. URL: <https://base.garant.ru/72811626/> (дата обращения: 05.04.2026).
11. Савельев А. И. Некоторые правовые аспекты использования смарт-контрактов и блокчейн-технологий по российскому праву // Закон. 2017. № 5. С. 94–117.

Теоретико-правовые основы доказательств в сфере компьютерной информации

Шилов Николай Викторович, студент магистратуры
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (г. Москва)

В статье автор рассматривается относимость, допустимость цифровых доказательств. Дается представление о цифровых доказательствах.

Ключевые слова: относимость цифровых доказательств, цифровые доказательства, компьютерная информация.

Преступления в сфере компьютерной информации требуют особого подхода к их анализу, поскольку они связаны с новой социальной и технологической средой. Их сущность нельзя понять только через формальное толкование норм уголовного закона [3] — необходимо учитывать специфику информационно-коммуникационного пространства. Эти преступления имеют двойственную природу: с одной стороны, они посягают на безопасность информации и систем, а с другой — могут служить инструментом для совершения традиционных преступлений [6]. Однако законодатель сосредоточил внимание именно на защите информационной безопасности как самостоятельной ценности. В центре правового регулирования находятся конфиденциальность, целостность и доступность информации [7].

Объект преступлений в сфере компьютерной информации является сложной и дискуссионной категорией. Непосредственным объектом выступают общественные отношения, обеспечивающие безопасность информации и соблюдение правил эксплуатации информационных систем. Родовой объект связан с общественной безопасностью и порядком, что подчёркивает высокий уровень опасности таких деяний. Нарушения в этой сфере могут иметь масштабные последствия, затрагивая экономику и государственное управление. В отдельных случаях такие преступления угрожают национальной безопасности. Это выводит их за рамки частных интересов [1].

Предметом преступлений в данной сфере является компьютерная информация, имеющая нематериальный характер. Она существует в виде электрических сигналов и может бесконечно копироваться без утраты оригинала. Её ценность напрямую зависит от технической среды обработки и хранения. В разных составах преступлений предмет может трактоваться по-разному: либо как сама информация, либо как функционирование системы. Это отражает взаимосвязь данных и технической инфраструктуры. Любое воздействие на один элемент системы затрагивает всю систему в целом.

Анализ составов преступлений показывает, что законодатель постепенно расширяет защиту от информации к информационным процессам. В составе неправомерного доступа ключевыми признаками являются незаконность доступа и наступление последствий. Существует научная дискуссия о моменте окончания преступления: одни считают его материальным, другие — формальным [5]. Более обоснованной считается позиция, что уже сам факт доступа представляет угрозу. Однако закон требует наступления последствий, что усложняет доказывание. Это создаёт практические проблемы для правоохранительных органов.

Преступление, связанное с вредоносными программами, направлено на предотвращение создания инструментов для атак. Закон устанавливает ответственность независимо от фактического причинения вреда. Такой подход подчёркивает профилактическую направленность нормы. Важным элементом является доказательство умысла на противоправное использование программ. Особую сложность вызывают программы двойного назначения. Их можно использовать как легально, так и преступно [6].

Норма о критической информационной инфраструктуре защищает правила безопасного функционирования систем. Она ориентирована на предотвращение тяжких последствий или угрозы их наступления. Состав преступления имеет смешанный характер с альтернативными последствиями. Особенность заключается в наличии специального субъекта — лица, ответственного за соблюдение правил [7]. Это отличает данную норму от других составов. Она ориентирована на профессиональную ответственность.

Разнообразие составов преступлений требует их систематизации. Основным критерий классификации — объект посяательства. Выделяются преступления против информации, против систем и против правил эксплуатации инфраструктуры. Такое деление помогает лучше понять специфику каждой группы. Исторически суще-

ствовавшие нормы утратили актуальность. Это связано с развитием технологий.

Преступления можно классифицировать по форме деяния на действия и бездействие. Также они различаются по конструкции состава: материальные, формальные и смешанные. Важным является деление по субъекту: общий и специальный. Некоторые преступления может совершить любое лицо, другие — только ответственное за систему. Это имеет значение для привлечения к ответственности. Такая классификация облегчает правоприменение.

Цифровая среда обладает специфическими свойствами, влияющими на преступность. Она характеризуется трансграничностью и возможностью удалённого воздействия. Высокий уровень анонимности усложняет выявление преступников. Границы между стадиями преступления в киберпространстве размываются. Цифровые следы имеют особую природу и требуют специальных методов анализа [8]. Это усложняет процесс доказывания.

Преступления в сфере компьютерной информации представляют собой сложный и развивающийся феномен. Они угрожают нормальному функционированию общества и государства. Для их понимания необходимо учитывать технологический контекст. Классификация помогает систематизировать знания о них. Однако развитие технологий требует постоянного обновления законодательства. Правоприменитель должен сочетать юридические и технические знания.

Институт доказательств является центральным элементом уголовного процесса и обеспечивает достижение его целей. Через доказательства реализуется защита прав потерпевших и предотвращение необоснованного обвинения. Установление истины возможно только на основе доказательственной базы. В делах о компьютерных преступлениях этот процесс усложняется из-за специфики цифровой информации. Традиционные подходы сталкиваются с новыми формами носителей данных. Это требует переосмысления теоретических положений [2].

Понятие доказательства формировалось в рамках двух подходов: гносеологического и процессуально-правового. Первый рассматривает доказательства как любые сведения, помогающие установить обстоятельства дела. Однако для права этого недостаточно, так как требуется формальная определённость. Процессуальный подход связывает доказательства с установленной законом процедурой их получения. Возникает дискуссия о природе доказательства: как сведений или как единства формы и содержания. Более обоснованной считается позиция о неразрывности этих элементов.

Дискуссия о природе доказательств особенно актуальна для цифровой информации. Данные, полученные вне процессуальной формы, не считаются доказательствами. Они приобретают юридическую силу только после надлежащего оформления. Процессуальная форма обеспечивает достоверность и неизменность информации. В цифровой среде это особенно важно из-за лег-

кости изменения данных. Таким образом, форма выступает гарантией подлинности [5].

Доказательства оцениваются по четырём ключевым свойствам: относимость, допустимость, достоверность и достаточность. Относимость означает связь информации с обстоятельствами дела. В киберпреступлениях важно выделить релевантные данные из большого массива информации. Допустимость зависит от соблюдения процессуальных правил получения доказательств. Достоверность требует проверки подлинности цифровых данных. Достаточность определяется совокупностью всех доказательств [4].

Существует множество классификаций доказательств, каждая из которых имеет практическое значение. По отношению к обвинению они делятся на обвинительные и оправдательные. Это важно для обеспечения состоятельности процесса. По способу отражения информации выделяются первоначальные и производные доказательства. В цифровой среде это разграничение размыто. Оригинал и копия часто имеют одинаковую природу.

Доказательства также делятся на прямые и косвенные. Прямые непосредственно указывают на виновность лица. Косвенные устанавливают промежуточные факты. В киберпреступлениях преобладают косвенные доказательства. Например, IP-адрес или наличие вредоносного кода не доказывают вину напрямую. Необходима система взаимосвязанных улик. Это усложняет процесс доказывания.

Цифровая информация занимает особое место среди доказательств. Она может выступать в разных процессуальных формах. В зависимости от ситуации это может быть вещественное доказательство, документ или заключение эксперта. Такая универсальность отражает сложную природу цифровых данных. Они одновременно являются носителем и содержанием информации. Это отличает их от традиционных доказательств [7].

В науке существуют разные подходы к определению статуса цифровых доказательств. Консервативная позиция не признаёт их отдельным видом. Другие учёные предлагают выделить их в самостоятельную категорию. Третья точка зрения рассматривает их как особый источник доказательств. Она сочетает традиционные формы с новыми особенностями. Этот подход становится всё более распространённым.

Наиболее обоснованным является подход, рассматривающий цифровую информацию как особый источник доказательств. Он позволяет сохранить стабильность уголовного процесса. При этом создаются специальные правила работы с цифровыми данными. Это обеспечивает баланс между традицией и инновациями. Цифровые доказательства требуют нового уровня понимания. Они существенно изменяют практику доказывания [6].

Развитие цифровых технологий привело к появлению новой категории следов преступлений — электронных доказательств. Они существуют в виде цифровых данных и активно используются в правоприменительной практике. Однако в законодательстве отсутствует их чёткое

определение. Это вызывает научные споры и сложности в применении норм. Для понимания их природы необходимо выделить их ключевые признаки. Также важно определить их место среди традиционных доказательств.

Цифровые доказательства представляют собой информацию в электронной форме, имеющую значение для уголовного дела. Они должны быть получены и закреплены в соответствии с законом. Важным является отделение информации от её материального носителя. Один и тот же цифровой объект может существовать на разных устройствах. Это позволяет рассматривать данные как самостоятельную сущность [3]. Такой подход расширяет понимание доказательств.

Первым признаком цифровых доказательств является их электронная форма существования. Они представлены в виде битов и требуют технических средств для восприятия. Вторым признаком — независимость от конкретного носителя. Третий — высокая изменчивость и уязвимость данных. Даже незначительное воздействие может привести к их искажению или утрате. Эти особенности усложняют работу с доказательствами.

Важным признаком является зависимость данных от метаданных. Они содержат информацию о времени создания, изменениях и доступе. Без метаданных невозможно полноценно оценить доказательство. Также цифровые данные требуют интерпретации с помощью специальных программ. Без этого они не имеют смыслового содержания. Это делает необходимым привлечение специалистов [8]. Таким образом, работа с такими доказательствами требует специальных знаний.

Цифровые доказательства существенно отличаются от традиционных. Вещественные доказательства уникальны и существуют в одном экземпляре. Цифровые данные легко копируются и распространяются. Их связь с преступлением устанавливается сложнее. Это требует анализа контекста и метаданных. В отличие от показаний, они не содержат субъективного элемента.

Цифровые данные фиксируются автоматически техническими системами. Однако их достоверность зависит от корректности работы этих систем. В отличие от бумажных документов, их подделка может быть незаметной. Выявление фальсификации требует специальных экспертиз. Это повышает требования к проверке доказательств. Таким образом, их использование связано с дополнительными рисками.

Правовой статус цифровых доказательств в законодательстве остаётся неопределённым. Используются различные термины без единого подхода. Это приводит к путанице в практике. Отсутствуют чёткие правила работы

с такими доказательствами. Особенно это касается процедур их изъятия и фиксации. Такая неопределённость снижает эффективность правоприменения.

Серьёзной проблемой является отсутствие стандартов работы с цифровыми доказательствами. Не урегулированы методы копирования и сохранения данных. Также не определены требования к программному обеспечению. Возникают сложности с оформлением процессуальных документов. Это может привести к признанию доказательств недопустимыми [3]. Проблема требует законодательного решения.

Хранение цифровых доказательств связано с техническими трудностями. Данные могут со временем утрачивать доступность. Форматы устаревают, оборудование выходит из эксплуатации. Закон не устанавливает требований к условиям хранения. Это создаёт риски утраты доказательств. Необходимо учитывать технические особенности носителей [6].

Копирование цифровых данных требует специальных методов. Обычное копирование может изменить важные параметры. Поэтому используется создание точных образов носителей. Применяются хэш-суммы для проверки неизменности данных. Однако такие процедуры не закреплены законодательно. Это создаёт пробел в регулировании.

Воспроизведение цифровых доказательств также представляет сложность. Для их просмотра требуется специальное программное обеспечение. Иногда необходимо воссоздание технической среды. Суд часто использует производные формы — распечатки и скриншоты. Это снижает непосредственность исследования доказательств [4]. Возникают ограничения в их восприятии.

Цифровые доказательства являются особым видом информации с уникальными свойствами. Они требуют специальных процессуальных гарантий. Их отличие от традиционных доказательств носит принципиальный характер. Действующее законодательство не полностью отвечает современным требованиям. Это создаёт риски для правоприменения. Необходима модернизация правового регулирования [8].

Для совершенствования системы необходимо закрепить основные понятия. Важно разработать стандарты работы с цифровыми доказательствами. Следует урегулировать процедуры их изъятия и исследования. Также необходимо обеспечить прозрачность технических действий. Это повысит защиту прав участников процесса. Системный подход позволит эффективно использовать цифровые доказательства.

Литература:

1. Ефремов, А. А. Преступления в сфере компьютерной информации / А. А. Ефремов. — Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2019. — 280 с.
2. Крылов, В. В. Информационные компьютерные преступления / В. В. Крылов. — Москва: Юрист, 2017. — 224 с.
3. Casey, E. Digital Evidence and Computer Crime: Forensic Science, Computers, and the Internet / E. Casey. — 4th ed. — Waltham, MA: Academic Press, 2021. — 864 p.

4. Быков, В. М. Понятие компьютерной информации как объекта преступлений / В. М. Быков, В. Н. Черкасов // Законность. — 2013. — № 12. — С. 37-
5. Ларин, А. М. Проблемы допустимости доказательств / А. М. Ларин. — Москва: Статут, 2016. — 200 с.
6. Смирнов, А. В. Цифровые следы преступлений / А. В. Смирнов. — Санкт-Петербург: Питер, 2021. — 350 с.
7. Иванов, А. А. Цифровые доказательства: теория и практика / А. А. Иванов. — Москва Инфотропик Медиа, 2021. — 300 с.
8. Рарог, А. И. Квалификация преступлений в сфере компьютерной информации / А. И. Рарог. — Москва: Проспект, 2020. — 220 с.

Организация правоохранительной деятельности по обеспечению защиты интеллектуальной собственности

Шопен Игорь Антонович, студент магистратуры

Научный руководитель: Глушков Александр Иванович, доктор юридических наук, профессор
Государственный университет «Дубна» (Московская область)

В данной статье исследуются проблемы организации правоохранительной деятельности по обеспечению защиты интеллектуальной собственности в Российской Федерации. Проводится анализ действующего законодательства, которое регулирует отношения, связанные с интеллектуальной собственностью, а также проводится анализ систем органов, которые осуществляют правоохранительную деятельность.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, правоохранительная деятельность, защита прав, правоохранительные органы, защита интеллектуальной собственности.

Organization of law enforcement activities to ensure the protection of intellectual property

Shopen Igor Antonovich, master's student

Scientific advisor: Glushkov Aleksandr Ivanovich, doctor of law, professor
State University «Dubna» (Moscow Oblast)

This article examines the problems of the organization of law enforcement activities to ensure the protection of intellectual property in the Russian Federation. An analysis of the current legislation that regulates relations related to intellectual property is carried out, as well as an analysis of the systems of bodies that carry out law enforcement activities.

Keywords: intellectual property, law enforcement, protection of rights, law enforcement agencies, protection of intellectual property.

В условиях стремительного развития цифровых технологий, формирования глобального информационного пространства и перехода к экономике знаний интеллектуальная собственность (далее — ИС) приобретает особое значение как один из ключевых факторов экономического роста и инновационного развития. Результаты интеллектуальной деятельности становятся неотъемлемым элементом современного хозяйственного оборота, обеспечивая технологическое развитие и формируя конкурентные преимущества государства.

В статье 44 Конституции РФ говорится, что: «Каждому гарантируется свобода литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, преподавания. Интеллектуальная собственность охраняется законом» [1]. Также данное положение продублировано в ч. 2 ст. 1225 Гражданского кодекса Российской Фе-

дерации [2] это является фундаментом системе защиты интеллектуальной собственности. Помимо данных норм отношения в этой области регулируются нормами административного, уголовного и таможенного права.

Современный этап развития общества характеризуется не только расширением возможностей использования объектов интеллектуальной собственности, но и значительным ростом правонарушений в данной сфере. Особенно остро данная проблема проявляется в цифровой среде, где распространение контрафактной продукции и незаконное использование объектов ИС осуществляется с высокой скоростью и зачастую остаётся вне эффективного контроля со стороны государства.

Дополнительную сложность представляет трансграничный характер правонарушений, что существенно затрудняет их выявление и пресечение. Использование ано-

нимных сетей, зарубежных серверов и распределённых платформ позволяет правонарушителям избегать ответственности, что снижает эффективность существующих правовых механизмов.

Таким образом, актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью совершенствования организации правоохранительной деятельности в сфере защиты интеллектуальной собственности, а также адаптации законодательства к новым условиям цифровой среды.

Интеллектуальная собственность представляет собой особую категорию гражданских прав, охватывающую исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации. В отличие от вещных прав, она имеет нематериальную природу, что предопределяет особенности её правового режима.

К числу ключевых признаков интеллектуальной собственности относятся:

- нематериальный характер объекта;
- исключительный характер прав;
- ограниченный срок действия;
- территориальный принцип охраны.

Исключительное право позволяет правообладателю самостоятельно определять условия использования объекта ИС, а также запрещать его использование третьими лицами. Данное право носит абсолютный характер и подлежит защите от любых нарушений.

Следует отметить, что в современных условиях интеллектуальная собственность рассматривается не только как юридическая категория, но и как экономический инструмент, обеспечивающий стимулирование инновационной активности и развитие научно-технического потенциала.

Правовое регулирование в сфере интеллектуальной собственности носит комплексный характер и включает нормы различных отраслей права, что обусловлено многоаспектностью регулируемых общественных отношений.

Гражданское законодательство определяет правовой режим объектов ИС, порядок возникновения и осуществления прав, а также способы их защиты. Особое значение имеет институт компенсации, который позволяет правообладателю получить возмещение без необходимости доказывания фактического размера ущерба.

Административная ответственность применяется в отношении менее общественно опасных правонарушений и позволяет оперативно реагировать на нарушения без привлечения уголовно-правовых механизмов.

Уголовное законодательство направлено на защиту наиболее значимых общественных отношений и применяется в случаях причинения крупного ущерба или систематического нарушения прав.

Таможенные органы осуществляют важную функцию по предотвращению ввоза контрафактной продукции. Однако их полномочия в настоящее время ограничены, что снижает эффективность борьбы с правонарушениями.

В условиях глобализации защита интеллектуальной собственности требует активного международного со-

трудничества, направленного на унификацию правовых подходов и обмен информацией.

Организация правоохранительной деятельности в сфере защиты интеллектуальной собственности представляет собой сложную систему взаимодействия различных государственных органов.

К числу основных субъектов относятся органы внутренних дел, таможенные органы, а также органы, осуществляющие регистрацию прав. При этом эффективность их деятельности во многом зависит от уровня координации и информационного взаимодействия.

В соответствии с пп. 6 п. 2 ст. 351 ТК ЕАЭС [3] в функции таможенных органов входит защита прав на объекты интеллектуальной собственности на таможенной территории Союза, при этом категория объектов ИС по которым таможенные органы могут принимать меры по их защите законодательством ограничены. К таким категориям относятся: объекты авторских и смежных прав, товарные знаки и знаки обслуживания, а также наименования мест происхождения товаров.

Основными правонарушениями, по которым таможенные органы составляют протоколы являются статьи 7.12 и 14.10 КоАП РФ. Для выявления и дальнейшего возбуждения дел по данным статьям таможенные органы используют систему управления рисками, данная система помогает уменьшить риски незаконного перемещения объектов интеллектуальной собственности.

Особую роль играет использование современных технологий, включая системы анализа данных и мониторинга сети Интернет. Однако на практике такие инструменты используются недостаточно широко.

Анализ правоприменительной практики

Анализ правоприменительной практики показывает, что несмотря на наличие развитой нормативной базы, эффективность защиты интеллектуальной собственности остаётся недостаточной.

Основные сложности связаны с:

- установлением факта правонарушения;
- идентификацией правонарушителя;
- сбором доказательственной базы;
- определением размера причинённого ущерба.

Особенно сложной является ситуация в цифровой среде, где правонарушения могут совершаться анонимно и с использованием зарубежной инфраструктуры.

Проблемы правоохранительной деятельности

Современное состояние системы защиты интеллектуальной собственности характеризуется рядом проблем:

1. Наблюдается недостаточная координация между государственными органами, что приводит к снижению эффективности их деятельности.
2. Отсутствует достаточный уровень цифровизации правоохранительных процессов, что затрудняет выявление правонарушений в сети Интернет.
3. Имеет место недостаток специализированных подразделений, обладающих необходимой квалификацией.

4. Действующее законодательство не в полной мере учитывает особенности цифровой среды.

В Российской Федерации защита интеллектуальной собственности реализуется через несколько ключевых государственных органов. Каждый орган имеет определённые полномочия, обязанности и специализацию:

— МВД РФ. Расследование преступлений в сфере ИС, выявление незаконного оборота контрафактной продукции, проведение оперативно-розыскных мероприятий.

— Прокуратура РФ. Надзор за соблюдением законодательства, поддержка государственного обвинения в судах по делам о нарушении ИС, проверка законности действий органов власти.

— ФСБ. Предотвращение использования ИС в целях угрозы безопасности, контроль за экспортом технологий, защита секретных патентов и разработок.

— Роспатент. Регистрация и учёт патентов и товарных знаков, экспертиза заявок на объекты ИС, консультирование правообладателей.

— Суды. Рассмотрение административных и уголовных дел, присуждение компенсаций, вынесение ре-

шений о конфискации и запрете распространения контрафактной продукции.

— Федеральная таможенная служба. Контроль ввоза и вывоза продукции с объектами ИС, предотвращение перемещения контрафактной продукции через границу, взаимодействие с МВД и Роспатентом.

Такое распределение функций отражает смешанную модель защиты ИС, когда координация между ведомствами имеет критическое значение для оперативности и эффективности расследований. В то же время, дублирование функций между органами создаёт риски неэффективного использования ресурсов и затягивания процедур.

Исходя из вышесказанного, предлагается внести ряд изменений в действующее законодательство и структуру правоохранительных органов.

1. Предлагается выделить основным направлением деятельности полиции внеся в ч. 1 ст. 2 Федеральный закон от 07.02.2011 N 3-ФЗ (ред. от 15.12.2025) «О полиции» пункт 13, который будет звучать следующим образом:

«13) обеспечение защиты интеллектуальной собственности»

Литература:

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // <http://pravo.gov.ru>, 06.10.2022;
2. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая)» от 18.12.2006 N 230-ФЗ (ред. от 23.07.2025) // «Российская газета», N 289, 22.12.2006;
3. «Таможенный кодекс Евразийского экономического союза» (ред. от 29.05.2019) (приложение N 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза) // Первоначальный текст документа опубликован в издании Официальный сайт Евразийского экономического союза <http://www.eaeunion.org/>, 12.04.2017.
4. Постановление Правительства РФ от 21.03.2012 N 218 (ред. от 29.05.2025) «О Федеральной службе по интеллектуальной собственности» (вместе с «Положением о Федеральной службе по интеллектуальной собственности») // «Российская газета», N 70, 30.03.2012
5. Федеральный закон от 07.02.2011 N 3-ФЗ (ред. от 15.12.2025) «О полиции» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) // «Российская газета», N 256, 31.12.2001,
6. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 09.04.2026, с изм. от 29.04.2026)

ИСТОРИЯ

Библиотека Ивана Грозного: легенда о Либерии

Заикина Екатерина Сергеевна, студент
Ставропольский краевой колледж искусств

Первый русский царь Иван IV, прозванный Грозным, является одной из самых неоднозначных личностей в русской истории Средних веков. Иван Васильевич был многогранной личностью, сочетая в себе жестокого правителя, завоевавшего и присоединившего много земель, и ученого, собравшего коллекцию редких книг. Библиотека Ивана IV стала сокровищницей мудрости и культуры России.

Ключевые слова: Иван Грозный, царь, Либерия, библиотека, книга, Москва.

История России XVI века — интереснейший, но крайне запутанный период. Этот исторический отрезок был наполнен разными событиями, которые во многом решили дальнейшую судьбу страны как независимого государства. В их числе — Ливонская война, присоединение земель Золотой Орды, Избранная рада, опричнина.

Российское государство XVI века в общественном сознании связано с именем Ивана IV Грозного. У россиян и иностранцев, знакомых с русской историей позднего Средневековья, сложился образ Ивана Васильевича как жесткого правителя, создателя опричнины, царя, присоединившего к России «осколки» Золотой Орды: Казанское, Астраханское и Сибирское ханства. При этом Иван Грозный был личностью многогранной. Увлекался философией, прекрасно играл в шахматы, знал несколько языков. Особой страстью первого русского царя было чтение. Он охотно выкупал редкие издания и принимал в дар книги, собирая библиотеку.

Важно подчеркнуть, что библиотека — важная составляющая духовно-нравственного развития государства. Мудрость книг является значимым элементом духовного развития человека. В России это понимали со времен Ивана IV на высшем уровне.

В отечественной и зарубежной историографии вопрос о существовании библиотеки Ивана Грозного, именуемой также Либерией, остается одним из самых дискуссионных. На протяжении столетий это собрание античных и средневековых манускриптов является объектом поиска как профессиональных археологов, так и исследователей-энтузиастов. Несмотря на отсутствие прямых материальных свидетельств, легенда о Либерии значительно повлияла на развитие российской археологии и стала важным элементом национального культурного мифа.

Слухи о царской Либерии стали распространяться сразу же после кончины Ивана Грозного и превратились в подлинный миф в начале XIX века с легкой руки просветителя и историка Н. М. Карамзина, считавшего факт существования книгохранилища вполне реальным. Повествуя о браке в 1472 году государя Московского Ивана III с греческой царевной Софией Палеолог, дочерью деспота Морейского Фомы, племянницей последнего византийского императора Константина XI, Карамзин пишет: «Папа дал Софии богатое вено и послал с нею в Россию легата, именем Антония... Многие греки, приехавшие к нам с царевной, сделались полезны в России своими знаниями в художествах и в языках, особенно в латинском, необходимом тогда для внешних дел государственных; обогатили спасенными от турецкого варварства книгами московские церковные библиотеки».

В главе III тома VII «Истории государства Российского», посвященной периоду «государствования» (1505–1533) великого князя Василия Ивановича, сына Ивана III и Софьи Палеолог, мы читаем: «Василий, в самые первые дни своего правления осматривая богатства, оставленные ему родителем, увидел множество греческих духовных книг, собранных отчасти древними великими князьями, отчасти привезенных в Москву Софиею и лежавших в пыли, без всякого употребления. Он хотел иметь человека, который мог бы рассмотреть оные и лучшие перевести на язык славянский».

Формирование основного фонда библиотеки истории связывают с эпохой великого князя Ивана III и его браком с Софьей Палеолог. Согласно преобладающей версии, племянница последнего византийского императора привезла в Москву обширное собрание греческих и латинских рукописей, спасенных от османского завоевания. В усло-

виях деревянной застройки Москвы того времени, подверженной частым пожарам, для хранения столь ценного груза итальянскими мастерами (предположительно, Аристотелем Фиораванти) были возведены специальные белокаменные сводчатые подземелья под Кремлем.

По некоторым версиям, Софья Палеолог, увидев последствия пожаров в Москве в 1470 году, распорядилась спрятать библиотеку в подвале церкви Рождества Богородицы в Кремле. Позже, после смерти великой княгини, ее сын князь Василий III решил перевести греческие тексты, для чего из Константинополя прибыл писатель и богослов **Максим Грек**. Затем библиотека по наследству перешла Ивану IV, который регулярно пополнял ее новыми книгами.

Главным аргументом в пользу реальности Либереи считается так называемый список Дабелова, опубликованный в 1822 году. Профессор Христофор Дабелов утверждал, что обнаружил в архивах города Пярну опись, составленную в XVI веке протестантским пастором Иоганном Веттерманом. Согласно документу пастор прибыл в Московию по приглашению Ивана IV для осмотра книг и был поражен их ценностью. В списке фигурировали ныне утраченные части «Истории» Тита Ливия, полные собрания сочинений Тацита, Цицерона и редкие труды античных комедиографов. Для современной науки обнаружение хотя бы малой части этих текстов означало бы пересмотр всей истории античного мира, однако отсутствие оригинала списка Дабелова заставляет многих исследователей рассматривать его как историческую мистификацию эпохи романтизма.

Поисковые работы велись в нескольких ключевых локациях, связанных с резиденциями Ивана Грозного. В Москве основное внимание уделялось Боровицкому холму и району Арсенальной башни Кремля. Однако значительная часть исследователей полагает, что в период опричнины библиотека могла быть вывезена в Александровскую слободу — фактическую столицу государства того времени. Также в качестве возможных мест хранения рассматриваются подземелья церкви Вознесения в Коломенском и Вологодский кремль. Масштабные изы-

скания 1930-х годов под руководством археолога Игнатия Стеллецкого подтвердили наличие разветвленной системы скрытых камер и переходов под Кремлем, однако ни в одной из вскрытых пустот сундуки с книгами не обнаружены.

В ноябре 1933 года И. Я. Стеллецкого, по указанию самого И. В. Сталина, пригласили в Кремль для археологического исследования древних подземелий. Раскопки с небольшими перерывами продолжались почти два года. В основном исследовались подземелья стен и башен на предмет возможности проникновения в них фашистских диверсантов, а таинственные книжные сокровища искали попутно.

Критический анализ перспектив обнаружения Либереи указывает на ряд физико-химических препятствий. Основной фактор — агрессивность московских грунтов и высокий уровень грунтовых вод. Без специализированного микроклимата органические материалы (пергамент, кожаные переплеты, бумага) подвергаются деструкции в течение 50–100 лет. Таким образом, даже в случае реальности тайников вероятность физической сохранности манускриптов в условиях необорудованных подземелий крайне низка.

Вопрос о существовании библиотеки Ивана Грозного остается предметом острых научных дискуссий. Некоторые исследователи сомневаются в самом факте ее существования, предполагая, что она могла погибнуть в результате пожаров или во времена Смуты. Есть также мнение, что легенда об античной библиотеке московских государей могла быть придумана европейскими гуманистами.

Подводя итог, следует признать, что Либерея Ивана Грозного на текущий момент остается феноменом скорее историографическим, нежели археологическим. Тем не менее она служит важным стимулом для изучения подземной архитектуры Москвы и памятников эпохи Ивана IV. Независимо от того, была ли коллекция уничтожена пожарами Смутного времени, рассредоточена по частным собраниям или никогда не существовала в описанном масштабе, ее поиски внесли неоценимый вклад в развитие отечественной исторической науки.

Литература:

1. Глухов А. Г. Русь книжная. — М.: Советская Россия, 1979. — 228 с.
2. Карамзин Н. М. История государства Российского. — М.: АСТ, 2008. — 576 с.
3. Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. — М.: Эксмо, 2011. — 1023 с.
4. Малинин Б. А. Либерея Ивана Грозного. — М.: АлМи, 2006. — 142 с.
5. Стеллецкий И. Я. Мертвые книги в подземельях Москвы. — М.: Московский рабочий, 1993. — 270 с.

Специфика формирования себестоимости и логистических издержек в танковой промышленности СССР и Германии (1943–1945 гг.)

Катонин Сергей Алексеевич, преподаватель
Российский университет кооперации (г. Мытищи)

В статье исследуются технико-экономические аспекты производства основных средних танков Второй мировой войны — советских Т-34–76 и Т-34–85, а также германского Pz.V Panther (преимущественно в массовых модификациях Ausf. A и G). Автор проводит сравнительный анализ систем межзаводской кооперации, выделяя специфику ценообразования боевых машин. В рамках исследования реализован авторский подход к расчету логистической составляющей себестоимости, рассматриваемой как совокупность неявных издержек и транзакционных затрат в условиях экономики военного времени. На основе архивных данных и кросс-курсового пересчета валют оцениваются отраслевые особенности танковой промышленности СССР и Германии, а также влияние производственно-логистического фактора на стоимость советских и германских танков в динамике 1943–1945 гг.

Ключевые слова: оборонно-промышленный комплекс, Т-34, Pz.Kpfw. V «Panther», себестоимость производства, транзакционные издержки, межзаводская кооперация, мобилизационная экономика, эвакуация промышленности, унификация, эффективность.

Specificity of Cost Formation and Logistic Costs in the Tank Industry of the USSR and Germany (1943–1945)

Katonin Sergey Alekseevich, lecturer
Russian University of Cooperation (Mytishchi)

The article examines the technical and economic aspects of the production of the main medium tanks of World War II: the Soviet T-34–76 and T-34–85, and the German Pz.V Panther (primarily in the mass modifications Ausf. A and G). The author conducts a comparative analysis of inter-plant cooperation systems, highlighting the specifics of armored vehicle pricing. Within the framework of the study, an original approach is implemented to calculate the logistics component of the production cost, viewed as a combination of implicit costs and transaction expenses under wartime economic conditions. Based on archival data and cross-currency conversion, the study evaluates the industrial features of the tank industries of the USSR and Germany, as well as the impact of the production and logistics factor on the cost of Soviet and German tanks throughout the 1943–1945 period.

Keywords: military-industrial complex, T-34, Pz.Kpfw. V «Panther», production cost, transaction costs, inter-plant cooperation, mobilization economy, industrial evacuation, unification, efficiency.

Введение

Экономическая история Второй мировой войны традиционно рассматривается через призму валовых показателей выпуска вооружений, где объемы производства СССР противопоставляются технологической сложности бронетехники Третьего рейха. Однако дуализм «количество против качества» зачастую оставляет без внимания вопрос реальной ресурсной стоимости боевой машины для экономик воюющих стран.

Танковое производство периода 1943–1945 гг. являлось точкой максимальной концентрации индустриальных мощностей воюющих стран, и поскольку для оценки устойчивости экономики определяющим фактором является масштаб выпуска, объектом данного исследования выбраны не мелкосерийные образцы, а основные массовые модификации средних танков. В этом контексте танк выступает как сложный агрегат, аккумулирующий достижения металлургии, химии и точного машиностроения, а специфика формирования его стоимости остается одним из наименее освещенных аспектов в историографии.

Массив финансово-экономической документации отрасли до сих пор не подвергался системному аудиту с применением инструментов кросс-факторного анализа, но в условиях большой войны цена изделия перестает быть статичной величиной, превращаясь в индикатор адаптивности всей промышленности. При этом исследования, опирающиеся исключительно на заводскую себестоимость, не в полной мере отражают совокупные издержки. В условиях мобилизации промышленности СССР и перехода Германии к децентрализованной модели производства в 1943–1944 гг., ключевым фактором эффективности становится не только отпускная цена техники, но и устойчивость межзаводской кооперации и сопутствующая ей логистическая нагрузка.

Актуальность работы обусловлена необходимостью пересмотра экономических мобилизационных моделей СССР и Германии через категорию логистических издержек.

Научная новизна исследования заключается в обосновании и количественной оценке логистической составляющей (совокупности неявных затрат на транспортировку, хранение запчастей и содержание ремонтной инфраструктуры) при проведении сравнительного стоимостного анализа производства танков СССР и Германии. Автор выдвигает тезис о том, что сравнительно низкая себестоимость основного советского танка Т-34 (базовая модель без вооружения и оптики — \$25–26 тыс. в эквиваленте 1943 г.) была не только следствием экономии на масштабе, но и результатом стратегических решений ГКО, основанных на способности мобилизационной экономики СССР перераспределять логистические затраты. В противовес этому, модель производства Pz.V «Panther» (основных модификаций), ориентированная на высокое качество, создавала неустойчивость снабжения, где издержки на материально-техническое обеспечение становились обременением для военной экономики Германии.

Целью работы является компаративный анализ структур формирования себестоимости базовых моделей Т-34 и «Пантеры» с учетом межзаводской кооперации и транспортного плеча, что позволяет иначе взглянуть на пределы гибкости плановой и рыночно-директивной экономик в период 1943–1945 гг.

Материалы и методы. Проблема сопоставления танковой промышленности СССР и Германии опирается на значительный массив исследований. В отечественной историографии фундаментальные вопросы государственного управления отраслью освещены в работах А. Ю. Ермолова [2], а специфика технологической модернизации детально раскрыта Н. Н. Мельниковым [4]. Механизмы мобилизационного планирования и ресурсная база промышленности получили развитие в трудах Н. С. Симонова [8]. Особенности локализации производства в условиях масштабной эвакуации промышленности на Восток и формирования Танкограда проанализированы в исследованиях М. А. Падерина [5]. В свою очередь, комплексное технико-экономическое сравнение Т-34 и Pz.Kpfw. V «Panther» с точки зрения баланса боевой эффективности и производственной доступности нашло отражение в работах М. Б. Барятинского [1] и С. Залоги [16].

Среди западных исследователей особое значение имеют работы М. Харрисона, предложившего методы статистической реконструкции советской военной экономики и оценки оборонного бремени [14], а также А. Туза [9], чей анализ организационных и ресурсных ограничений Германии позволяет по-новому взглянуть на издержки производства боевой техники вермахта.

Для сопоставления эффективности двух полярных экономических моделей применен метод декомпозиции затрат с их последующей конвертацией в расчетную валюту — доллар США по паритету покупательной способности (ППС) 1943 г. Автор исходит из того, что прямое использование официальных котировок того времени (5,30 руб. и 2,49 RM за \$1) методологически неверно, так как они зачастую не отражали реальную стоимость ресурсов в оборонном секторе. Однако проведенный на основе методики М. Харрисона анализ в сегменте тяжелого машиностроения и энергетики показал, что расчетный паритет для СССР в данном секторе фактически совпадает с номинальным (\$1 ≈ 5,30 руб.). Это обусловлено жестким государственным субсидированием стоимости бронестали и электроэнергии, удерживавшим цены на военную продукцию на стабильно низком уровне. В свою очередь, для Германии коэффициент \$1 ≈ 2,49 RM был принят через сопоставление цен на основные конструкционные материалы и среднюю заработную плату квалифицированного рабочего (Facharbeiter), что позволило нивелировать искажающий эффект «военной инфляции» Германии.

Методология дополнена понятием инфраструктурной нагрузки, выражаемая коэффициентом номенклатурной плотности — соотношением числа уникальных деталей (3,5–4,5 тыс. у Т-34 против 27–28 тыс. у Pz.V) и массы машины, что позволяет оценить, насколько сложность конструкции перегружает цепи снабжения, складской учет и распределение запчастей.

В рамках исследования рассматривается критерий топологической устойчивости цепочек поставок, позволяющий сопоставить эффект максимального «сквозного плеча» в СССР (до 3 800 км по маршруту Барнаул — Нижний Тагил — Фронт) с рисками германской фрагментированной сетевой модели обеспечения производства танков.

Ограничения исследования. При интерпретации результатов следует учитывать нелинейность производственных циклов на ключевых предприятиях СССР и Германии. Эволюция конвейерного производства, а также дефицит электроэнергии и перебои в поставках комплектующих, определяют усредненный характер приводимой стоимости боевых машин.

Разница в массе Т-34 и Pz.Kpfw. V (до 15 тонн), предопределяет базовый разрыв в расходе материалов и конечной стоимости. Однако акцент на их общем статусе как основных средних танков позволяет проследить, как рост массы «Пантеры» усложнял логистику и ремонтную инфраструктуру. В этой связи стоимостные показатели носят расчетно-индикативный характер и призваны продемонстрировать сравнительную эффективность двух экономических моделей, а не абсолютную рыночную цену.

Существенное значение имеет критический анализ источников, так как отчетность Наркомата танковой промышленности (НКТП) и Министерства вооружений возглавляемого А. Шпеером несет следы ведомственной специфики, где политическое давление создавало условия для статистических искажений в отчетной документации.

Результаты. Для советской танковой промышленности наиболее напряженным этапом стал период со второй половины 1941 г. по конец 1942 г. Масштабная передислокация мощностей в восточные регионы страны (Уральский и Си-

бирский промышленные районы) протекала одновременно с радикальным упрощением техпроцессов и острым дефицитом ресурсов. Анализ отчетных калькуляций заводов № 183 и № 112 показывает, что именно в фазе кризиса 1942 года, сопряженного с пиковыми нагрузками на инфраструктуру, был сформирован фундамент для последующей технологической оптимизации и реализации эффекта масштаба. Согласно архивным данным [6], себестоимость Т-34–76 демонстрировала устойчивую нисходящую динамику: с 269,5 тыс. руб. в 1941 г. до 135 тыс. руб. к 1945 г.

Ярким показателем эффективности выбранной производственной модели является тот факт, что процесс снижения затрат сохранялся и после 1944 года. Глубокая модернизация машины до уровня Т-34–85 не вызвала резкого роста отпускных цен, что подтверждает высокую адаптивность серийного производства и успешную отладку межзаводской кооперации даже в условиях дефицита кадров [4]. При этом динамика производства Pz.V Panther (модификаций Ausf. A и G) свидетельствует о глубоких системных противоречиях в Rüstungswirtschaft (военно-промышленной экономике Рейха). Несмотря на попытки А. Шпеера внедрить поточно-конвейерные методы, специфика немецкой индустриальной школы — высокая доля квалифицированного ручного труда и избыточная децентрализация — препятствовала реализации эффекта масштаба.

Отраслевые особенности танковой промышленности Третьего рейха, выраженные в сложной системе горизонтальной кооперации и жестких технологических допусках Heereswaffenamt (Управления вооружений сухопутных сил), препятствовали возможности радикального снижения себестоимости.

В результате, в отличие от советского Т-34, немецкая «Пантера» осталась дорогостоящей машиной, чей номинальный ценник не демонстрировал дефляционной гибкости даже при выходе на пиковые объемы выпуска в 1944 г. Для корректного сопоставления разнонаправленных тенденций произведен пересчет стоимостных показателей в эквивалентную валюту (доллары США по паритету 1943 г.), результаты которого показаны в Таблице 1.

Таблица 1. Сравнительные показатели выпуска и ресурсной стоимости средних танков (в долларах США по ППС 1943 г.)

Год	Модель (СССР)	Выпуск (ед.)*	Полная цена (\$)**	Модель (Германия)	Выпуск (ед.)*	Полная цена (\$)**
1943	Т-34–76	15 812	≈33 500	Pz.V Panther	1 848	≈57 500
1944	Т-34–85	14 648	≈32 000	Pz.V Panther	3 777	≈57 600
1945	Т-34–85	12 551	≈31 000	Pz.V Panther	507	≈57 600

Источник: составлено автором на основе [4; 6; 15]

* — Для СССР данные по годовой приемке (без учета ОТК заводов); для Германии — по отчетам управления вооруженных сил (Heereswaffenamt).

** — Полная стоимость укомплектованной боевой единицы.

Табличные данные отображают структурную разницу производственных циклов. Если советская модель демонстрирует «нисходящий тренд» (даже при переходе на более мощное 85-мм орудие цена снизилась на 7,5 % за два года), то германская «Пантера» демонстрирует статичность затрат. Стагнация цены Pz.V указывает на то, что оптимизация производства лишь компенсировала инфляционный рост стоимости дефицитных материалов, но не позволила достичь экономии на масштабе. В итоге к 1945 г. «Пантера» была почти в два раза дороже Т-34–85, что говорит о низкой ресурсной эффективности Rüstungswirtschaft. Ключ к пониманию этого разрыва лежит в архитектурной сложности танков. Сравнительный анализ конструктивных параметров (Табл. 2) позволяет оценить, как инженерные решения трансформировались в избыточные трудозатраты и перегрузку производственных связей.

Таблица 2. Количественные показатели ресурсной и номенклатурной емкости производства Т-34–85 и Pz.V Panther Ausf. G в 1944 г

Параметр сравнения	Т-34–85 (завод № 183)	Pz.V Panther (MAN / MNH / DB)
Уникальные чертежные позиции (ед.)	4 148	27 860
Трудоемкость производства (чел.-час)	3 764	12 410
Удельная энергоемкость (кВт·ч на 1 т)	1 185	2 940
Количество смежных поставщиков (ед.)	24	286
Объем тех. документации (листов)	620	3 480
Номенклатура фронтального ЗИП (поз.)	465	2 740
Замена агрегатов трансмиссии (чел.-час)	8,5	42,0

Источник: составлено автором на основе [2; 14; 15]

Эксплуатационные характеристики демонстрируют организационно-техническую избыточность ремонтных служб для обеспечения боевой готовности танковых войск Германии. Номенклатура фронтального ЗИП «Пантеры» превышала советские показатели в 5,8 раза и обязывала содержать громоздкое складское хозяйство, что при снижении пропускной способности транспортной сети Германии в 1944 г. делало машину практически неремонтопригодной в полевых условиях. Статистика выхода из строя узлов трансмиссии в первые дни эксплуатации зафиксирована в отчетах ремонтных служб и подтверждает сложность восстановления агрегатов в поле [10; 11].

Анализ сырьевой составляющей требует отхода от номинальных цен в пользу ресурсного метода, оценивающего «физическую» нагрузку на экономику через индекс дефицитности материалов. В советской модели ключевым преимуществом был высокий коэффициент использования металла (КИМ) и доступ к дешевой сырьевой базе открытых месторождений. В частности, сталь марки 8С для Т-34, несмотря на содержание дефицитного никеля, обходилась государству дешевле за счет эффекта масштаба и упрощенной технологии выплавки [4]. Напротив, производство «Пантеры» требовало больше высококачественной легированной стали (в 1,5–2 раза больше, чем на Т-34), что в условиях сырьевой блокады Германии и зависимости от импорта хрома и вольфрама перегружало и без того проблемный бюджет Министерства Шпеера.

Разрыв в стоимости ресурсов усугублялся разницей в технологических отходах при производстве танка. Сложная ходовая часть и торсионная подвеска «Пантеры» требовали прецизионной обработки деталей, при которой до 70–75 % массы легированных заготовок уходила в стружку (у Т-34 примерно 50 %). Вместе с тем советская промышленность минимизировала удельный расход материалов на один танк за счет внедрения литых башен и предельной унификации узлов [4; 6]. В итоге, при сопоставлении затрат через трудоемкость добычи и долю в общегосударственном лимите ресурсов, производство Т-34 демонстрировало более высокий КПД. Даже при равной массе машин, каждая «Пантера» обходилась рейху в 2,5–3 раза дороже по совокупному объему затраченных легирующих элементов и энергозатрат на их переработку.

Особое место в технологическом процессе производства танков занимали цветные металлы. В то время как советские конструкторы заменили сталью дефицитные медь и алюминий, немецкая промышленность продолжала закладывать в «Пантеру» огромные объемы стратегического сырья: до 200 кг меди, а также значительное количество олова и никеля на одну машину. Высокий процент использования в танковых электрооборудовании и агрегатах цветных металлов (в сравнении с предельно упрощенной «тридцатьчетверкой») превращала производство «Пантеры» в непозволительную для слабейшего Третьего Рейха роскошь, что отмечалось в том числе и советскими специалистами при анализе трофейных образцов «Пантер» [11].

Уступал немецкий танк и по удельной энергоёмкости производства. Если для Т-34 показатель составлял 1100–1300 кВт·ч на 1 тонну веса, то для Pz.V Panther он достигал 2800–3200 кВт·ч/т [15]. Разрыв обусловлен сложностью мехобработки деталей танка и длительными циклами термообработки брони (до 48 часов), требовавшими расхода электроэнергии и газа. В условиях кризиса энергетической системы Германии в 1944 г., производство «Пантер» фактически обделяло соседние отрасли. Например, выпуск одного батальона был эквивалентен производству полноценного танкового полка Pz.IV (от 100 до 140 боевых машин [15]) или полумиллиона (500 000) артиллерийских снарядов калибра 75-мм [15], что составляло месячную норму снабжения нескольких армейских корпусов.

При этом советская концепция упрощения конструкции позволяла наращивать выпуск «тридцатьчетверок» даже в условиях дефицита генерирующих мощностей на Урале, хотя кумулятивный эффект ресурсной экономии в СССР имел и еще одну сторону, связанную с пространственным фактором. Масштабная эвакуация сотен оборонных предприятий на Урал и Сибирь сформировала магистрально-линейную схему поставок (Рис. 1).

Логистические издержки на обеспечение завода № 183 узлами и комплектующими не отражались в заводской себестоимости благодаря специфике тарифообразования Наркомата путей сообщения (НКПС), фактически субсидировавшего перевозки оборонных грузов [7]. Учитывая тарифную сетку НКПС 1943 г. и амортизационные расходы на подвижной состав, реальный объем инфраструктурных издержек, не включенных в заводскую цену Т-34, составлял 18–20 % от его себестоимости.

Данная оценка является экспертной, однако она объясняется разницей между льготной ценой перевозки и её реальной стоимостью. В 1943 г. перевозки угля, металла и броневых листов для нужд НКТП осуществлялись по льготным ставкам, которые покрывали лишь операционные расходы (топливо, смазка), не учитывая амортизацию подвижного состава и капитальные вложения в инфраструктуру. Если пересчитать эти перевозки по обычным коммерческим расценкам, то к цене каждого танка Т-34 пришлось бы добавить еще примерно пятую часть его стоимости [3], и этот факт указывает на то, что относительная дешевизна советской боевой техники была результатом не только производственной эффективности, но и особенностей формирования инфраструктурных издержек вне рамок отраслевого бюджета.

В противовес СССР, промышленность Германии опиралась на промышленные районы (Рур, Бавария) с транспортным плечом не более 300 км. Однако географическое преимущество сокращалось из-за большой номенклатуры деталей и зависимости от узкоспециализированных субподрядчиков типа Maubach (двигатели), ZF Friedrichshafen (трансмиссии), Rheinmetall-Borsig (артиллерийское вооружение), Carl Zeiss (оптика) и Bosch (электрооборудование). Высокая

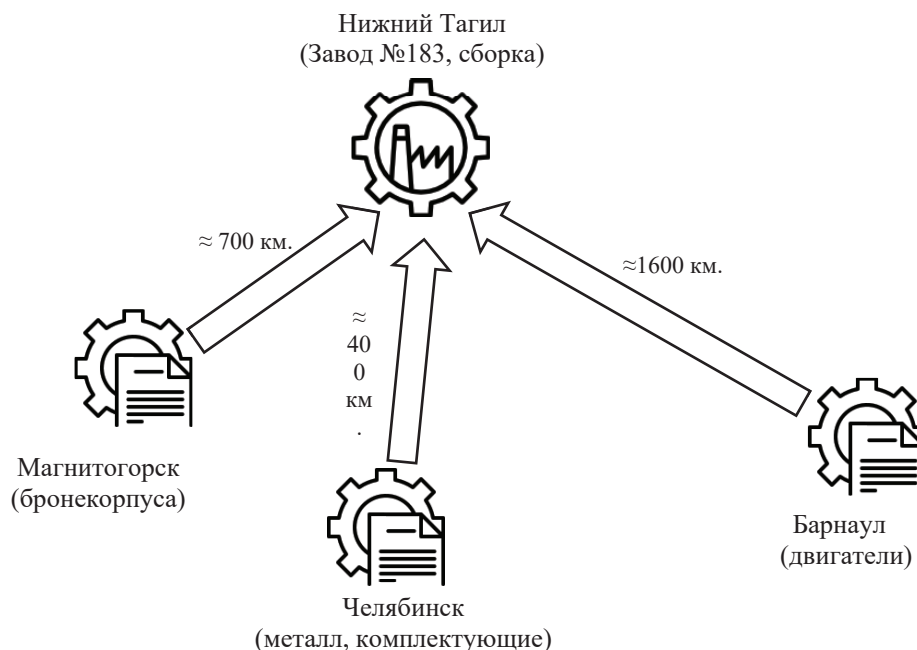

Рис. 1. Схема обеспечения крупными узлами Завода № 183

степень монополизации ключевых узлов превращала логику из территориальной задачи в сетевую, где любая задержка на одном из специализированных заводов вызывала каскадный простой всей сборочной линии.

На рисунке 2 изображена схема логистических потоков и зависимость сборки танков от работы сортировочного хаба, роль которого выполнял крупнейший в Европе железнодорожный узел Хамм (Hamm), а также региональных распределительных центров (Umschlagstellen).

Сетевой характер поставок и конструктивные сложности «Пантеры» сформировали отличную от советской модели логистическую концепцию обеспечения вермахта боевыми машинами (см. Табл. 3).

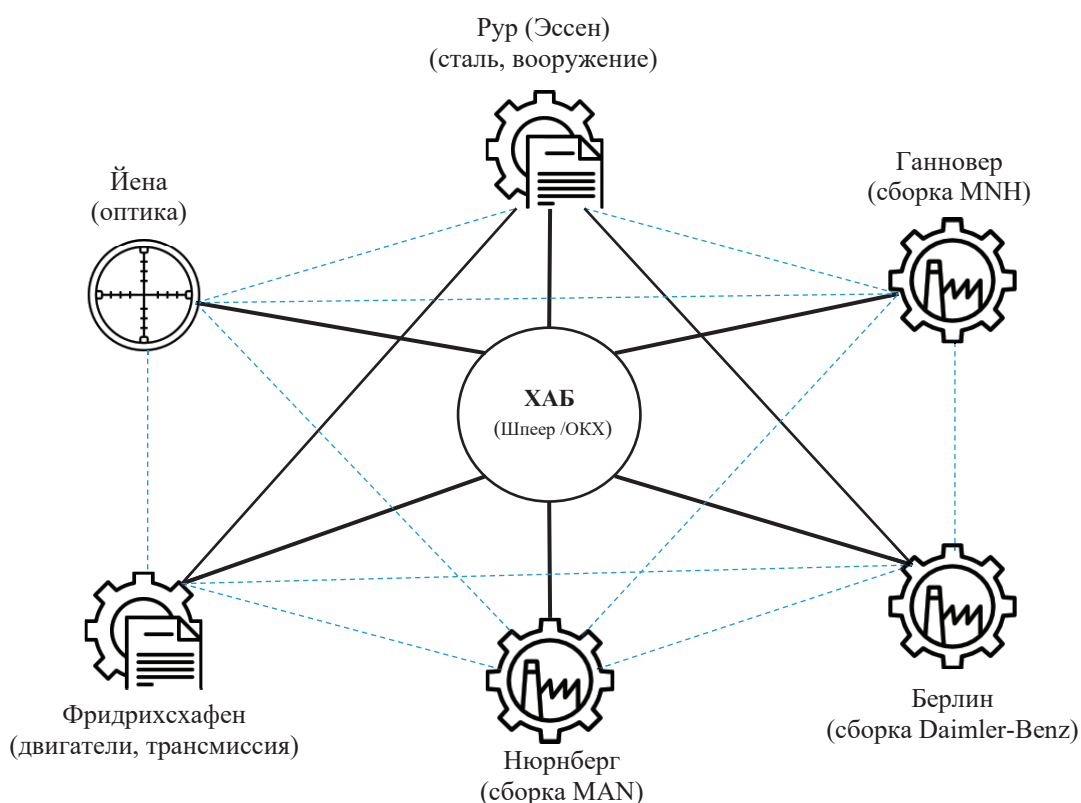

Рис. 2. Сетевая модель логистики танковой промышленности Германии (1943–1945 гг.)

Таблица 3. Сравнительный анализ транзакционных и логистических детерминант производства танков СССР и Германии в 1944 г

Показатель	СССР (Т-34–85)	Германия (Pz.V Panther)
Логистическая модель	Магистрально-линейная	Узловая (сетевая)
Сквозное транспортное плечо	3 600–3 800 км	1 200–1 500 км
Количество пересортировок груза	1–2 (прямые маршруты)	6–8 (узловая диспетчеризация)
Транспортный габарит	Стандарт 1-Т (свободный)	Негабарит (требуется подготовки)
Потребность в спецтранспорте	Отсутствует	Спецплатформы SSyms (80 т)
Доля логистики в гос. цене	Минимальная (субсидия НКПС)	Высокая (тариф Reichsbahn)

Источник: составлено автором на основе [3]

Взаимоотношения немецких промышленников с железными дорогами (Reichsbahn) превращали перевозки в фактор роста итоговой стоимости танка, а дефицит спецплатформ и тарифные наценки за негабаритность груза увеличивали издержки. Reichsbahn выставил такие счета, что ведомству Шпеера было выгоднее производить одно технологически сложное изделие, чем оплачивать логистику трех условно «дешевых» единиц боевой техники, чей суммарный тарифный вес и габариты парализовали бы бюджет и пропускную способность железных дорог Германии. Ситуация усугублялась тем, что рейхсминистр систематически находился в состоянии торга с Reichsbahn; железнодорожная монополия предъявляла жесткие требования министерству вооружения и военной промышленности по выделению лимитов стали и угля, так что в этой системе «Пантера» становилась еще и заложником межведомственных трений [13; 15]. Итогом стала потеря оперативной гибкости вермахта.

В то же время ГКО позволял НКПС работать на износ, не предъявляя Наркомату танковой промышленности встречных претензий. Способность наркомата перебрасывать танковые корпуса как «валовый груз» послужила дополнительным фактором проигрыша Германии.

Обсуждение. Сравнение конструктивных параметров танков демонстрирует принципиальное различие инженерных стратегий СССР и Германии. Советская школа, реализованная под руководством А. А. Морозова, опиралась на принципы рационального проектирования, минимизировав использование дефицитных легирующих элементов для обеспечения максимальной технологичности и массовости производства. Напротив, германское танкостроение (преимущественно в лице компаний MAN и Henschel) сохранило ставку на техническую сложность и точность обработки узлов и агрегатов. Тем не менее, рамки исследования определили необходимость честного сопоставления именно стоимостных показателей двух машин с учетом особенностей формирования их себестоимости и коррекции заводских цен на величину логистических затрат. Если номинальная стоимость Т-34–85 к 1945 г. составляла \$25,5 тыс., то с учетом скрытых издержек на логистику (те самые 18–20 %) полная цена танка для бюджета СССР возросла до \$30,5–31 тыс. Но и при этих цифрах машина сохраняла значительное (практически двукратное в эквиваленте ППС) преимущество в ресурсной стоимости, что при сопоставлении с издержками на логистику и обслуживание подчеркивает высокую нагрузку производства на бюджет Германии, а с учетом затрат на 80-тонные спецплатформы SSyms Köln, смену гусениц и обходные маршруты, в реальности общая стоимость немецкого танка составляла около \$65–70 тыс.

Заключение

Исследование выявляет существенные различия мобилизационных моделей СССР и Германии в 1943–1945 гг. через призму стоимости производства и логистики средних танков. Низкая себестоимость Т-34 была детерминирована не только директивным ценообразованием, но и созданием устойчивых логистических эффектов. Радикальная унификация узлов (менее 4,5 тыс. позиций) и субсидирование перевозок по линии НКПС позволили амортизировать до 20 % совокупных издержек.

В то же время экономика Германии, несмотря на преимущество коротких транспортных плеч, оказалась инерционной. Невозможность оперативной замены уникальных комплектующих приводила к каскадным сбоям во всей производственной цепочке выпуска танков. В итоге пока промышленность Германии инвестировала в технологическое совершенство отдельного изделия — фактически превращая каждый танк в уникальный образец, — экономика СССР сделала ставку на пропускную способность всей производственной цепочки от завода до фронта, обеспечив подавляющее превосходство массового поточного производства над дискретным и избыточным «штучным» выпуском Pz.V Panther.

Литература:

1. Барятинский М. Б. Тяжелый танк «Пантера»: технические характеристики и боевое применение. — М.: Яуза: Коллекция, 2007. — 96 с.
2. Ермолов А. Ю. Государственное управление военной промышленностью в 1940-е годы: танковая промышленность. — СПб.: Алетейя, 2012. — 408 с.
3. Катонин С. А. Мобилизационная экономика в металле: технологический ответ Т-34 на ресурсный кризис Третьего рейха // Клио. — 2026. — № 4 (232). — С. 198–208.
4. Мельников Н. Н. Танковая промышленность СССР в годы Великой Отечественной войны. — М.: Яуза; Эксмо, 2019. — 736 с.
5. Падерин М. А. Особенности мобилизационной модели развития танковой промышленности СССР (1941–1945 гг.) // Вестник Челябинского государственного университета. — 2009. — № 41. — С. 56–61.
6. РГАЭ. Ф. 8752. Оп. 4. Д. 450.
7. РГАЭ. Ф. 8752. Оп. 4. Д. 452.
8. Симонов Н. С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы. — М.: РОССПЭН, 1996. — 336 с.
9. Туз А. Цена разрушения. Создание и гибель нацистской экономики / пер. с англ. Н. Эдельмана. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2018. — 864 с.
10. ЦАМО РФ. Ф. 38. Оп. 11355. Д. 2243.
11. ЦАМО РФ. Ф. 38. Оп. 11355. Д. 2245.
12. ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 518.
13. Шпеер А. Воспоминания / пер. с нем. С. Фридлянд, И. Розанова. — М.: Прогресс; Смоленск: Русич, 1997. — 696 с.
14. Harrison M. Accounting for War: Soviet Production, Employment, and the Defence Burden, 1940–1945. — Cambridge: Cambridge University Press, 1996. — 338 p.
15. Spielberg W. J. Panther & Its Variants. — Atglen, PA: Schiffer Publishing, 1993. — 272 p.
16. Zaloga S. Panther vs T-34: Ukraine 1943. — Oxford: Osprey Publishing, 2007. — 80 p.

Становление женского образования в гимназиях во второй половине XIX — начале XX века в России

Пасека Карина Сергеевна, студент

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Потребность в системе женской профессиональной подготовки в России стала особенно ощутимой к концу XIX столетия. Это было связано прежде всего с расширением участия женщин в производственной сфере: включение значительного числа работниц в экономическую жизнь страны поставило вопрос об их предварительном обучении и сделало создание специальных женских профессиональных учебных заведений насущной практической задачей.

Однако движение в этом направлении складывалось не сразу. После того как 24 мая 1870 г. Министерством народного просвещения было утверждено «Положение о женских гимназиях и прогимназиях», в комиссиях, занимавшихся разбором ежегодных министерских отчетов, прозвучала иная оценка положения дел. Высказывалось мнение, что сеть средних женских учебных заведений уже разрослась сверх реальной потребности. Более того, утверждалось, что такие школы как бы искусственно втягивают в среднее образование девушек из тех социальных групп, для которых оно считалось ненужным. [4]

Вместо этого предлагался другой образовательный вектор. Для представительниц подобных сословий, как подчеркивали в комиссиях, более уместными признавались низшие училища, способные дать такое «образование», которое соответствовало бы их повседневным жизненным запросам и не вело бы «к их отчуждению от их общественной среды».

Попытки выстроить в России более упорядоченную систему профессионального обучения во второй половине 1880-х гг. затронули и женское образование, хотя практические результаты здесь долго оставались весьма скромными. Даже к началу XX в., в 1901 г., по всей стране существовало лишь около 129 небольших женских профессиональных школ, где обучались 9920 человек. [1]

Такое положение особенно заметно на фоне проектов, вырабатывавшихся государственными структурами в предшествующие годы. В декабре 1884 г. была создана особая «Комиссия об изыскании главнейших оснований для лучшей постановки женского образования» под председательством министра народного просвещения кн.

М. С. Волконского. Перед ней ставилась задача выработать «основания» в нескольких направлениях: предусмотреть создание низших женских училищ, которые должны были отвлекать на себя представительниц «низших сословий»; сократить число женских средних учебных заведений, избавив их от «нежелательных» элементов; наконец, найти способы, чтобы «затруднить, сколь возможно», доступ женщин к высшему образованию.

Новый закон закрепил трехзвенную типологию профессионально-технических учебных заведений: предусматривались средние технические, низшие технические и ремесленные училища. Одновременно он создал условия и для дальнейшего продвижения женского профессионального образования, хотя между нормативными установками и их воплощением на практике сохранялся значительный разрыв. [2]

Это хорошо видно по решениям специальной межведомственной комиссии 1888 г. Ее участники пришли к выводу о необходимости в ближайшее время открыть на средства государственного казначейства 7 среднетехнических и 18 ремесленных училищ. Наряду с этим комиссия предложила модели двух типов женских профессиональных школ. Один вариант предполагал семилетнее обучение: первые пять лет отводились общеобразовательной подготовке, а два заключительных года — ремесленной специализации. Другой тип строился иначе: курс ограничивался четырьмя годами, причем и общеобразовательные, и специальные дисциплины должны были преподаваться на всем протяжении обучения. Однако, несмотря на разработанность этих проектов, создание женских школ продвигалось крайне медленно.

Когда в начале XX в. появились высшие учебные заведения, доступные для женщин, сразу обнаружилось неравенство самих аттестатов о среднем образовании. Документ, предъявляемый абитуриенткой, фактически служил показателем уровня ее подготовки: именно по нему во многих общественных и частных высших школах решался вопрос о приеме, поскольку вступительные и конкурсные испытания практиковались далеко не везде. Тем самым стала особенно заметна внутренняя иерархия женской средней школы, сложившаяся еще в предшествующие десятилетия. [5]

Эта система оформилась в 1860–1870-х гг., в обстановке, когда высшее образование для женщин почти отсутствовало. По этой причине средняя школа для них изначально не была рассчитана на дальнейшее университетское продолжение обучения. Ее устройство имело скорее замкнутый, заверченный характер, а практическая направленность сводилась главным образом к подготовке будущих «начальных учительниц», как для школы, так и для домашнего преподавания. Для тех, кто хотел усилить именно педагогическую подготовку, при министерских и мариинских гимназиях, а также при епархиальных училищах существовали дополнительные педагогические классы — одно- и двухгодичные; туда зачисляли наиболее успешных воспитанниц.

Наиболее распространенной формой женского учебного заведения выступали государственные средние школы. В административном отношении они относились преимущественно либо к Министерству народного просвещения, которому подчинялись гимназии и прогимназии, либо к Ведомству учреждений императрицы Марии, в системе которого находились институты, а также мариинские гимназии и прогимназии. В круг средних женских учебных заведений входили и епархиальные училища. [1]

Если сопоставлять подготовку воспитанниц этих учреждений, то различия между ними не были резкими: уровень общеобразовательных знаний у учениц министерских и мариинских гимназий, институтов и епархиальных училищ считался в целом близким, хотя за министерскими гимназиями обычно признавали несколько более высокий стандарт. Однако даже те женские школы, которые назывались гимназиями, не были равны мужским классическим гимназиям по содержанию обучения. Их курс не носил классического характера, поскольку в нем отсутствовали латинский и древнегреческий языки. Уже одно это обстоятельство понижало их академический статус по сравнению с мужскими учебными заведениями того же уровня.

Практические последствия такой неполноты программы были вполне ощутимыми. Без свидетельства об изучении латинского языка ни ученица гимназии, ни воспитанница института, ни тем более выпускница епархиального училища не могла поступить в государственный Петербургский женский медицинский институт. Не исправляло ситуацию и то, что в министерских гимназиях латинский и греческий языки включались в разряд необязательных дисциплин и преподавались лишь тем, кого родители желали обучать дополнительно и за особую плату. Аналогичным образом обстояло дело и с поступлением в государственный Женский педагогический институт в Петербурге: выпускница министерской гимназии не могла стать его студенткой без положительной отметки по французскому или немецкому языку, а эти предметы тоже относились к числу необязательных. [2]

Ограничения касались не только языковой подготовки. В целом курс общеобразовательных дисциплин в женской средней школе был уже, чем в мужских классических гимназиях, особенно в области математики и физики. И сама продолжительность обучения подчеркивала это отличие: в гимназиях и институтах полный курс длился семь лет, то есть был на год короче мужского гимназического, тогда как в епархиальных училищах он составлял шесть лет. Поэтому среднее женское образование долгое время не предполагало полноценной подготовки к обучению в высшей школе, а различия между типами женских учебных заведений со временем превратились в различия в ценности выдаваемых ими свидетельств.

Возможность для женщин занять место в педагогической сфере возникла не столько как результат последовательной образовательной политики, сколько как ответ на практическую необходимость. Когда девочкам разре-

шили учиться в начальной школе и сеть женских учебных заведений начала понемногу расширяться, обнаружилась потребность в специально подготовленных преподавательницах. Именно поэтому правительство оказалось вынуждено допустить женщин к педагогической деятельности.

Подготовка таких кадров была организована прежде всего при женских гимназиях. Сначала, в 1864 г., педагогические классы появились в столичных и провинциальных гимназиях Ведомства учреждений императрицы Марии, а затем, в 1870 г., аналогичная практика была введена и в женских гимназиях Министерства народного просвещения. Структура этих учебных заведений включала подготовительный класс, семь основных и еще один педагогический

Нормативное оформление этой системы закрепило «Положение о женских гимназиях и прогимназиях народного просвещения» 1870 г. Согласно ему, выпускницы семи классов получали аттестат, дававший звание учительницы начальной школы. Те, кто завершал восьми-классный курс, приобретали право на звание домашней учительницы, а награжденные медалями могли работать домашними наставницами. Позднее, в 1874 г., было издано специальное «Положение о педагогических классах».

Однако путь к профессии учительницы не ограничивался только гимназическим образованием. Подобную квалификацию можно было получить и через специальные педагогические курсы и классы. Одногодичные и двухгодичные формы обучения существовали, в частности, при некоторых мариинских училищах и гимназиях, а также при женских институтах в губернских центрах Российской империи. Обучение на таких женских курсах было платным. [2]

К 1911 г. в педагогических курсах и классах, действовавших при женских гимназиях и училищах, обучалось уже 16 тысяч человек. Этот масштаб показывает, что подготовка женщин к преподавательской деятельности стала заметной частью образовательной системы, хотя сама она складывалась неоднородно и обслуживала разные задачи начальной школы.

Такое положение во многом объяснялось устройством самого начального образования в России. Его двойственная организация вызвала и своеобразное раздвоение в подготовке учительских кадров. Наряду с учре-

ждениями светского типа существовала сеть учебных заведений Синодального ведомства, ориентированная на подготовку преподавателей для церковноприходских школ и школ грамоты. Для Русской Церкви задача этих учителей не исчерпывалась передачей знаний: на первый план выдвигались нравственное воздействие и миссионерское служение.

В светском секторе важнейшую роль играли педагогические классы при женских гимназиях и институтах. По существу, они давали форму среднего специального педагогического образования. Качество этой подготовки заметно укрепилось после того, как в ее основу была положена созданная К. Д. Ушинским в 1870 г. «Программа педагогики для специальных классов женских учебных заведений».

Первоначально задачи подобных курсов оставались довольно сдержанными. Они либо доводили уровень подготовки слушательниц до объема мужской гимназии, либо готовили их к преподаванию в начальной школе, прогимназиях и женских училищах. То есть речь шла не о широком академическом образовании, а о практической и сравнительно ограниченной профессиональной подготовке.

Показателен в этом отношении московский опыт. В 1870 г. по личной инициативе П. И. Чепелевской в Москве были открыты женские педагогические курсы, получившие материальную поддержку от земства. Это было открытое учебное заведение, рассчитанное на бедных девушек, стремившихся стать учительницами начальной школы. Обучение продолжалось два года. Н. А. Корф, специально изучавший деятельность этих курсов, оценивал их учебную часть как «организована вполне рационально». Программа включала русскую и славянскую грамматику, сокращенный курс русской литературы, арифметику с элементарной геометрией, историю России и отчасти всеобщую историю, русскую и всеобщую географию, физику и естественную историю, церковное пение, скорописание, школоведение, гигиену и методику. [3]

Таким образом, женская педагогическая подготовка развивалась сразу в нескольких формах — через специальные классы, через курсовую систему и в рамках церковного ведомства, — а ее содержание определялось не только потребностями школы, но и более широкими представлениями о социальной и нравственной роли учителя.

Литература:

1. Андреева Е. А. Епархиальные женские училища в России // Педагогика. — 1995. — № 3. — С.85 -91.
2. Ганелин Ш. И. Очерки по истории средней школы в России 2-й пол. XIX в. — М., Просвещение, 1954. — 278с.
3. Змеев В. А. Эволюция высшей школы Российской империи / В. А. Змеев. — М.: МАТИ-Рос. гос. технол. ун-т им. К. Э. Циолковского, — 241 с.
4. Кузьмин Н. Н. Низшее и среднее специальное образование в дореволюционной России. — М.: Лики России, 2000. — 359 с.
5. Лапчинская В. П. Возникновение женских гимназий в России (Петербург, 1858— 1866 гг.): Дис.канд.пед.наук. — М., 1950. — 231с.
6. Хетагуров К. Л. О женском образовании: Собр. соч. — М.: Просвещение, 1964. — Т.3. — 397с.

Оккупационный режим на советской территории в годы Великой Отечественной войны

Плосконосова Вероника Сергеевна, студент

Научный руководитель: Тутринова Зоя Васильевна, преподаватель

Колледж права имени Н. С. Киселевой Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина

В статье автор исследует оккупационный режим как явление, его последствия и связь с настоящим.

Ключевые слова: геноцид, оккупация, Великая отечественная война, Третий Рейх, Союз Советских Социалистических Республик.

У становление оккупационного режима не было случайным военным событием. Оно представляло собой заранее спланированную модель проведения нацистской политики, основанной на расовой теории с уничтожением «недостойных для существования» и доктрине «жизненного пространства». Все это заранее было разработано и зафиксировано в юридических документах. Вторжение на советскую территорию изначально носило характер «на уничтожение», выкачку максимально возможных ресурсов с целью удовлетворения сфабрикованных потребностей для немецкого населения о нехватке территории для проживания. Цели оккупационной политики, зафиксированные в Генеральном плане «Ост», предусматривали не только военный разгром Союза Советских Социалистических Республик (СССР), но и ликвидацию его государственности, уничтожение или выселение десятков миллионов человек, а также колонизацию захваченных земель. Линия оккупации, доходившая до рубежей линии Архангельск-Астрахань (проходила по реке Волге — важной экономической и транспортной артерии РСФСР), должна была стать границей «немецкого жизненного пространства» [1].

Жизнь неповинного населения превратилась в ежедневную борьбу за выживание на захваченных землях в условиях всеобъемлющего насилия. Была создана комплексная система репрессий, включавшая в себя массовые расстрелы, сеть концентрационных лагерей и лагерей смерти, угон населения в рабство и преднамеренное уничтожение целых деревень вместе с жителями [5]. Особый цинизм политики геноцида проявился в уничтожении детей как в лагерях, так и в ходе карательных акций [2]. Это было сделано для тотального уничтожения наций. «Дети — будущее страны». Избавляясь от детей, фашисты уничтожали сохранение исторической памяти наций и возможного будущего их продолжения существования. Таким образом достигалась цель оккупационной политики — уничтожение населения и государственности.

Несмотря на жесточайший террор, на оккупированных территориях развернулось мощное движение сопротивления. Партизанские отряды и подпольные органи-

зации стали силой, наносившей ощутимые потери захватчикам. Деятельность подполья в городах, блестящим примером которой является борьба Коммунистической подпольной организации в тылу немцев (КПОВТН) в Севастополе под руководством В. Д. Ревякина. Она демонстрирует высочайшую степень самоорганизации и самопожертвования советских людей. Подпольщики вели разведку, распространяли правдивую информацию, выпуская местную газету, организовывали диверсии и спасали военнопленных, приближая час освобождения ценой собственных жизней [3].

Последствия оккупационного режима для страны и ее граждан оказались катастрофическими. Миллионы погибших мирных жителей и военнопленных, разрушенные города и села, уничтоженные памятники культуры — все это нанесло ущерб, который невозможно восполнить в полной мере по сей день. Именно осознание масштабов трагедии и героизма советских людей, вставших на защиту Родины, стало основой для сохранения исторической памяти. В нынешнее время проводится акция «Бессмертный полк». Люди городов выходят на улицы и на табличках несут своих родственников-участников Великой Отечественной войны (ВОВ). Нет ни одной семьи в России, которую не коснулась бы ВОВ. Но именно наличие акции «Бессмертного полка» ежегодно напоминает о масштабах трагедии, мужестве предков, не даёт забыть о тех преступлениях «против человечности», сохраняет историческую память поколений.

Историческая правда о преступлениях нацизма была зафиксирована, получила правовую оценку и всемирную огласку на Нюрнбергском процессе, расценившем действия нацистского руководства как преступления «против человечности» [4]. Изучение оккупационного режима наиболее важно в нынешней ситуации из-за постоянных попыток переписывания истории Второй Мировой Войны и умаливании вклада СССР в достижение победы. Исключительно опора на документальные факты, сохранение памяти о миллионах жертв может противостоять попыткам искажения истории и возрождения преступных идеологий.

Литература:

1. Николашин Вадим Павлович «Генеральный план «Ост» и политика геноцида нацистской германии, проводившаяся на территории СССР: некоторые аспекты современной отечественной историографии // Наука и об-

- разование. 2025. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/generalnyy-plan-ost-i-politika-genotsida-natsistskoy-germanii-provodivshayasya-na-territorii-sssr-nekotorye-aspekty-sovremennoy>
2. Богов Владимир Алексеевич «Узаконенное» рабство: что несла выжившим карательная операция «Зимнее волшебство» // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2023. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uzakonennoe-rabstvo-chto-nesla-vyzhivshim-karatelnaya-operatsiya-zimnee-volshebstvo>
  3. Статья В. Гавриловой «Подпольщики» о деятельности Севастопольской коммунистической подпольной организации в тылу немцев. 25 марта 1945 г. // АГС. Ф. КМФ-4. Оп. 2. Ед. уч. 323. Ед. хр. 306. Микрофотокопия газеты «Слава Севастополя». № 51. 25 марта 1945 г. Из Российской государственной библиотеки <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/369382#mode/inspect/page/1/zoom/4>
  4. Приговор Международного военного трибунала. Нюрнберг, 1 октября 1946 г. // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 7445. Оп. 1. Д. 1648. ЛЛ. 1–361. <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/163756-prigovor-mezhdunarodnogo-voennogo-tribunala-nyurnberg-1-oktyabrya-1946-g>
  5. Черных С. Н., Мукашев И. А. Лагерь смерти Освенцим: трагедия, которую нельзя забыть // Инновационная наука. 2023. № 9–1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lager-smerti-osventsim-tragediya-kotoruyu-nelzya-zabyt>

Рецепция античности и теория мимезиса в гуманитарном знании

Сементеева Татьяна Михайловна, студент

Научный руководитель: Болгова Анна Михайловна, кандидат педагогических наук, доцент
Белгородский государственный национальный исследовательский университет

*[[[В статье рассматривается понятие «рецепция» (от лат. *receptio* — «принятие») как механизм освоения и включения элементов культуры прошлого в современную социокультурную среду. Ключевым механизмом рецепции выступает мимезис (др.-греч. «подобие, воспроизведение») — основной принцип эстетики.*

Ключевые слова: античность, рецепция, мимезис, эстетика.]]]

Понятие «рецепция» происходит от латинского слова *receptio* — принятие. Рецепция — «прием, освоение и включение в качестве неотъемлемой части в существующую социокультурную среду культуры прошлого или отдельных ее элементов» [1].

Данное понятие включает в себя две составляющие: наследие и традиция. Термин «наследие» имеет множество различных трактовок от сугубо материального определения, которое уместно соотносить с термином «наследование» до социокультурного. Подходящая для нас трактовка определения «наследия», на мой взгляд, следующая: «совокупность всех достижений (материальных и духовных) данного общества, его исторический опыт, сохраняющийся в арсенале общественной памяти (в том числе подвергнувшийся переоценке)» [2].

Неразрывно с понятием «наследие» фигурирует термин «традиция», который также имеет несколько определений. Социокультурное наследие особым образом отражается в социальной памяти общества. Только те достижения прошлого будут сохранены как социокультурное наследие, которые подверглись трансформации и удовлетворяют потребности современного поколения. Понятие «традиции» трактуется как «сложившиеся устойчивые и обобщенные нормы и принципы отношений людей в социуме», «социальные связи в обществе, которые реализуются через воспроизведение ими групповых стереотипов деятельности для того, чтобы осваивать новые условия

и задачи». На наш взгляд, наиболее уместным определением традиции является культурологическая трактовка: традиция — форма фиксации социальной информации, как носитель информационного смысла. Традиция характеризуется накоплением, хранением, передачей наследственной социальной информации, которая ориентируется на воспроизводство прошлых образцов» [3].

Данный термин впервые был введен Хансом Робертом Яуссом в 1967 г. Он использовал определение «рецепции» в своей инаугурационной лекции при вступлении на кафедру университета Констанца. Яусс использовал понятие «рецептивная эстетика», который может использоваться в теории наук о коммуникации, в социологии литературы и искусства, философской герменевтике и т.д. [4].

Термин «рецептивная эстетика» как художественное восприятие возникает в 1970-е гг. благодаря деятельности теоретиков Констанцкой школы (Германия). Данное «направление эстетики, сосредоточившееся не на процессе творческого созидания произведения, а на процессе его творческого восприятия и социального функционирования» [5].

Также понятие «рецепция» применяется в различных областях научного знания. В социологии — это отбор, интерпретация, оценка и переработка определенных идей в соответствии с традициями, особенностями и актуальными тенденциями социальной мысли. В философии рецепция — это «диалог между принадлежащими разным

культурам философами и учениями, в основе ее лежит «метод обнаружения смысла». В филологии термин «рецепция» также определяется как диалог, но «возникающий между «отправителем» и «получателем» художественной информации как «активный акт переработки, трансформации воспринимаемой информации, а не пассивное ее усвоение, механическое заимствование и повторение» [6].

Историческая наука под рецепцией подразумевает несколько различных определений. Например, «восприятие правовой системы и принципов другого государства как основы национального права, в первую очередь восприятие античной юридической традиции посредством римского права». Помимо правовой системы исследователям уделяют внимание роли конкретных личностей в рецепции исторических событий. Отдельной проблемой выступает восприятие античного наследия европейским обществом в качестве основы цивилизации и закрепленной в форме исторической памяти [6].

Под античностью следует понимать общее название двух древних цивилизаций Европы — древнегреческой и древнеримской, которая сформировалась позже под влиянием первой. Античность имеет некоторые отличительные черты: в экономике — преобладание общинно-частного сектора над государственным, большое значение ремесла и торговли, рабство классического типа, интенсивный характер производства; в социальной сфере — четкая грань между свободным населением и рабами, внутренняя мобильность общества, урбанизация, наличие большого слоя свободных крестьян; в политической — феномен полиса, преобладание республиканской формы правления, значительная роль граждан и демократия; в культуре — новые сферы культурной деятельности, не связанные с религией, огромная роль личности и интерес к ней, рационализм, гуманизм [7].

Античная культура строится вокруг самостоятельного города-государства, т. е. полиса. Она имеет три основные черты: «понятие высокой гражданской нормы, с точки зрения которой оценивается всякое проявление человеческой деятельности и творчества; понятие классики, т. е. динамического живого равновесия, в котором в античном мире всегда находятся высокая норма и повседневная практика, интересы общественного целого и интересы отдельного гражданина, идеал и жизнь; понятие эстетической формы, в которую должно облечься любое жизненное и творческое содержание не просто личным самовыражением, а и общественно значимым, внятым согражданам и потому для римлянина или грека единственным подлинно реальным» [8].

Е. А. Чиглинец понимает рецепцию античного наследия как восприятие и включение в интеллектуальные и культурные практики в качестве неотъемлемой части социально-политических, исторических и культурных явлений античности [4].

Также рецепция античности определяется как эпизодическое, в большей или меньшей степени социально

обусловленное, сознательное заимствование идей, материалов, мотивов из греко-римского культурного наследия, берущих за образец, с целью постановки на службу собственным эстетическим, этическим, политическим и другим интересам [9].

Рецепция делится на виды, которые, в свою очередь, делятся на прагматические и эстетические в рамках гуманитарного знания. Примером прагматической рецепции являются нормы римского права, которые присутствуют во многих правовых системах современности, античная философия, которая легла в основу последующих философских концепций и т. д. Таким образом, прагматическая рецепция служит решению социальных проблем [10].

Эстетическая рецепция встречается в художественной культуре и относится к литературоведческим и искусствоведческим направлениям. Примером данного вида служит, например, перевод античного произведения на определенный язык (здесь эстетическая рецепция является пассивной) или создание нового произведения на античную тему (активная рецепция) [10].

Рецепция античности происходит через мимезис от древнегреческого *μίμησις* — подобие, воспроизведение. Сам термин является довольно многозначным и выступает основным принципом эстетики. Н. И. Новосадский поясняет, что «мимезис — не только подражание, но и творческое воспроизведение действительности» [11].

В свою очередь Т. Г. Хазагеров и Л. С. Ширина под мимезисом понимают «намеренное воспроизведение характерных элементов чужой речи, имеющее целью напомнить о том, кому она принадлежит, передразнить его; передразнивание» [12].

Понятие «мимезис» окончательно сформировалось в классическом периоде Греции, а возникло еще в более ранний период. В греческих интерпретациях данный термин имел три значения: «1) возвышенное понимание предмета подражания, который раньше восходил не только к культу Диониса, но и вообще к мифологическому представлению о самодовлеющем космосе; 2) представление о подражании как о реальном отождествлении подражающего с подражаемым; 3) танцевально-театральный характер всякого подлинного подражания» [13].

Мимезис стал философским понятием в V в. до н. э. Его начали развивать досократовские натурфилософы, софисты и Сократ. Они понимали мимезис «творчески, фактически созидательно, драматически». Далее Демокрит высказывается о данном понятии, как о рациональном, практическом и обывательском, уходя от концепции искусства. Платон и Аристотель продолжают развивать учение о мимезисе. Платон пишет о том, что мимезис является копированием внешней стороны вещей, удаленной от истины. В свою очередь Аристотель утверждает, что мимезис — это не сухое копирование, а творческое воспроизведение, подражание духу и сути действительности, которое ведет к познанию [13].

В Средневековье концепция мимезиса уходит на второй план и почти не развивается. О подражании

пишут христианские мыслители. «Бонавентура скажет о живописи и скульптуре, что они только указывают во внешнем то, что выдумали внутри». Фома Аквинский выдвинул тезис — «искусство подражает природе» [14].

В эпоху возрождения термин мимезис трансформируется в свой латинский вариант «imitation». Теория подражания активно обсуждалась и трансформировалась. В начале XV в. теорию подражания развивал Л. Гиберти («его намерением было подражание природе, в той мере, насколько это было для него возможно»). Л. Б. Альберти постулировал, что «более уверенного пути к прекрасному, чем подражание природе, нет».

Теория «imitation» быстро распространилась за пределы Италии на территорию Германии, где привлекла Дюрера, Франции — Пуссен и т. д. В начале XVII в. она активно фигурировала в эстетике. Трудности данной концепции, которые возникали с течением времени, пробовали преодолевать. Гуарини утверждал, «что не каждое подражание служит искусству, но только «хорошее», Варки — «что не каждое подражание служит искусству, но только «художественное» и т. д. П. де Ман отходил от «концепции дословного повторения действительности и говорил о том, что подражание должно быть «оригинальным».

Французские философы в XVII в. пришли к важному заключению о том, что «искусство должно подражать природе не в ее первозданном виде, но преобразованном человеком, после устранения ее ошибок, после проделанной селекции». Дюрер писал о необходимости расшифровывать природу и вырывать из нее то, что в ней есть. Тезауро приравнивал к «imitation» метафору, он писал: «Метафора не является ничем иным, как только поэтическим подражанием».

Корреа в XVII в. и Р. де Пиль в начале XVIII в. выделяли два варианта подражания — простого и идеального — «отличие правильного подражания от такого, которое требует совершения выбора и таким образом соединяет рассеянные в природе совершенства».

В эпоху Возрождения появляются также новые теории подражания. Ронсар утверждал, что «поэтам следует как подражать, так и выдумывать». «Данти говорил, что поэт в действительности не создает новых вещей, но новое целое». Каприано высказал мнение о том, что «поэзия — это изобретательность из ничего» [14].

Наивысшее развитие теория подражания достигла в XVIII в. Ш. Батте опубликовал в 1747 г. книгу «Изящные искусства, сведенные к единому принципу», в которой провозгласил, что общим принципом всех искусств является подражание [14].

В XIX в. происходит становление и расцвет реалистического направления в искусстве. Формирующаяся эстетика реализма обращалась не только к понятию «подражание», но и к «отражению действительности», ее «познанию» и «художественному воспроизведению». Все это делало мимезис вариативным.

Искусство обращалось к различным формам мимезиса. «Исследовало разные дистанции приближения к действи-

тельности, меру доскональности и подробности в ее отражении, различные позиции автора, проблемы отбора жизненного материала (натуры), его переосмысления, оценки, преломления «через темперамент» художника (Золя), возможности достижения документальности, иллюзии реальности» [15].

Гибкость мимезиса обеспечивает реализму некоторую устойчивость уже в XX в., когда возникают абсолютно новые направления — модерн, постмодерн и т. д. Реализм посредством маскировки мимезиса обогатит классические формы за счет включения мифологизма, притчивости, ассоциативности, использования импрессионистических приемом и т.д [15].

В XX в. культура наполняется новыми формами, тенденциями и течениями, становится неоднородной. Благодаря этому теория мимезиса разрабатывается и трансформируется. Возникают так называемые «немиметические формы» искусства.

«Немиметические формы» — это формы, в которых творчество преодолевает границы готовых коллективных представлений — языков культуры, ищет новые пути, новые формы бытия человека. Поэтому «немиметические формы» можно попытаться определить как комплекс способов построения произведения, которые радикально противостоят горизонту ожиданий реципиента, не позволяют понять художественный образ с позиций готовых, сформулированных культурной традицией моделей восприятия, не дают возможности «узнавания» «готовых» форм».

В XX в. происходит трансформация миместического акта — мимезис становится проблематичным миметического акта — сам мимезис становится глубоко проблематичным: «распад общезначимого «мифа» и обособление, отчуждение личности от коллектива, определенная настороженность художника по отношению к системам коллективного сознания, недоверие к ним — лишают художника языка, на котором он может говорить с реципиентом, и предмета, связанного с этим языком». Таким образом, мимезис начинает включать в себя рациональные моменты, которые разрушают впечатление непосредственности. Отсюда возникает одна из центральных проблем эстетики XX в. — «мимезис и рациональность» (Т. Адорно). Такие принципы как «отчуждение» у Шкловского и «отстранение» у Брехта становятся неотъемлемыми элементами мимезиса. Благодаря этому творец получает «свободу оперирования готовыми формами восприятия, рефлексирова над ними, как над чем-то таким, что ему противостоит как материал, из которого он строит свое произведение» [16].

«В эпоху постмодернизма возник новый тип «пост-мимесиса», который предполагает наличие единой структуры процитированных элементов, разрывающей линейность дискурса, и приводит к множественной интерпретации. Эта структура представляет собой чередование порядка и беспорядка, морфологию аморфного, систему взаимоотражений, бесконечную сеть итераций [17].

Так, мимезис выступает ключевым механизмом, благодаря которому происходит рецепция античности. Теория о мимезисе возникла в античности, была воспринята в эпоху Возрождения как подражание принципам, далее классицизм делает мимезис правилом, постулирует строгое следование канонам, эпоха модерна и постмодерна провозглашает разрыв с традиционными формами подражания и выдвигает новые теории, течения и принципы, связанные с использованием античного искусства.

Таким образом, рецепция происходит от латинского слова *rescriptio* — принятие. Рецепция — это «прием, освоение и включение в качестве неотъемлемой части в существующую социокультурную среду культуры прошлого или отдельных ее элементов». Данное понятие используется в разных областях гуманитарного знания. Для

истории большой интерес представляет рецепция правовой системы, а также рецепция классики, на которой строится вся европейская цивилизация. Рецепция античности — это эпизодическое, в большей или меньшей степени социально обусловленное, сознательное заимствование идей, материалов, мотивов из греко-римского культурного наследия, берущих за образец, с целью постановки на службу собственным эстетическим, этическим, политическим и другим интересам. В области гуманитарного знания она делится на прагматическую и эстетическую. Рецепция происходит через мимезис от древнегреческого *μίμησις* — подобие, воспроизведение. Термин является многозначным и выступает основным принципом эстетики. Н. И. Новосадский поясняет, что «мимезис — не только подражание, но и творческое воспроизведение действительности».

Литература:

1. Чиглинцев Е. А. Рецепция античности в конце XIX — начале XXI вв.: теоретико-методологические основы и культурно-исторические практики: специальность 24.00.01 «Теория и история культуры»: диссерт. д-ра и. н. — К.: Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова-Ленина, 2009. — С. 22.
2. Бормотов И. В. Проблема определения понятий «наследие» и «религиозно-философское наследие» // Вестник Тульского филиала Финуниверситета. — 2024. — № 1. — С. 181.
3. Мутушев, А. А. М. Модификация подходов к понятию «традиция» в социально-историческом процессе: социально философский анализ // Социально-гуманитарные знания. — 2019. — № 12. — С. 205–206.
4. Чиглинцев Е. А. Рецепция античности в культуре конца XIX — начала XX вв. — К.: Изд-во Казанского университета, 2009. — С. 7.
5. Глушкова А. И. Рецептивная эстетика в художественной культуре постмодерна // Актуальные проблемы социокультурных исследований: межрегиональный сборник научных статей. — Кемерово, 2010. — С. 79.
6. Козлов М. И., Филимонов В. А. Ценное исследование о рецепции античности в массовой культуре // Ученые записки Казанского университета. Серия: гуманитарные науки. — 2010. — № 3–2 — С. 247.
7. Суриков И. Е., Ленская В. С., Соломатина Е. И., Таруашвили Л. И. История и культура Древней Греции: Энциклопедический словарь — М.: Языки славянских культур, 2009. — С. 56–57.
8. Кнабе Г. С. Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима — М.: «Индрик», 1994. — С. 176.
9. Болгова А. М. Античные основы в истории европейской культуры: учебное пособие. — Б.: Изд-во БелГУ, 2022. — С. 9.
10. Самойлова М. П. Рецепция античности: научные подходы прошлого и современности // Тенденции развития науки и образования. — 2021. — № 77–3. — С. 100–101/
11. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Аристотель и поздняя классика. — М.: АСТ, 2000. — С. 454.
12. Пивоварова Э. Ю. Уровневый синкретизм как интегративный мимезис в художественной речи (на материале англоязычной драматургии XX века) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. — 2013. — Т. 1, № 2. — С. 170.
13. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития. Книга II — М.: АСТ, 2000. — С. 75–79.
14. Татаркевич В. История шести понятий — М.: Дом интеллектуальной книги, 2002. — С. 288–292.
15. Барнашова Е. В. Вариации мимесиса в литературе и искусстве XIX в. // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. — 2013. — № 1 (9). — С. 27–30.
16. Рымарь Н. Т. Проблема аутентичности художественного высказывания в ситуации кризиса языка в XX в. — С.: Самарский государственный университет, 2013. — С. 40–42.
17. Строева О. В. Новый тип мимесиса в эпоху экранной культуры? // Наука телевидения. — 2016. — № 12.2. — С. 76.

ПОЛИТОЛОГИЯ

Дипломатическое участие России в урегулировании сирийского кризиса

Ганиев Алмуш Фанисович, студент магистратуры
Казанский (Приволжский) федеральный университет

В данной статье рассматривается роль Российской Федерации в политическом урегулировании сирийского кризиса в ходе «женевского» и «астанинского» дипломатических процессов. Россия занимает в сирийском конфликте твердую позицию защиты территориальной целостности Сирийской Арабской Республики. Москва инициировала создание гарантов Сирии — «тройственной инициативы» в лице России, Ирана и Турции, а также создание новой переговорной площадки в Астане.

Ключевые слова: Сирия, Россия, Турция, Женева, Астана, кризис, конфликт, терроризм, прекращение огня, урегулирование конфликта, дипломатические процессы.

Russia's Diplomatic Involvement in the Resolution of the Syrian Crisis

This article examines the role of the Russian Federation in the political settlement of the Syrian crisis during the «Geneva» and «Astana» diplomatic processes. Russia in the Syrian conflict holds a firm position on the territorial integrity of the Syrian Arab Republic. Moscow initiated the creation of a «tripartite initiative» of the guarantors for Syria represented by Russia, Iran and Turkey, as well as the creation of a new negotiating platform in Astana.

Keywords: Syria, Russia, Turkey, Geneva, Astana, crisis, conflict, terrorism, ceasefire, conflict resolution, diplomatic processes.

Введение

Начавшиеся в марте 2011 года на волне «Арабской весны» антиправительственные выступления привели к массовым беспорядкам в различных городах Сирии. Сирийское восстание достаточно быстро переросло в гражданскую войну с этноконфессиональными противоречиями и террористическими угрозами. Стороны конфликта: 1) правительственные регулярные вооруженные силы; 2) формирования «умеренной» сирийской оппозиции — Свободная сирийская армия (ССА). Поддержку правительственным силам оказывали Россия и Иран, поддержку оппозиции оказывали западные державы Турция и монархии Персидского залива. Основные требования оппозиции включали отставку президента Башара Асада и проведение в стране демократических преобразований. Также в стране имели место конфессиональные противоречия между суннитами и шиитами¹. В дальнейшем территория страны стала уязвимой для различных террористических группировок, подпитываемых

извне. Наиболее многочисленные и боеспособные группировки: «Исламское государство» (ИГ), «Хайят Тахрир аш-Шам» (ХТШ) с многочисленными добровольцами из-за рубежа.

В решении практических задач по урегулированию сирийского кризиса участвовала Российская дипломатия по следующим направлениям:

- 1) политико-дипломатическом (переговоры как в двустороннем, так и в многостороннем формате);
- 2) военно-силовом (поддержание безопасности и борьба с терроризмом);
- 3) гуманитарно-восстановительном (помощь населению в зоне конфликта, восстановление критических объектов гражданской инфраструктуры);

В процессе сирийского урегулирования Россия сотрудничала с различными многосторонними институтами, включая ООН, Лигу Арабских Государств (ЛАГ), и др., а также конструктивно взаимодействовала с региональными и внерегиональными странами, участвующими и способными влиять на ситуацию.

¹ Сунниты — одна из крупнейших конфессий в исламе. Среди всех мусульман сунниты составляют 85–87% верующих, шииты и алавиты — остальные 13–15%.

Объектом исследования является посредничество России в урегулировании сирийского кризиса. Предмет исследования — дипломатическое участие России в урегулировании сирийского кризиса. Цель исследования — охарактеризовать дипломатическую деятельность Российской Федерации в ходе урегулирования сирийского кризиса, прибегнув к анализу работы договоренностей, а также самостоятельных усилий России на различных направлениях.

Для достижения цели работы поставлены следующие исследовательские задачи: 1) установить исторические аспекты и мотивации, повлиявшие на формирование позиции активной вовлеченности России в урегулирование сирийского кризиса; 2) рассмотреть причины и результаты применения российских Вооруженных космических сил в сирийском конфликте; 3) проанализировать усилия России и результаты в рамках женевских и астанинских дипломатических переговоров по сирийскому урегулированию.

Актуальность темы связана с тем, что сирийский конфликт на протяжении многих лет оставался одним из ключевых факторов, влияющих на военно-политическую обстановку на Ближнем Востоке и на более широкий международный порядок. Несмотря на снижение интенсивности боевых действий по сравнению с наиболее острым этапом кризиса, потенциал дальнейшей дестабилизации в Сирийской Арабской Республике сохраняется. Риски по-прежнему выходят далеко за пределы сирийской территории и затрагивают страны Ближнего и Среднего Востока, а также Европу. Речь идет не только о миграционном давлении, но и о сохраняющейся террористической угрозе, поскольку в составе исламистских формирований действовали тысячи джихадистов² из разных государств, включая Россию и страны бывшего СНГ.

Дополнительную значимость теме придает и сама линия поведения России в сирийском урегулировании. Российская сторона сочетала дипломатические механизмы с военно-силовыми действиями, стараясь при этом опираться на международно-правовую легитимность и подчеркивая особую роль ООН в процессе политического урегулирования. В этом подходе важен не только вопрос внешнеполитического влияния России, но и более широкий замысел, связанный с сохранением управляемости региональной системы безопасности. Восстановление мира в Сирии в такой логике рассматривается как условие стабилизации Ближнего Востока и как элемент укрепления международной безопасности в целом.

Исторические аспекты формирования позиции России в урегулировании сирийского кризиса

После окончания Второй мировой войны одним из направлений политики СССР был поиск союзников

в странах Ближнего Востока, где СССР не имел устойчивого присутствия.

В 1946 г. было заключено соглашение, что СССР поддерживает требования Сирии о выводе с ее территории французских и британских войск (вошли в Сирию в 1941 г.), а также направит в Дамаск военных инструкторов. С сирийской стороны в соглашении было обещано «ориентироваться на СССР» во внешней политике. В 1950-е гг. отношения Сирии с Советским Союзом интенсивно развивались. Большое количество граждан Сирии прошло обучение в советских вузах и стажировку на производственных объектах в СССР. С приходом к власти Партии арабского социалистического возрождения (ПАСВ или Баас) в 1963 г. взаимодействие Москвы и Дамаска стало более активным. В 1960-е гг. были учреждены общества сирийско-советской дружбы. Развитию двустороннего взаимодействия Россия — Сирия способствовала стабилизация внутривосточной обстановки в Сирии. В период 1970–1991 гг. происходило дальнейшее развитие российско-сирийского взаимодействия: Советский Союз обеспечивал потребности Сирии в вооружениях, специальной и военной технике, в советских вузах готовили будущую военную элиту страны, участвовал в укреплении обороноспособности Сирийской Арабской Республики (САР). Так в 1980 году был подписан советско-сирийский Договор о дружбе и сотрудничестве [5]. Документ предусматривал развитие сотрудничества в политической, экономической, военной, научно-технической, культурной и других областях. Согласно договору, стороны обязались содействовать укреплению всеобщего мира и безопасности народов, расширению взаимовыгодного экономического и научно-технического сотрудничества, разрядке международной напряженности, должны были незамедлительно вступать в контакт друг с другом в случае возникновения ситуаций, угрожающих миру или безопасности одной из сторон. В 1983–1984 гг. в Сирии (г. Тартус) был создан полноценный пункт материально-технического обеспечения ВМФ СССР, что усиливало позиции России в Восточном Средиземноморье.

После распада СССР пострадали экономические связи Сирии с бывшим социалистическим содружеством. Политические и экономические трудности затронули оборонно-промышленный комплекс, но военно-техническое сотрудничество, служившее основой двусторонних отношений с Сирией, еще продолжалось.

В 2000-е годы политика России на Ближнем Востоке активизировалась и контакты с Сирией стали достаточно интенсивно возобновляться. В Концепции внешней политики РФ 2008 года говорится, что «Россия настроена и далее развивать отношения с Турцией, Египтом, Алжиром, Ираном, Саудовской Аравией, Сирией, Ливией, Пакистаном и другими ведущими региональными государствами в двустороннем и многостороннем форматах» [1].

² Джихад (от араб. «усилие»), в исламской догматике — борьба за веру;

Мотивация вовлеченности России в урегулирование сирийского кризиса

Для России было важно сохранить Сирию как партнера по военно-техническому сотрудничеству и как опорный пункт присутствия в Восточном Средиземноморье.

На Западе считали, что активизация участия России в ближневосточных делах была связана с политической судьбой президента Башара Асада, желанием удержать его режим у власти. На это было не совсем так. Участие России прежде всего было вызвано рисками дестабилизации региона по итогам «арабской весны», сопутствующим ростом угроз радикального исламизма³ и терроризма. Нарастание потенциала ИГИЛ⁴ в Сирии создавало реальные региональные и мировые угрозы.

Сирия стала территорией открытого соперничества мировых и региональных держав — десятки стран были вовлечены в войну через различные военизированные и политические группы, которым они оказывали поддержку. С 2013 по 2017 год Сирия стала территорией создания первого в современной истории самопровозглашенного «халифата»⁵, а гражданская война с участием других стран дополнилась войной с террористами.

Позиции других государств и перспективы развития ситуации в Сирии, в регионе и вокруг него в случае установления власти антиправительственных и террористических сил вызывали обеспокоенность Российской Федерации. Страны региона, входящие в ЛАГ, стремились к прекращению насилия всеми сторонами. В то же время США, при поддержке, в частности, Франции и Бельгии, добивались принятия Советом Безопасности ООН резолюции, которая позволила бы применить силу против сирийского правительства. Ряд арабских стран оказывали поддержку оппозиционным силам в Сирии. Российская Федерация поддерживала правящий сирийский режим, оказывала ему военно-техническую и дипломатическую помощь. Но с самого начала не наблюдалось единства подходов и оценок сирийского кризиса.

В мотивации вовлеченности России в урегулирование сирийского кризиса особое значение имела именно террористическая угроза. Противостояние международному терроризму является одной из значимых внешнеполитических задач РФ.

Россия понимала, что для оказания влияния на разнородные силы в рядах сирийской оппозиции и решения задачи уничтожения радикальных группировок необходимо участие всех заинтересованных региональных и внерегиональных государств. Поэтому Россия активно содействовала выстраиванию многостороннего переговорного процесса по Сирии и принимала участие во всех раундах переговоров. К началу переговорных процессов

по сирийской проблеме Россия была одним из немногих государств, отстаивавших суверенитет Сирии, необходимость решения внутренних проблем этой страны силами самих сирийцев без навязанного вмешательства извне. «Россия выступает за политическое урегулирование ситуации в Сирийской Арабской Республике и определение будущего страны сирийским народом на основе положений Женевского коммюнике от 30 июня 2012 г., заявлений Международной группы поддержки Сирии и соответствующих резолюций Совета Безопасности ООН» [2].

Применение российских Вооруженных космических сил в сирийском конфликте

Свержения Башара Асада, которого ожидал коллективный Запад еще в 2012–2013 гг. не произошло. Тем не менее, Вашингтон не отказался от планов по форсированной смене «сирийского режима». Убедившись в том, что поставки вооружений сирийским бандформированиям результатов не дает, США перешли к открытой агрессии против САР. В 2014 г. США приступили к нанесению авиаударов по территории Сирии, объявив свои действия контртеррористической операцией.

В середине 2015 г. под контролем многочисленных вооруженных отрядов ИГИЛ и вооруженной оппозиции были уже 70 % территории САР, был захвачен второй по величине и значимости город Алеппо, уже существовала опасность захвата сирийской столицы Дамаска. Реальной становилась угроза свержения сирийского руководства, перспектива перехода САР под контроль ИГИЛ. Возникла угроза дестабилизации также исламских регионов России. В этих условиях деятельность российских военных преследовала задачу борьбы с терроризмом и предотвращения возвращения террористов в Россию и соседние государства.

В связи с этим на основании Договора о дружбе и сотрудничестве президент Сирии Башар Асад обратился к президенту России В. В. Путину с просьбой об оказании помощи войскам САР в борьбе с террористами. Решение о применении российских Вооруженных космических сил (ВКС) было единогласно принято Советом Федерации [13], и 30 сентября 2015 года Российская Федерация начала военно-воздушную операцию в Сирии.

Менее чем за шесть месяцев удалось добиться результатов в военных действиях: полный разгром ИГИЛ, возвращение под контроль Дамаска значительной части территории страны, интеграция проправительственных отрядов ополчения в состав сирийских вооруженных сил с целью повышения их управляемости и укрепления боеспособности сирийской армии. Основные задачи военной операции были выполнены. 14 марта 2016 года Путин отдал

³ Исламский радикализм — это идеология, основанная на радикальной интерпретации ислама, которая призывает к применению насилия и террора для достижения политических и религиозных целей.

⁴ «Исламское Государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ) — международная террористическая организация. В июне 2014 года ИГИЛ переименовано в Исламское государство (ИГ). Ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

⁵ Халифат — система государственного устройства с теократической властью в феодальных мусульманских странах.

приказ о выводе основной части российской воинской группировки из САР и об активизации участия России в организации мирного процесса урегулирования в Сирии.

Женевские и Астанинские переговорные процессы

Первая международная министерская конференция по урегулированию конфликта в Сирии «Женева-1» прошла 30 июня 2012 г. В ней приняли участие главы МИДов России, Великобритании, США, Китая, Франции, Турции, Ирака, Кувейта, Катара, ЕС, а также главы ООН, ЛАГ и дипломатии ЕС. Переговоры по Сирии под эгидой ООН отвечали российскому подходу к многосторонней дипломатии, а руководящая роль ООН придавала переговорам дополнительную значимость. В итоге конференции было принято Женевское коммюнике, которое стало успехом многосторонней дипломатической работы. В нем были зафиксированы основные принципы урегулирования — создание в Сирии переходного правительства с участием всех заинтересованных сторон, проведение президентских и парламентских выборов, формирование новых органов власти. В то же время существенным недостатком женевской встречи стало то, что в ней не приняли участие представители противоборствующих сторонах сирийского конфликта, а также влиятельные региональные страны Арабского мира (Иран и Саудовская Аравия).

Вторая встреча в женевском формате «Женева-2» прошла в Швейцарии в 2014 г. Задачей на эту встречу стало вовлечение в переговорный процесс представителей противоборствующих сторон сирийского конфликта — сирийского правительства и оппозиции. Это отвечало принципиальной позиции России, предполагавшей передачу процесса урегулирования в руки сирийского народа и недопущение «диктовки» Сирии каких-либо условий «перехода».

Сирийская оппозиция состояла из разрозненных группировок с различной собственной этнической и конфессиональной спецификой. Именно на этом сфокусировались США. Россией, наоборот, в центр ставились политические взгляды оппозиционеров и их подходы к будущему Сирии.

За большой конференцией «Женева-2» последовали два раунда межсирийских консультаций: в январе и феврале 2014 г. Сторонам удалось договориться лишь о доставке гуманитарной помощи в г. Хомс, где более года продолжалась осада и сопутствующий ей голод. Последующие раунды женевских переговоров в 2016–2018 гг. («Женева-3» — «Женева-9») прошли фактически безрезультатно.

Женевский процесс, запущенный в 2012 г. как многообещающий многосторонний механизм сирийского урегулирования не принес ожидаемых результатов. Основные причины: противоположные интересы большого числа участников, постоянная смена состава делегации сирийских оппозиционных сил и их противоречивые интересы, затянутость переговоров.

Россия в женевском формате отстаивала принципиальную установку на сохранение суверенитета САР, недопущение внешних попыток силовой смены власти в стране.

Во многом благодаря усилиям российской дипломатии, на женевской площадке — в Женевском коммюнике 2012 г., а впоследствии и в резолюции 2254 СБ ООН (принята 18.12 2015) — удалось закрепить реалистичную основу для урегулирования конфликта [4].

Вместе с тем, развитие ситуации показало: женевский механизм под эгидой ООН за жизнью не поспевал. Невысокая эффективность женевских переговоров (основные причины: неоднородный состав государств-участников, разобщенность оппозиции, затянутость процесса) и отсутствие прогресса в переговорах; привело к тому, что с января 2017 года начались поиски нового формата. Таким форматом стал Астанинский переговорный механизм.

Считается, что успешные союзы создаются только на основе «похожих» государств. В Астанинский формат вошли страны, находящиеся на разных геополитических позициях: суннитская Турция — член НАТО, шиитский Иран — самая подсанкционная страна в мире и Россия, которая территориально удалена от Ближнего Востока. Но в данном формате переговоры в Астане между этими странами были успешными и сыграли важную роль в решении сирийского кризиса.

Астанинский переговорный механизм сформировался в результате взаимодействия в конце 2016 г. России, Турции и Ирана по установлению в Сирии режима прекращения боевых действий (РПБД). Первая Международная встреча по Сирии в Астане (МВСА) была организована 23–24 января 2017 г. В качестве наблюдателей были приглашены представители США и ООН. Это придавало легитимность новому переговорному формату и свидетельствовало о его связи с женевскими усилиями по урегулированию.

В ходе МВСА был сделан ряд совместных заявлений Ирана, России и Турции, в которых стороны подтверждали решимость продолжать активное взаимодействие в интересах установления мира и стабильности в Сирии.

В Заявлениях подчеркивалась готовность добиваться консолидации режима прекращения огня и решение создать трехсторонний механизм мониторинга и обеспечения полного соблюдения режима прекращения боевых действий (РПБД). Более того, в Заявлениях была закреплена готовность вооруженных оппозиционных группировок участвовать в следующих раундах переговоров. Так Россия, Турция и Иран, по сути, официально оформили трехсторонний формат участия в сирийском урегулировании.

«Взаимодействие Ирана, России и Турции в «формате тройки» говорит о наличии определенного доверия между странами, готовыми идти на уступки в урегулировании конфликта. Между тем нельзя не отметить разногласия в их позициях, вызванного как преследуемыми в конфликте целями, так и средствами их достижения» [7].

В период с 2018 до конца 2019 гг. (МВСА-9–14) «Астана» утверждается в качестве главенствующей площадки сирийского урегулирования.

Основные достижения астанинского формата: установление режима прекращения боевых действий (РПБД), организация зон деэскалации, а также удалось отвести угрозу Российской Федерации со стороны ИГИЛ, надежно защитить российские объекты на территории Сирии, ликвидировать прямую угрозу сирийской государственности.

Заключение

Активное участие Российской Федерации в урегулировании сирийского кризиса было связано не только с поддержкой союзного режима, но и с более широким кругом стратегических задач. Сирия рассматривалась Россией как важный узел ближневосточной безопасности, где локальный конфликт быстро вышел за региональные рамки. Усиление вооруженных радикальных группировок, разрушение государственных институтов и рост внешнего вмешательства создавали риски, которые российское руководство воспринимало как прямой вызов собственной безопасности. Особенно чувствительным оставался фактор возвращения боевиков и распространения радикальных практик на мусульманские регионы России.

На ключевых дипломатических площадках, прежде всего в Женеве с июня 2012 г. и в Астане с января 2017 г., Россия последовательно продвигала несколько опорных принципов. Речь шла о борьбе с терроризмом, сохранении суверенитета и территориальной целостности Сирийской Арабской Республики, а также о неприятии модели, при которой политическое будущее страны определяется внешними центрами силы. В этом и заключалась одна из центральных особенностей российской линии. Россия добивалась закрепления такого формата урегулирования, при котором вопрос о власти в Сирии не решался бы в обход Дамаска и без учета баланса интересов региональных игроков.

Российский курс в сирийском вопросе трудно назвать ситуативным. Напротив, в нем проявилась устойчивая внешнеполитическая логика, основанная на соединении силового давления и дипломатического сопровождения. Военная операция 2015 г. была нацелена на ослабление террористических группировок и изменение обстановки на земле в пользу сирийского правительства. Без этого переговорный процесс рисковал остаться формальностью.

Дипломатическая работа Российской Федерации шла параллельно и решала другую задачу. Требовалось не допустить международной изоляции сирийского сюжета, удержать переговорные каналы и сформировать хотя бы минимальную платформу для политического диалога между конфликтующими сторонами.

Именно сочетание этих инструментов позволило России закрепиться в роли одного из главных участников сирийского урегулирования. Были созданы условия для вытеснения основных террористических группировок с ряда территорий, запущены переговорные механизмы, а сирийский национальный диалог получил более широкую социальную базу за счет вовлечения различных представителей сирийского общества. Здесь важен и другой момент. Российская дипломатия не сводилась к сопровождению военной кампании. Она была направлена на перевод военных результатов в политические договоренности, а это значительно сложнее, поскольку устойчивый контроль над территорией сам по себе еще не означает устойчивого мира.

Изменение военно-политической ситуации в Сирии к концу 2024 года не отменило российского присутствия в сирийской проблематике, хотя условия для дальнейшего влияния стали сложнее. Российская Федерация сохранила возможность участвовать в развитии событий в условиях более напряженной региональной конфигурации. Особое место в этой системе продолжает занимать Иран. Сохранив значительную часть своих позиций в противостоянии с США, Тегеран остается важным партнером России по сирийскому направлению. Взаимодействие с Ираном сохраняет значение для российской политики в Сирии. На текущем этапе для России первостепенное значение имеют защита российских объектов и граждан, сохранение инфраструктуры присутствия в Сирии и блокирование каналов проникновения террористических элементов на территорию Российской Федерации.

Показательно, что российское дипломатическое участие в многосторонних механизмах урегулирования не ограничилось ролью формального участника переговоров. Россия влияла на архитектуру переговорного процесса, на уровень вооруженного противостояния и на параметры будущего политического урегулирования. Роль российской дипломатии в сирийском конфликте проявилась не в одном отдельном эпизоде, а в способности удерживать связку между военным присутствием, международными переговорами и долгосрочными интересами безопасности.

Литература:

1. Концепция внешней политики Российской Федерации. 2008 г. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1670707/
2. Указ Президента Российской Федерации от 30.11.2016 № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации». URL: www.kremlin.ru/acts/bank/41451
3. Как менялась Концепция внешней политики России. <https://tass.ru/info/17418381>
4. Резолюция 2254 (2015), принятая Советом Безопасности ООН 18 декабря 2015 года. URL: [https://www.mid.ru/upload/medialibrary/4ac/Резолюция %20СБ %20ООН %202254.pdf](https://www.mid.ru/upload/medialibrary/4ac/Резолюция%20СБ%20ООН%202254.pdf)

5. Договор о дружбе и сотрудничестве между Союзом Советских Социалистических Республик и Сирийской Арабской Республикой (Москва, 8 октября 1980 г.) URL: <https://base.garant.ru/2567165/>
6. Итоговое заявление Ирана, России и Турции по Международной встрече по Сирии, Сочи, 31 июля 2018 года. — МИД России, 2018. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/themes/id/1574586
7. Большаков А. Г., Мансуров Т. З. Взаимодействие Ирана, России и Турции в сирийском конфликте и перспективы его урегулирования. Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК, 2018. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimodeystvie-irana-rossii-i-turtsii-v-siriyskom-konflikte-i-perspektivy-ego-uregulirovaniya>
8. Бочарников И. В. Роль России в урегулировании вооруженного конфликта в Сирии, Научно-исследовательский центр «Национальная безопасность», 2016. URL: <https://nic-pnb.ru/analytics/rol-rossii-v-uregulirovanii-vooruzhennogo-konflikta-v-sirii/>
9. Аксененок А. Г. Россия и Сирия: нюансы союзнических отношений // Российский совет по международным делам (РСМД). 2020. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiya-i-siriya-nyuansy-soyuznicheskikh-otnosheniy/?ysclid=m9k5njdw3x511896390>
10. Долгов Б. В. Сирийский кризис (2011–2021): развитие конфликта. // Журнал «Исламоведение», 2021. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/siriyskiy-krizis-2011-2021-razvitie-konflikta>
11. Поляков Д. С. Российское присутствие в Сирии: новый взгляд на ситуацию // Журнал «Восточный курьер» № 1, 2024. URL: https://zavtra.ru/books/rossijskoe_prisutstvie_v_sirii_novij_vzglyad_na_situaciyu
12. Скуратова Ю. Ю. Позиция России в сирийском кризисе. // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2017. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pozitsiya-rossii-v-siriyskom-krizise>
13. Постановление Федерального Собрания РФ 30.09.2015 № 355-СФ «Об использовании Вооруженных Сил РФ за пределами территории РФ», 2015. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201509300043>

К 80-летию ООН: системный кризис и перспективы реформирования в условиях трансформации мирового порядка

Денисов Лев Александрович, учащийся 10-го класса
Научный руководитель: Жильцов Антон Александрович, учитель истории
ГБОУ «Академическая гимназия № 56 им. М. Б. Пильдес» Санкт-Петербурга

В 2025 году Организация Объединенных Наций отметила свое 80-летие. Юбилейный год, однако, ознаменовался обострением внутренних и внешних вызовов, ставящих под сомнение эффективность организации как главного гаранта международной безопасности. В настоящей статье на основе анализа выступлений Генеральных секретарей ООН, дипломатов и актуальных политических событий (включая гипотетический кейс 2026 г.) систематизируются четыре ключевые группы проблем: структурные (дисбаланс Совета Безопасности), функциональные (дефицит политической воли и «двойные стандарты»), финансовые (хроническое недофинансирование) и гуманитарные (растущий разрыв между потребностями и возможностями). В качестве путей решения предлагается комплексный подход, включающий усиление роли региональных организаций (глава VIII Устава ООН), внедрение цифровых технологий (блокчейн) для обеспечения прозрачности, активизацию гражданского общества (статья 71 Устава ООН) и институциональную реформу Совета Безопасности с пересмотром права вето. Делается вывод, что выживание ООН в условиях конкуренции со стороны альтернативных форматов (БРИКС, ШОС) зависит от ее способности превратить реформу из разового события в непрерывный процесс адаптации.

Ключевые слова: ООН, реформа Совета Безопасности, международная безопасность, многосторонняя дипломатия, право вето, глобальное управление, Устав ООН, региональные организации, гражданское общество, блокчейн.

Введение

Организация Объединенных Наций, созданная 26 июня 1945 года как универсальный механизм поддержания международного мира и безопасности, в 2025 году вступила в девятое десятилетие своего существования. Речь председателя Генеральной Ассамблеи 80-й сессии А. Бербок о том, что мир «пока не похож на рай», и ново-

годнее обращение Генерального секретаря А. Гутерриша, констатирующее парадокс между растущей потребностью в помощи и сокращающимися возможностями ее оказания [1], задают тревожный тон осмыслению юбилея [2]. Второй Генеральный секретарь ООН Даг Хаммаршельд образно называл организацию «защитой от ада», сдерживающей «горячий металл» войн. Однако сегодня эта метафора теряет свою силу: вооруженные конфликты

все чаще пробивают бреши в системе коллективной безопасности.

Цель данной статьи — систематизировать ключевые вызовы, стоящие перед ООН на современном этапе, и предложить комплексные пути их решения, основанные как на нормах Устава, так и на инновационных подходах к глобальному управлению.

1. Четыре измерения кризиса ООН

Анализ современных дискуссий позволяет выделить четыре взаимосвязанных блока проблем, которые, усугубляя друг друга, формируют замкнутый круг дезинтеграции.

1.1. Структурные проблемы: дисбаланс Совета Безопасности

Ключевой структурной проблемой остается архитектура Совета Безопасности (СБ ООН), сложившаяся в 1945 году. Как отмечал Кофи Аннан, большинство государств-членов поддерживают реформу СБ, однако разногласия касаются путей и методов ее осуществления [3]. Позиция Российской Федерации, озвученная В. А. Небензей в 2025 году, подчеркивает необходимость исправления «абсолютно несправедливого перекоса в составе органа в пользу западных государств» и расширения представительства стран Азии, Африки и Латинской Америки [4]. Данный дисбаланс подрывает легитимность решений Совета в глазах Глобального Юга.

1.2. Функциональные проблемы: дефицит политической воли и «двойные стандарты»

Структурные недостатки усугубляются функциональными. Пан Ги Мун еще в 2012 году точно сформулировал суть проблемы: главный вызов — не в Уставе, а в недостатке политической воли лидеров государств-членов [5]. Иллюстрацией этого тезиса служит гипотетический, но показательный кейс вторжения США в Венесуэлу 3 января 2026 г., приведенный автором. Данное действие, нарушающее статьи 1 и 2 Устава ООН, не может получить адекватной оценки СБ ООН, поскольку постоянный член Совета (США) блокирует любые санкции против себя, что демонстрирует «иммунитет» агрессора [6]. С этим тесно связано проявление «двойных стандартов», о котором говорил Бутрос Бутрос-Гали, указывая на неравное внимание к геноциду в Африке по сравнению с европейскими конфликтами [7]. Такая избирательность дискредитирует моральный авторитет ООН.

1.3. Финансовые проблемы: хронический дефицит и программа UN80

В своем новогоднем обращении А. Гутерриш привел шокирующее сравнение: глобальные военные расходы до-

стигли 2,7 трлн долларов, что в 13 раз превышает объем международной помощи на развитие [1]. На этом фоне бюджет ООН на 2025 год в размере 3,5 млрд долларов был профинансирован лишь наполовину (1,8 млрд) из-за сокращения взносов со стороны администрации США [8]. Проблема неплатежей, усугубленная действиями одного из ключевых доноров, провоцирует цепную реакцию: другие страны также задерживают взносы, что, по словам Бутроса Бутроса-Гали, лишает ООН возможности платить странам, предоставляющим миротворцев [7]. Следствием стала внутренняя политика UN80, предусматривающая сокращение персонала на 20 % и закрытие ряда гуманитарных программ, что снижает операционные возможности организации.

1.4. Гуманитарные проблемы: растущий разрыв

Финансовый кризис напрямую влияет на гуманитарный фронт. По данным 2024 года, в гуманитарной помощи нуждаются 323,4 млн человек, более 120 млн вынужденно покинули свои дома, а четверть человечества проживает в зонах конфликта. При этом, по расчетам ООН, для решения этих проблем достаточно менее 4 % текущих мировых военных расходов [9]. Этот разрыв между колоссальными затратами на вооружение и острой нехваткой средств на спасение людей наиболее ярко демонстрирует моральный и политический кризис современной системы международных отношений.

2. Поиск путей решений: от деклараций к действиям

Выход из кризиса видится в реализации комплекса мер, затрагивающих как политические механизмы, так и технологические инновации.

2.1. Регионализация ответственности (Глава VIII Устава ООН)

Перспективным направлением является более активное задействование потенциала региональных организаций, предусмотренное Главой VIII Устава ООН. Предоставление Европейскому Союзу, Африканскому союзу и Лиге арабских государств расширенных полномочий по урегулированию конфликтов между их государствами-членами позволило бы разгрузить Совет Безопасности и учитывать региональную специфику. Региональные организации должны стать не просто инструментами, а полноценными структурами обеспечения безопасности на местах.

2.2. Технологическое обеспечение прозрачности (Блокчейн)

Параллельно с политическими решениями необходимо внедрение технологий, гарантирующих прозрачность и подотчетность. ООН уже имеет позитивный опыт использования блокчейна, например, при переводе пенсионной си-

стемы, что упростило регистрацию 70 000 пенсионеров в 190 странах [10]. Распространение этой технологии на учет гуманитарной помощи, верификацию данных в лагерях беженцев и отслеживание исполнения резолюций может стать технической основой для восстановления доверия.

2.3. Расширение прав гражданского общества (Статья 71 Устава ООН)

Статья 71 Устава ООН предоставляет Экономическому и Социальному Совету право проводить консультации с неправительственными организациями. А. Гутерриш неоднократно подчеркивал, что гражданское общество должно стать не просто совещательным органом, а равноправным участником глобального управления. Активное включение молодежи и общественных объединений позволит создавать общественное давление на государства, требующие соблюдения Устава, и наполнит понятие безопасности, по выражению Гутерриша, «справедливостью и возможностями для всех».

2.4. Институциональная реформа Совета Безопасности

Наиболее радикальным, но необходимым шагом является реформа Совета Безопасности на основе Статьи 109 Устава ООН. Логичным видится расширение состава Совета с целью придания ему более справедливого географического представительства. Рациональным представляется предложение о включении новых постоянных членов по региональному принципу с сохранением права вето за текущей «пятеркой», но с его упразднением по вопросам гуманитарных миссий. Это позволило бы разблокировать принятие решений в критических ситуациях, связанных с массовыми страданиями людей.

2.5. Конкурентный вызов

События последних лет демонстрируют формирование альтернативных ООН площадок. БРИКС и ШОС, по словам профессора А. Манойло, предлагают модель

мироустройства, основанную на равноправии стран Глобального Юга, в противовес «западоцентричной» системе. Растущая конкуренция со стороны этих структур выступает мощным катализатором реформ: либо ООН адаптируется и подтвердит свою универсальность, либо рискует утратить легитимность и влияние.

Заключение

80-летие ООН пришлось на период глубочайшего системного кризиса. Структурные, функциональные, финансовые и гуманитарные проблемы сплелись в тугой узел, ставя под вопрос способность организации выполнять свою уставную миссию. Однако именно в этом кризисе кроется потенциал обновления.

Ни одно из предложенных решений — регионализация, цифровизация, активизация гражданского общества или реформа СБ — не является панацеей. Однако их несовершенство превращается в достоинство, создавая систему взаимной страховки, где пробелы одного механизма компенсируются другими. Реформа ООН, как верно заметил Кофи Аннан, — это не разовое событие, а процесс, длящийся десятилетиями. И сегодняшняя задача международного сообщества — сделать этот процесс необратимым, чтобы организация, созданная «спасти человечество от ада», смогла найти в себе силы для адаптации к реалиям XXI века.

Благодарности

Автор выражает искреннюю признательность своему научному руководителю, Жильцову Антону Александровичу, учителю первой квалификационной категории, преподавателю истории в ГБОУ «Академической гимназии № 56 имени М. Б. Пильдес», за неоценимую помощь в концептуализации исследования и ценные замечания при доработке текста, введение в научную деятельность. Отдельная благодарность руководящему и педагогическому составу ГБОУ «Академической гимназии № 56 имени М. Б. Пильдес» Санкт-Петербурга за формирование прекрасной среды для создания научных концепций и открытую поддержку в вопросах данного характера.

Литература:

1. Гутерриш А. Новогоднее послание Генерального секретаря ООН // Официальный сайт ООН. — 28.12.2025. — URL: <https://news.un.org/ru/story/2025/12/1467095> (дата обращения: 10.01.2026).
2. Бербок А. Приветственная речь на открытии 80-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН // Официальный сайт ООН. — 10.09.2025. — URL: <https://gadebate.un.org/ru/80/president-general-assembly-opening> (дата обращения: 10.01.2026).
3. Аннан К. Выступление на саммите по реформе ООН // Официальный сайт ООН. — 21.03.2005. — URL: <https://news.un.org/ru/story/2005/08/1073531> (дата обращения: 10.01.2026).
4. Небензя В. И. Выступление на заседании Совета Безопасности ООН // РБК. — 06.11.2025. — URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/...> (дата обращения: 10.01.2026).
5. Пан Ги Мун. Выступление на Всемирном демократическом форуме в Страсбурге // Euronews. — 09.10.2012. — URL: <https://ru.euronews.com/2012/10/09/we-need-to-bring-immediate-end-to-the-violence-in-syria-ban-ki-moon> (дата обращения: 10.01.2026).

6. Устав Организации Объединенных Наций (принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945) // Официальный сайт ООН. — URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения: 10.01.2026).
7. Бутрос-Гали Б. Интервью и публичные выступления 1990-х гг. (цит. по: сайт цитат) // URL: <https://ru.citaty.net/avtory/butros-butros-gali/> (дата обращения: 11.01.2026).
8. Stockholm International Peace Research Institute (SIPRI). SIPRI Military Expenditure Database 2025. — URL: <https://www.sipri.org/databases/milex> (дата обращения: 10.01.2026).
9. Гутерриш А. Выбирайте людей и планету, а не боль // Радио Sputnik. — 29.12.2025. — URL: <https://radiosputnik.ru/20251229/oon-1982834937.html> (дата обращения: 10.01.2026).
10. Цифровая ООН. Блокчейн-технологии в ООН // Официальный сайт ООН. — 2021. — URL: <https://news.un.org/ru/story/2021/07/1405802> (дата обращения: 10.01.2026).

Культурная дипломатия Китая в рамках БРИКС: стратегии, инструменты и перспективы развития

Султанов Артем Артурович, студент
Уфимский государственный нефтяной технический университет

Статья посвящена анализу стратегической роли культурной дипломатии КНР в рамках БРИКС, рассматриваемой как ключевой инструмент укрепления многостороннего сотрудничества, преодоления межкультурных барьеров и формирования гуманитарного «третьего столпа» объединения в условиях становления многополярной системы международных отношений.

Ключевые слова: БРИКС, культурная дипломатия, Китай, мягкая сила.

China's cultural diplomacy within the framework of BRICS: strategies, tools and development prospects

Sultanov Artem Arturovich, student
Ufa State Oil Technical University

The article is devoted to the analysis of the strategic role of cultural diplomacy of the People's Republic of China within the framework of the BRICS, considered as a key tool for strengthening multilateral cooperation, overcoming intercultural barriers and forming a humanitarian «third pillar» of unification in the context of the formation of a multipolar system of international relations.

Keywords: BRICS, cultural diplomacy, China, soft power.

В условиях формирования многополярного мира и углубления процессов глобализации культурное взаимодействие в рамках БРИКС приобретает особую значимость как инструмент укрепления многостороннего сотрудничества и продвижения принципов цивилизационного разнообразия. Для Китайской Народной Республики, являющейся одним из ключевых участников объединения, развитие культурных связей со странами БРИКС представляет собой стратегический приоритет, способствующий консолидации усилий пяти государств в построении новой архитектуры международных отношений.

Культурное сотрудничество Китая в рамках БРИКС охватывает широкий спектр направлений: от развития образовательных обменов и академической мобильности до совместных проектов в сфере искусства, науки, туризма и сохранения культурного наследия. В контексте

реализации инициативы «Один пояс, один путь» и концепции построения сообщества единой судьбы человечества, Пекин рассматривает культурное измерение сотрудничества в рамках БРИКС как важную составляющую комплексного стратегического партнерства, дополняющую экономическую и политическую интеграцию.

В реализации данной стратегии Китай опирается на многоуровневую систему акторов, где государство выступает стратегическим координатором, а аналитические центры и культурные институты обеспечивают трансляцию нарративов на международном уровне. Как отмечает Е. М. Сорокина [3], ключевыми инструментами выступают популяризация традиционной и современной культуры, развитие аудиовизуального контента и поддержка образовательных программ, интегрированных в идеологическую рамку «китайской мечты». В контексте БРИКС это находит выражение в деятельности Инсти-

тутов Конфуция, проведении летних школ и организации перекрёстных годов культуры, что позволяет Пекину последовательно формировать позитивный имидж и укреплять доверие партнёров через механизмы «мягкой силы» [4].

Важной особенностью китайской культурной дипломатии является её гибкость и отказ от универсальных шаблонов. Исследования Го Шаньшань [2] демонстрируют, что эффективность взаимодействия напрямую зависит от учёта исторического контекста и политической специфики страны-партнёра: если с Казахстаном или Россией акцент делается на глубокой институциональной кооперации и приграничных обменах, то в отношениях с Индией или ЮАР приоритет отдаётся точечным гуманитарным проектам, минимизирующим потенциальные противоречия. Такой дифференцированный подход позволяет Китаю адаптировать контент под различные культурные коды — от конфуцианского круга до стран с иными цивилизационными основаниями, — обеспечивая тем самым устойчивость диалога в условиях многополярности.

Вместе с тем, как указывают В. А. Соловьёва и Т. С. Ягья [4], а также Чжао Хун [5], культурное сотрудничество в рамках БРИКС сталкивается с рядом системных вызовов. Среди них — сохранение стереотипов восприятия, когнитивные барьеры, формализм межвузовских связей и недостаточный охват «народной дипломатии» за пре-

делами столичных агломераций. Особую актуальность приобретает задача преодоления разрыва между материальной и духовной культурами: зарубежная аудитория нередко воспринимает внешние атрибуты китайского искусства, не проникая в их философско-эстетическую глубину [1]. Решение этих проблем требует не только наращивания количественных показателей обменов, но и качественной трансформации коммуникации — перехода от односторонней трансляции к интерактивному диалогу.

В этой перспективе культурное измерение БРИКС обладает потенциалом стать полноценным «третьим столпом» объединения наравне с экономикой и политикой. Как аргументирует Чжао Хун [5], именно гуманитарная составляющая создаёт благоприятный микроклимат для реализации инфраструктурных инициатив «Пояса и пути» и укрепления стратегического доверия. Перспективным направлением представляется активизация цифровых платформ, совместных медиапроектов и программ молодёжного обмена, способных адресовать глобальной аудитории универсальные ценности в национальной интерпретации. Таким образом, культурная дипломатия КНР в рамках БРИКС эволюционирует от вспомогательного инструмента к стратегическому ресурсу формирования новой архитектуры международных отношений, основанной на принципах взаимного уважения и цивилизационного многообразия [2; 3].

Литература:

1. Су, Юйфан. Современное китайское искусство в контексте межкультурного взаимодействия / Юйфан Су // Культура и цивилизация. — 2019. — Том 9, № 2А. — С. 58–65.
2. Го, Шаньшань. Культурное взаимодействие Китая со странами инициативы «Один пояс — один путь» / Шаньшань Го // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. — 2022. — № 1. — С. 78–92.
3. Сорокина, Е. М. Культура как инструмент внешней политики КНР / Е. М. Сорокина // Социальные науки и современность. — 2022. — № 4. — С. 45–56. — EDN KQWXRT.
4. Соловьёва, В. А. Деятельность Китайской Народной Республики в рамках БРИКС / В. А. Соловьёва, Т. С. Ягья // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. — 2022. — № 3. — С. 112–135. — EDN MNBVCX.
5. Чжао, Хун. Китайско-российское культурное сотрудничество как «третий столб» БРИКС / Хун Чжао // Лихачёвские чтения: материалы международной научной конференции, Санкт-Петербург, 2024 год. — Санкт-Петербург: РГПУ им. А. И. Герцена, 2024. — Секция 5. — С. 203–211. — EDN PLKJHG.

Исследование сотрудничества между ШОС и ООН

Чжао Яньян, аспирант

Гуандунский университет иностранных языков и международной торговли (г. Гуанчжоу, Китай)

Данная работа посвящена исследованию сотрудничества между Шанхайской организацией сотрудничества (ШОС) и Организацией Объединённых Наций (ООН), выявлению этапов его развития, а также анализу причин углубления взаимодействия. С помощью предложенной системы оценки, охватывающей уровень институционализации, формы и сферы сотрудничества, мы узнали, что взаимодействие двух организаций прошло три этапа: этап низкой институционализации (с 2001 года); этап средней институционализации (с декабря 2004 года); этап высокой институционализации (с 2010 года). Ключевыми причинами углубления сотрудничества стали постоянная поддержка со стороны государств — членов ШОС и ООН, а также функциональная взаимодополняемость — ШОС заинтересована в глобальной антитерро-

ристической координации ООН и интеграции в повестку устойчивого развития, тогда как ООН рассматривает ШОС как важного гаранта региональной безопасности и партнера в формировании многополярного миропорядка.

Ключевые слова: ШОС, ООН, межорганизационное сотрудничество, эволюция сотрудничества, логика сотрудничества

Введение

Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) — международная межправительственная организация (ММПО), учрежденная 15 июня 2001 года в Шанхае Китаем, Россией, Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном и Узбекистаном. В последние годы по мере расширения состава участников международное влияние ШОС неуклонно растет, а ее взаимодействие с другими ММПО становится все более активным и многообразным. В связи с этим изучение отношений между ШОС и другими ММПО приобретает особую актуальность в академическом дискурсе.

Значительное число исследований посвящено взаимодействию ШОС с региональными ММПО, причем основное внимание уделяется ее связям с Организацией Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС) и его предшественником — Евразийским экономическим сообществом.

В научной литературе представлены разные подходы к оценке отношений ШОС с ОДКБ. Существует концепция конкуренции [13, 14] и концепция сотрудничества [10, 11]. Ряд авторов подчеркивают двойственный характер взаимодействия: конкуренция обусловлена совпадением членского состава, дублированием функций и потенциальными разногласиями между Китаем и Россией, тогда как сотрудничество проявляется в совместном противодействии терроризму, экстремизму и другим транснациональным угрозам [6, 10, 11, 17]. Аналогичным образом исследования отношений ШОС с ЕАЭС выявляют противоречивую динамику: с одной стороны, сотрудничество стимулируется китайско-российским взаимодействием, внешним давлением и целями региональной интеграции, с другой — конкуренция связана с борьбой за лидерство и различиями в масштабах организаций [1, 7].

Несмотря на значительный вклад в изучение взаимодействия ШОС с региональными организациями, современные работы имеют ряд ограничений: 1) преобладает статический анализ сотрудничества при недостаточном внимании к его формам и динамике углубления; 2) основное внимание уделяется связям ШОС с ОДКБ и ЕАЭС, тогда как взаимодействие с глобальными организациями, особенно с ООН, остается малоизученным; 3) отсутствует система для измерения интенсивности межорганизационного сотрудничества, что затрудняет точную оценку и глубокий анализ того, как и почему интенсивность сотрудничества меняется. Исходя из обозначенных реалий, данная статья расширяет объект исследования до сотрудничества ШОС с ООН и ставит перед собой следующие задачи: 1) разработать систему оценки отношений сотрудни-

чества между ШОС и ООН; 2) проследить динамику углубления этих отношений; 3) выявить ключевые факторы, повлиявшие на развитие их взаимодействия.

Системы для оценки сотрудничества ШОС и ООН

Международное межорганизационное сотрудничество представляет собой процесс, в ходе которого международные организации, участвуя в глобальном управлении, обмениваются информацией, координируют действия, согласовывают политику или совместно принимают решения с другими международными организациями — с целью более эффективного выполнения своих функций и задач [5, с. 330]. В научной литературе сформировалось несколько подходов к оценке такого сотрудничества. Ряд исследований фокусирует внимание на измерении итогов взаимодействия, выделяя три возможных сценария: полное достижение поставленных целей; частичное достижение целей; недостижение целей [16]. Другие работы рассматривают процесс взаимодействия, который охватывает частоту сотрудничества, спектр затрагиваемых областей, степень институционализации сотрудничества и уровень однородности организационных предпочтений [2, 16]. Третий подход выделяет три типа сотрудничества: договорное — основанное на соглашениях и связанное с правотворчеством; институциональное — реализуемое через создание совместных органов; функциональное — возникающее в процессе выполнения сходных функций и связанные с практической деятельностью [18, с. 252]. Также существуют типологии моделей взаимодействия: кластерная — предполагает частичную передачу автономии одной организации другой; горизонтальная — строится на разделении труда и неиерархических отношениях; вложенная — подразумевает функциональное включение одной организации в сферу деятельности другой [5, с. 342–343].

Указанные подходы предоставляют богатый аналитический инструментарий. Однако сотрудничество между ШОС и ООН обладает определенной спецификой, требующей адаптации существующих методов. При анализе сотрудничества ШОС и ООН необходимо учитывать два ключевых обстоятельства. Во-первых, на евразийском пространстве действует несколько международных организаций с пересекающимися функциями (СНГ, ОДКБ, ЕАЭС). Изза этого сложно однозначно приписать прогресс в любой сфере исключительно взаимодействию ШОС и ООН. По этой причине оценка результатов сотрудничества временно не включается в рамки исследования. Во-вторых, в практике взаимодействия ШОС и ООН не заключались обязывающие договоры и не создавались совместные органы. Сотрудничество в основном обуслов-

лено общими целями и относится к функциональному типу. Соответственно, отсутствует договорный и институциональный тип взаимодействия. С учетом специфики взаимодействия ШОС и ООН для построения системы оценки выбраны три ключевых аспекта: степень институционализации сотрудничества, формы взаимодействия и сферы сотрудничества.

Уровень институционализации сотрудничества отражает степень оформленности соглашений между международными организациями, наличие формальных координационных структур, рамочных механизмов, норм или процедур, а также положений, регулирующих развитие отношений [16, с. 148–149]. Данный показатель напрямую характеризует стабильность, предсказуемость и потенциал перехода к долгосрочной кооперации. Для взаимодействия ШОС и ООН выделяются три уровня институционализации сотрудничества: низкая институционализация — взаимодействие существует, но не подкреплено документально закрепленными договоренностями; средняя институционализация — сотрудничество основывается на устных договоренностях, политических заявлениях или статусе наблюдателя; высокая институционализация — подписание меморандумов о взаимопонимании или протоколов о сотрудничестве, которые устанавливают четкие рамки по сферам и способам взаимодействия.

Важно отметить, что и ООН, и ШОС являются структурно сложными организациями. ООН включает Генеральную Ассамблею (ГА ООН), Совет Безопасности, Секретариат, а также многочисленные вспомогательные и специализированные учреждения. ШОС имеет Секретариат и Региональную антитеррористическую структуру (РАТС). При оценке уровня институционализации в данной статье за основу берутся связи между главными органами организаций. Взаимодействие между главными и вспомогательными органами, а также связь между вспомогательными органами рассматривается как важное дополнение.

Что касается форм и сфер взаимодействия, то они являются важными горизонтальными показателями. Формы демонстрируют разнообразие способов и каналов сотрудничества, а сферы показывает пересекающиеся тематические поля [16, с. 147–148]. Выделяются три формы взаимодействия: символическая — отправка поздравительных сообщений или пересылка документов; участие в процессах — выступления на заседаниях, диалоговые консультации; совместные взаимодействия — совместные проекты, обучение и оперативная деятельность. При анализе сфер взаимодействия рассматривается количество — одна или несколько, и структура — концентрация на вопросах безопасности, либо расширение на экономическую и гуманитарную сферы.

Обзор сотрудничества ШОС и ООН

Сотрудничество между ШОС и ООН прошло длительный эволюционный путь, который можно разделить на три этапа: с 2001 года — этап низкой институционали-

зации; с декабря 2004 года — этап средней институционализации; с 2010 года по настоящее время — этап высокой институционализации.

Этап низкой институционализации (с 2001 года)

На этом этапе между ШОС и ООН уже существовали контакты, однако они носили неустойчивый и неформальный характер. Отсутствовали какие-либо документально оформленные договоренности между организациями. Взаимодействие осуществлялось преимущественно через постоянные представительства государств — членов при ООН. В 2001 году постоянный представитель Китая при ООН передал в ГА ООН Декларацию о создании ШОС. В последующие годы Казахстан, Россия и Узбекистан передавали в ООН декларации глав государств и совместные коммюнике министров иностранных дел. В 2004 году был создан Секретариат ШОС. На церемонии его открытия директор отдела Азии и Тихого океана Департамента по политическим вопросам и вопросам миростроительства ООН зачитал приветствие Генерального секретаря ООН — это стало первым прямым контактом между организациями.

Преобладали символические действия, элементы участия только начинали формироваться. Основными формами были передача документов, протокольные контакты. В 2003 году произошли первые шаги к расширению взаимодействия: ШОС приняла участие в специальном заседании Контртеррористического комитета Совета Безопасности ООН; организация участвовала в пятой встрече высокого уровня ООН с региональными организациями.

Взаимодействие концентрировалось исключительно на политикобезопасных вопросах, прежде всего на антитеррористической тематике. Передаваемые документы и участие в заседаниях касались международного терроризма, региональной безопасности, политических позиций государств-членов.

На данном этапе стороны поддерживали контакты, но институциональная база оставалась слабой, формы взаимодействия — однообразными, а сфера сотрудничества — узкой.

Этап средней институционализации (с декабря 2004 года)

В декабре 2004 года ГА ООН предоставила ШОС статус наблюдателя, что значительно повысило уровень институционализации сотрудничества между двумя организациями. В то же время уровень институционализации сотрудничества между ШОС и вспомогательными органами ООН тоже начал расти. В 2008 году ШОС впервые подписала Меморандум о взаимопонимании с одним из вспомогательных органов ООН — Экономической и социальной комиссией для Азии и Тихого океана (ЭСКАТО).

С точки зрения форм взаимодействия, сотрудничество в этот период постепенно переходило от символичес-

ческих действий к интеракциям с вовлечением сторон. Помимо продолжения обмена документами и взаимных поздравлений, ШОС стала чаще участвовать в мероприятиях в рамках ООН. В 2005 году ШОС представила ООН краткий документ о деятельности и опыте в сфере борьбы с терроризмом, что свидетельствовало о том, что стороны перешли от обычных контактов к обмену информацией по конкретным вопросам. В 2008 году представитель ШОС принял участие в заседании ГА ООН по повестке дня «Сотрудничество между ООН и региональными и другими организациями» и выступил с речью, что отразило рост степени вовлеченности организации в соответствующие процессы в рамках ООН. Одновременно внимание ООН к ШОС также возрастало, например, в 2009 году Генеральный секретарь ООН принял участие в специальном заседании ШОС по афганскому вопросу.

Что касается сфер сотрудничества, то в этот период оно по-прежнему фокусировалось на вопросах политических отношений и безопасности, но уже начало распространяться и на другие сферы. Помимо вопросов борьбы с терроризмом, в 2007 году представитель ШОС принял участие на заседании ЭСКАТО; в 2008 году Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ) принял участие в совещании высокого уровня ШОС по вопросам здравоохранения и эпидемий, и оказал техническую поддержку; в 2009 году ЮНИСЕФ также участвовал в совещании в рамках ШОС по вопросам ювенальной юстиции. Таким образом, сотрудничество сторон перестало ограничиваться сферой безопасности и начало распространяться на здравоохранение, юстицию и другие сферы.

Этап высокой институционализации (с 2010 года)

В 2010 году Секретариат ООН и Секретариат ШОС подписали «Совместную декларацию о сотрудничестве». С этого момента сотрудничество сторон перешло на новый этап, характеризующийся заметно более высоким уровнем институционализации. В отличие от взаимодействия, которое ранее строилось на основе статуса наблюдателя, этот документ ознаменовал создание четкой рамочной основы для сотрудничества между основными структурами обеих организаций. После этого институциональные связи продолжились расширяться: в 2011 году Секретариат ШОС и Управление ООН по наркотикам и преступности подписали Меморандум о взаимопонимании; в 2019 году РАТС ШОС и исполнительный директорат Контртеррористического комитета ООН подписали Меморандум о взаимопонимании; в 2020 году Контртеррористическое управление ООН и РАТС ШОС подписали Меморандум о взаимопонимании; в 2022 году ШОС подписала Меморандумы о взаимопонимании с ЭСКАТО и с ЮНЕСКО; в 2024 году ШОС и Программа ООН по окружающей среде (ЮНЕП) подписали Меморандум о взаимопонимании.

В этот период, помимо продолжения участия ШОС в соответствующих заседаниях ГА ООН и Совета Безопас-

ности с выступлениями, стороны начали развивать более тесное и совместное взаимодействие. В 2016 году ООН и ШОС совместно провели мероприятие высокого уровня «ООН и ШОС: совместное противодействие вызовам и угрозам»; в 2021 году Региональный центр ООН по превентивной дипломатии для Центральной Азии, Контртеррористическое управление ООН и ШОС совместно организовали первый региональный учебный семинар; в 2021 и 2023 годах стороны провели два раунда диалога между секретариатами. Эти примеры показывают, что взаимодействие сторон переходит к совместному взаимодействию.

Наиболее заметным изменением в этот период стало расширение сфер сотрудничества. Безопасность попрежнему оставалась и остается наиболее значимой сферой взаимодействия, особенно в вопросах борьбы с терроризмом, противодействия наркотрафику и борьбы с транснациональной преступностью. Одновременно сотрудничество начало распространяться на сферы развития, транспорта, здравоохранения, образования, экологии и другие направления. К примеру, при технической и финансовой поддержке ЭСКАТО государства — члены ШОС провели переговоры по проекту Соглашения о облегчении международных автомобильных перевозок и приложениям к нему; в 2022 году ШОС и ЮНЕСКО подписали Меморандум о взаимопонимании; в 2024 году ШОС и ЮНЕП подписали Меморандум о взаимопонимании. Отсюда видно, что сферы сотрудничества сторон уже направились на более широкий сектор.

Причины углубления сотрудничества ШОС и ООН

Сотрудничество между ШОС и ООН является результатом действия множества факторов. Оно опирается, с одной стороны, на постоянную поддержку со стороны государств-членов в рамках ШОС и ООН, а с другой — на функциональную взаимодополняемость двух организаций.

Поддержка государств-членов как основа сотрудничества ШОС и ООН

Все государства — члены ШОС являются одновременно членами ООН. С момента своего создания ШОС в декларациях своего высшего руководящего органа — Совета глав государств неоднократно подчеркивала необходимость сотрудничества с ООН. Например, в Декларации о создании ШОС 2001 года прямо указывается: «Государства — участники Шанхайской организации сотрудничества твердо придерживаются целей и принципов Устава Организации Объединенных Наций», что заложило политическую основу для последующего сотрудничества. В Ташкентской декларации 2004 года говорится: «ШОС будет взаимодействовать с другими государствами и международными структурами, прежде всего с ООН». Декларация глав государств 2011 года сообщает, что «главы государств подчеркивают, что приоритетным на-

правлением в международной деятельности ШОС является укрепление и развитие связей с Организацией Объединенных Наций в области борьбы с новыми вызовами и угрозами, экономического, социального, гуманитарного и культурного развития».

Одновременно государства — члены ШОС, используя свой статус членов ООН, активно продвигали сотрудничество в рамках ООН. В 2004 году Китай инициировал включение в повестку дня 59-й сессии ГА ООН пункта о предоставлении ШОС статуса наблюдателя, указав в пояснительной записке, что «Ассамблея желает содействовать сотрудничеству между ООН и ШОС». В 2008 году

члены ШОС совместно предложили включить в повестку дня 64-й сессии ГА ООН пункт «Сотрудничество между ООН и Шанхайской организацией сотрудничества», рекомендовав «специализированным учреждениям, организациям, программам и фондам системы ООН, а также Бреттон-Вудским институтам сотрудничать с ШОС с целью совместной реализации программ и достижения своих целей». В последующие годы члены ШОС неоднократно вносили в ГА ООН проекты резолюций об укреплении сотрудничества между ООН и ШОС. Информация о принятых резолюциях (год, ключевое содержание, номер) представлена в таблице 1.

Таблица 1. Резолюции ГА ООН об укреплении сотрудничества с ШОС

Год	Ключевая информация	Номер резолюции
2004	Предоставить Шанхайской организации сотрудничества статус наблюдателя при Генеральной Ассамблее ООН	59/48
2009	Предложить специализированным учреждениям, организациям, программам и фондам системы ООН сотрудничать с Шанхайской организацией сотрудничества, совместно реализовывать соответствующие программы для достижения целей	64/183
2010		65/124
2012		67/15
2014		69/11
2016		71/14
2019		73/334
2021		75/268
2023		77/338

Примечание: составлено автором на основе материалов библиотеки ООН.

Функциональная взаимодополняемость как источник потребности в сотрудничестве

Потребности ШОС в отношении ООН

Во-первых, ШОС нужна институциональная поддержка в области глобальной контртеррористической деятельности и управления безопасностью. Сотрудничество ШОС в сфере безопасности в основном ограничено Центральной Азией и прилегающими регионами; организации не хватает глобальной разведывательной сети и механизмов координации, выходящих за рамки региона. В афганском вопросе эта ограниченность особенно заметна: террористические группировки продолжают угрожать безопасности Афганистана и его соседей, и опора исключительно на сотрудничество государств — членов ШОС едва ли способна искоренить проблему. ООН восполняет этот недостаток. В июле 2024 года постоянный представитель Китая при ООН Фу Цун в Совете Безопасности прямо призвал усилить сотрудничество между ШОС и Миссией ООН по содействию Афганистану, чтобы способствовать контактам международного сообщества с временным правительством Афганистана и помочь ему отдалиться от терроризма. Это предложение было подтверждено на третьей встрече министров иностранных дел Китая, России, Пакистана и Ирана по афганскому вопросу в сентябре 2024 года: стороны согласились

«в полной мере использовать механизмы и платформы, такие как... Шанхайская организация сотрудничества, для совместного противодействия рискам и вызовам с целью окончательного искоренения террористических группировок на территории Афганистана» и «поддерживать более активную роль ШОС в афганском вопросе, поддерживать ООН в координации усилий международного сообщества по стабилизации и оказанию помощи Афганистану».

Во-вторых, ШОС нужно обеспечение глобальной привязки к повестке дня в области устойчивого развития. ШОС накопил опыт в содействии региональной связанности и энергетическому сотрудничеству, однако ее действия в области развития нуждаются во встраивании в глобальные рамки Повестки дня ООН в области устойчивого развития на период до 2030 года, чтобы получить большую легитимность и ресурсную поддержку. В сентябре 2025 года Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш, участвуя в Тяньцзиньском саммите ШОС, отметил, что «Шанхайская организация сотрудничества обладает уникальным преимуществом в формировании более мирного, инклюзивного и устойчивого будущего», а такие усилия ООН, как реформа международной финансовой архитектуры и обеспечение справедливого представительства развивающихся стран, нуждаются в общем голосе членов ШОС. Это выступление напрямую поместило региональное сотрудничество ШОС в рамки глобальной

повестки ООН, отражая глубинную потребность ШОС в ресурсах ООН.

Потребности ООН в отношении ШОС

Во-первых, ООН нужен ШОС как ключевой хранитель региональной стабильности и безопасности. «Отсутствие военных соглашений, предусмотренных статьей 43 Устава ООН, вынуждает Совет Безопасности ООН делегировать государствам-членам или региональным организациям полномочия» [19]. В связи с этим реализация резолюций Совета Безопасности ООН часто требует опоры на страны или региональные организации. В июле 2024 года помощник Генерального секретаря ООН по поддержке миростроительства Элизабет Шпехар на брифинге в СБ ООН по вопросам сотрудничества с ШОС прямо заявила: «Сейчас, как никогда ранее, более эффективная Организация Объединенных Наций нуждается в укреплении и углублении сотрудничества с региональными и субрегиональными организациями». Она указала, что растущая напряженность между государствами ведет к утрате доверия и появлению новых конфликтов, «что также сказывается на нашей способности эффективно реагировать на глобальные вызовы». ШОС играет незаменимую роль в обеспечении безопасности и стабильности в Евразии — как подчеркнул на том же заседании Генеральный секретарь ШОС Чжан Мин, «ни одна страна или региональная организация не может оставаться в стороне», «нам необходимо продвигать международное сотрудничество при координирующей роли ООН». Именно через ШОС ООН может трансформировать свои контртеррористические требования в области региональной безопасности в скоординированные действия в Центральной Азии и ее окрестностях; в противном случае резолюции останутся лишь на бумаге.

Во-вторых, ООН нужен ШОС как важный строитель многополярного миропорядка. 31 августа 2025 года Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш в эксклюзивном интервью центрального телевидения Китая прямо заявил: «ШОС имеет решающее значение для построения многополярного мира. Государства — члены ШОС играют важнейшую роль в этом процессе. Я считаю, что су-

ществование ШОС является одной из основ нашего движения к подлинно многополярному миру». Перед лицом вызовов, связанных с односторонними действиями и стремлением к гегемонии, ООН необходимо опираться на такой региональный формат, как ШОС, который охватывает почти половину населения мира и включает ряд значимых развивающихся экономик, чтобы консолидировать международный консенсус в условиях формирующегося многополярного миропорядка и снизить риски соперничества великих держав и раскола на блоки.

Заключение

В данной статье объектом исследования является сотрудничество между ШОС и ООН. Разработана система оценки интенсивности сотрудничества, охватывающая три аспекта: уровень институционализации сотрудничества, формы взаимодействия и сферы сотрудничества. Систематически прослежена динамика сотрудничества и проанализированы причины углубления сотрудничества.

Исследование показывает, что сотрудничество ШОС и ООН прошло путь постепенной институционализации: от низкой институционализации (с 2001 года) через средний уровень (после получения статуса наблюдателя в 2004 году) к высокому (после подписания Совместной декларации о сотрудничестве в 2010 году). В этом процессе формы сотрудничества начинались с символического взаимодействия, затем постепенно перешли к совместному взаимодействию, а сфера сотрудничества расширилась от исключительно безопасности до развития, охраны окружающей среды, образования и других областей. В этом процессе важным толчком служила постоянная поддержка со стороны государств — членов ШОС и ООН. Важным мотивом для продвижения сотрудничества играла и функциональная взаимодополняемость двух организаций. ШОС нуждается в ООН для обеспечения контртеррористической координации, а также для стыковки с повесткой дня в области устойчивого развития. ООН нуждается в ШОС как в хранителе региональной безопасности и как в партнере по построению многополярного порядка.

Литература:

1. Ivaylo, Gatev. Eurasian encounters: the Eurasian Economic Union and the Shanghai Cooperation Organisation / Ivaylo Gatev, Glenn Diesen. — Текст: непосредственный // European Politics and Society. — 2016. — P. 133–150.
2. Panke, Diana. Cooperation between international organizations: demand, supply, and restraint / Diana Panke, Sören Stapel. — Текст: непосредственный // The review of international organizations. — 2024. — P. 269–305.
3. Clark, Richard. Pool or duel? Cooperation and competition among international organizations / Richard Clark. — Текст: непосредственный // International Organization. — 2021. — P. 1133–1153.
4. Берестнева, С. И. Анализ тенденции интеграции между ЕАЭС и ШОС / С. И. Берестнева, Н. В. Кулешов. — Текст: непосредственный // Общество и цивилизация. — Т. 6 (1). — 2024. — С. 47–50. — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=60054983> (дата обращения: 07.05.2026).
5. Бо, Янь. Справочник по исследованию международных организаций / Янь Бо, Цзецинью Чжу, Сюэин Чжан. — 1-е изд. — Шанхай : Шанхайское народное издательство, 2025. — 342–343 с. — Текст: непосредственный.

6. Ван, Чаоцин. Международное сотрудничество в области безопасности между ШОС и ОДКБ / Чаоцин Ван. — Текст: непосредственный // Теория и практика общественного развития. — № 8. — 2015. — С. 123–127. — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23612080> (дата обращения: 07.05.2026).
7. Ван, Шучунь. Анализ отношений между Шанхайской организацией сотрудничества и Евразийским экономическим сообществом / Шучунь Ван, Цинсун Вань. — Текст: непосредственный // Мировая экономика и политика. — 2012. — С. 20–38; 156–157. — URL: https://libvpn.gdufs.edu.cn/kcms2/article/abstract?v=5qKCSu-RHii4iTsv7ASF7NTmmJc5wZQMNYmaYQOEcg6i-eIxxJVUeyg4s4U2m2Oz_qkMCG2a7AqQ10BzM1496D5tcpf-cGI5u1m5xToLaTL_Smc9IU_vMdbne4oY5TLMZzQICn_8V3MXIN27OKwgnFluqyMVKJA4c2Oln9sv_vVEQeNLIF_w==&uniplatform=NZKPT&language=CHS&__proto__=https&__host__=kns.cnki.net (дата обращения: 07.05.2026).
8. Ван, Шучунь. Почему сотрудничество между ШОС и ОДКБ больше, чем конкуренция? / Шучунь Ван, Чжэнь Чжу. — Текст: непосредственный // Международная политическая наука. — 2010. — С. 4; 90–116. — URL: https://libvpn.gdufs.edu.cn/kcms2/article/abstract?v=5qKCSu-RHihIB4s5KoNRAGY3x5WcIzAVK4VRb_7iDxj6Q269gKN2fLB-OzWONhXfbc5gniSu5r5zifz0L76Mxth1S0fU27g8aMIWjwId2R8m_UAXgTgATjAgmYIKCSrNq13l7vWz6Xo7hlVDTLNzqLPckjUp_-j5RlmvUeVfkG6tuBLl8OzA==&uniplatform=NZKPT&language=CHS&__proto__=https&__host__=kns.cnki.net (дата обращения: 07.05.2026).
9. Дяо, Сюхуа. Исследование стыковки и сотрудничества между Шанхайской организацией сотрудничества и Евразийским экономическим союзом / Сюхуа Дяо. — Текст: непосредственный // Вопросы финансов и экономики. — 2019. — № 12. — С. 112–119. — URL: https://libvpn.gdufs.edu.cn/kcms2/article/abstract?v=5qKCSu-RHigJD34GvJYg4YY6quGuzYcoc2o4Hwg1VzceUG7QSiZ6GSBBurG5eUsT5a8tM2XWm7bj62L2bc8x2Nb5PSf_OaunYaRbAuQlW890DY9x34O_n4WtxPMwCsdQ8PckVpVNMUDUDOH30Jet2acu3zJmeOnYoxp-KzrJGLqMvyocQvXa5g==&uniplatform=NZKPT&language=CHS&__proto__=https&__host__=kns.cnki.net (дата обращения: 07.05.2026).
10. Куан, Юйся. ШОС в системе международных организаций Центральной Азии / Юйся Куан. — Текст: непосредственный // Вестник Чанчуньского университета науки и технологий. — 2012. — С. 64–65. — URL: https://libvpn.gdufs.edu.cn/kcms2/article/abstract?v=5qKCSu-RHih9kNjR95o7vDPIg89BvKpaMXX9Lsp08J24sASfi5vK4Zxte7aPvAF_0i95yQOOHtYq8R_nKMD434fobZcLT1dJcTBINbC2wfyOiNqEADaYIasKbzeZnLmH0Xo-4kFqDJdFlxTpk-9Z5l25CBXnsScJvFu0asPho8y_GMN-PHvw==&uniplatform=NZKPT&language=CHS&__proto__=https&__host__=kns.cnki.net (дата обращения: 07.05.2026).
11. Култаев, А. К. Взаимодействие ОДКБ с другими международными организациями (ООН, ШОС, НАТО) / А. К. Култаев. — Текст: непосредственный // Вестник КРСУ. — 2025. — С. 184–194.
12. Ло Хан. Конкуренция и смерть международных организаций: экологическая перспектива / Хан Ло, Босюань Ли. — Текст: непосредственный // Мировая экономика и политика. — 2023. — С. 51–76, 157–158. — URL: https://libvpn.gdufs.edu.cn/kcms2/article/abstract?v=5qKCSu-RHihFfyS2r1fMdhie2_IUFuS7WH4FTrfpdi14L0nVYNFLjMnIDYkbxJZYDilCGGj2gkxDoKRJIoc9I7TyHdxrouPMBsq-PPPYZ_D5iQ-rGcGTxKvRUJ5h_DJKA7Vki7qa76Yc29VrKnvmVlQv2xscZw4fdq1M8n_1MBPayy9ulhLRYQ==&uniplatform=NZKPT&language=CHS&__proto__=https&__host__=kns.cnki.net (дата обращения: 07.05.2026).
13. Сафранчук, И. ШОС на марше. ОДКБ в обозе? Две оборонительные организации вступают в конкурентную борьбу / И. Сафранчук. — Текст: электронный. — URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1187561160> (дата обращения: 01.05.2026).
14. Селезнев, И. Роль ОДКБ и ШОС в обеспечении безопасности стран Средней Азии / И. Селезнев. — Текст: непосредственный // Социально-гуманитарные знания. — 2017. — С. 143–152.
15. Сун, Ваньчжэнь. Логика межорганизационного сотрудничества в региональном управлении: с точки зрения экологической среды / Ваньчжэнь Сун. — Текст: непосредственный // Современный Азиатско-Тихоокеанский регион. — 2024. — С. 81–111, 167–168. — URL: https://libvpn.gdufs.edu.cn/kcms2/article/abstract?v=5qKCSu-RHij6le7kdMQcSFEsE62_0FXJLPRpY1XWxuAOFIaCxSx81SMWSnugewHxXZoN5t9eaa4_XwJOluNhfq7z9FLrf4AXcm-g5awvudMngKC9GsS5CT6l7by5xLsnKzO0gtR1w3xG_nXa64bvYHX-Zmyi5t6jN119CaQsIXUMvvAvQKPMlg==&uniplatform=NZKPT&language=CHS&__proto__=https&__host__=kns.cnki.net (дата обращения: 07.05.2026).
16. Сун, Ваньчжэнь. Оценка эффективности сотрудничества между международными организациями: исследовательская повестка / Ваньчжэнь Сун. — Текст: непосредственный // Международная политическая наука. — 2024. — С. 138–168. — URL: https://libvpn.gdufs.edu.cn/kcms2/article/abstract?v=5qKCSu-RHigV7I5z2jtVYE9Hkh-hh1G35GbrAB0Oq8euSdgNBlwdCNSKo-wuZb6-GsCpixvvhOHKIA43HFrCxu7v6Bqs59Ddxc_UqMfRhK-A5B0IQjT4Q8YYvEgVxoN47ffgcKiNZDvuT6YfT5eTLfgwjs2Md13zYrm1iAktEYJ86t1pDSyg==&uniplatform=NZKPT&language=CHS&__proto__=https&__host__=kns.cnki.net (дата обращения: 07.05.2026).
17. Сыроежкин, К. Л. ШОС и ОДКБ: проблемы взаимодействия / К. Л. Сыроежкин. — Текст: электронный. — URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1163500380> (дата обращения: 01.05.2026).
18. Чувахин, П. И. Международно-правовые основы взаимодействия международных организаций: теория и практика / П. И. Чувахин. — Текст: непосредственный // Журнал Высшей школы экономики. — 2025. — С. 245–271.

19. Ян, Юнмин. Коллективная система безопасности ООН с точки зрения международного права: правовая структура, институциональные проблемы и меры реагирования / Юнмин Ян. — Текст: непосредственный // Вестник права Национального университета Тайваня. — 1997. — № 26:03. — С. 183–211. — URL: <https://tpl.ncl.edu.tw/NclService/JournalContentDetail?SysId=A97016817&directQuery=true&ji%5b0%5d=%e5%9c%8b%e7%ab%8b%e8%87%ba%e7%81%a3%e5%a4%a7%e5%ad%b8%e6%b3%95%e5%ad%b8%e8%ab%96%e5%8f%a2&nestedSearch=false&page=4> (дата обращения: 07.05.2026).

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 19 (622) / 2026

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 20.05.2026. Дата выхода в свет: 27.05.2026.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.